

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»

ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge

2022 Vol. 5 №1 (15)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по направлению **22.00.00 «Социологические науки»**.

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal “Caucasian Science Bridge”

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in the direction **22.00.00 “Sociological Sciences”**.

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the “Archives” (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 15.07.2022. Подписано в печать 17.07.2022. Выход в свет 16.08.2022.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 9,9. Тираж 550 экз. Заказ № 404.

Отпечатано в типографии ООО «Фонд науки и образования»

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 111. Тел. 8-918-570-30-30.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария.

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия.

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пруель Николай Александрович – доктор социологических наук, профессор; Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Стойка Петрова Пенкова – доктор социологических наук, доцент; Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, США, Вирджиния, г. Аннандейл, Международный языковой центр «ESZETT»

Даниела Коцева – доктор социологических наук, доцент; университет «Гоце Делчев» – Штип, Северная Македония.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия.

Caucasian Science Bridge

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University "St. Kliment Ohridski", Sofia, Bulgaria.

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Pruel Nikolay Alexandrovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia.

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Stoika Petrova Penkova – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center "ESZETT", Annandale, Virginia, USA

Daniela Kotseva – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Goce Delchev University, Shtip, North Macedonia

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation "Center for Social and Political Research" "Strategy", Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Шахбанова М.М.

Языковая политика и языковой конфликт
в современном российском обществе 10

Гузенина С.В., Кулакова И.С.

Социокультурные аспекты адаптации иностранных
студентов в РФ (опыт эмпирического исследования) 22

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Загирова Э.М. Многоженство в семейно-брачной сфере народов
Дагестана: историко-социологический анализ 32

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Захарова В.А.

Экологическое поведение в современной России:
мнения молодежи Южного федерального округа
(по материалам фокус-группового исследования) 42

ПО СЛЕДАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ «ПУТЬ В НАУКУ»

(г. Ростов-на-Дону, 21-22 апреля 2022 г.)

Гаврилов П.С.

Международное образовательное сотрудничество:
современные тренды и перспективы развития 54

Дворчанский Д.Н.

Религиозная социализация в Instagram:
проблема и направления совершенствования 57

Денищенко М.Е.

«Цифровая молодежь», «цифровой разрыв»
и межпоколенческие отношения в России 62

Жиденко А. А.

Молодая семья в условиях постпандемической реальности 64

Кирпилёв А. А.

Качество среднего общего образования в современной России 67

Лукьяшко А.Г.

Семья в формировании ценности здоровья
у современной российской молодежи 70

Максимов Н.С.

Молодежные организации в странах Латинской Америки 73

Мангасаров П.П.	
Харизматическое лидерство в социологии Макса Вебера	77
Месхи Б.Б.	
Условия становления социально-инвестиционной модели регионального управления в современной России	79
Мирончук М.Р.	
Старообрядцы на Дону	84
Мищенко Д.Н.	
Мобильность молодежи в современном мобильном мире: проблемы и перспективы	90
Мындру М.П.	
Геополитика Российской Федерации в Черноморско-Каспийском регионе в контексте обеспечения собственной национальной безопасности	93
Палий В.Э.	
Российско-иранское сотрудничество: исторический аспект	98
Петровский Д.А.	
Роль Российской Федерации в современных экономических отношениях	101
Рожабова К.Э.	
Влияние туризма на социальную интеграцию региональной мо- лодежи	104
Саидова Л.И.	
Функции и социализационный потенциал экологического туризма	106
Симачев Р.А.	
Проблемы трудовой миграции в современной России	109
Узунов В.В.	
Этноконфессиональный фактор в социальной консолидации региональных сообществ на Юге России	112
Информация для авторов	115

CONTENTS

SOCIOLOGY OF EDUCATION

Shakhbanova M.M.

Language policy and language conflict in modern Russian society 10

Guzenina S. V., Kulakova I. S.

Sociocultural aspects of adaptation of foreign Students
in the Russian Federation (empirical research experience) 22

SOCIOLOGY OF FAMILY

Zagirova E. M. Polygamy in family and marriage sphere

of the peoples of Dagestan: historical and sociological analysis 32

SOCIOLOGY OF YOUTH

Zakharova V. A.

Ecological Behavior in modern Russia:
opinions of youth in the Southern Federal District
(based on materials from a focus group study) 42

IN THE FOOTSTEPS OF THE ALL-RUSSIAN CONFERENCE OF STUDENTS, GRADUATES AND YOUNG SCIENTISTS

“WAY TO SCIENCE”

(Rostov-on-Don, 21-22.04.2022)

Gavrilov P. S.

International educational cooperation:
modern trends and development prospects 54

Dvorchansky D. N.

Religious socialization on Instagram:
the problem and directions for improvement 57

Denishenko M. Ye.

“Digital youth”, “digital gap” and intergenerational relations in Russia ... 62

Zhidenko A. A.

Young family in the post-pandemic reality 64

Kirpilev A. A.

Quality of general secondary education in modern Russia 67

Lukyashko A. G.

Family in formation of the value of health among modern Russian youth 70

Maksimov N.S.

Youth organizations in Latin America 73

Mangasarov P. P.

Charismatic leadership in the sociology of Max Weber 77

Meskhi B.B.	
Conditions for the formation of social and investment model of regional management in modern Russia	79
Mironchuk M. R.	
Old Believers on Don	84
Mishchenko D. N.	
Youth mobility in modern mobile world: problems and prospects	90
Mindru M. P.	
Geopolitics of the Russian Federation in the Black Sea-Caspian Sea region in the context of ensuring its own national security	93
Paliy V. E.	
Russian-Iranian cooperation: historical aspect	98
Petrovsky D. A.	
Role of the Russian Federation in modern economic relations	101
Rozhabova K. E.	
The impact of tourism on social integration of regional youth	104
Saidova L. I.	
Functions and socialization potential of ecological tourism	106
Simachev R. A.	
Problems of labor migration in modern Russia	109
Uzunov V. V.	
Ethnical and confessional factor in social consolidation of regional communities in the South of Russia	112

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.1

Научная статья

УДК 316.347(470.62)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.1>

Языковая политика и языковой конфликт в современном российском обществе

Мадина М. Шахбанова¹

¹Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
e-mail: madina2405@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема состояния национальных (родных) языков является одной из актуальных, ибо современное информационное общество и специфика его развития способствовали появлению совершенно иной модели языкового поведения и языкового сознания.

Теоретическое обоснование. Языковой вопрос остро проявляется в полиэтническом образовании, ибо многоязычие требует определения языка межнациональной коммуникации. Языковая проблема актуализировалась в постсоветский период в комплексе с национальной проблематикой и ростом национального самосознания, обозначением этнолидерами вектора сохранения этнокультурной самобытности. При этом любая проблема в российском обществе, причем неоправданно, носила этнический оттенок. Среди множества этнических проблем особое место занимает языковая, ибо от состояния национального языка, отношения к нему, его статуса зависит стабильное развитие любого социума. Ущемление национального языка, его игнорирование, запрет использования формирует в обществе интолерантные установки. Важную роль в решении языкового вопроса должна осуществлять языковая политика, которая должна в полной мере учитывать этнические интересы всех национальных образований, избегать ущемления языковых прав носителей конкретно взятого языка. Только целенаправленная реализация заложенных в языковой политике мер позволит не допустить появления языкового конфликта, в противном случае возможно возникновение межэтнических конфликтов под лозунгами защиты родного (национального) языка, что может дестабилизировать межнациональную сферу в целом.

Методы. Эмпирическое исследование проведено в 2021 г. методом случайного отбора. Объектом исследования является городское население. Предметом исследования выступает языковое сознание и языковое поведение городского населения Дагестана. Место проведения опроса – гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт, Кизляр. Основанием для включения данных городов в выборку исследования является территориальный параметр, который позволяет равномерно охватить северную, равнинную и южные административные образования. N = 563.

Результаты и их обсуждение. Анализ языковой политики в современном российском обществе показывает, что данный опрос является одним из актуальных, потому что на фоне обострения в межнациональной сфере одним из факторов ухудшения ситуации был именно статус национальных языков.

Основные положения.

- проведенное исследование показывает доминирование русского языка как языка межнациональной коммуникации в языковом поведении опрошенного городского населения; данный факт свидетельствует о трансформации языкового сознания горожан;
- родной язык респондентами в основном используется во внутрисемейном общении, при этом в межнациональной семье его практически не применяют по объективным причинам.
- основными информативными источниками для опрошенного населения выступают издания на русском языке при неостребованности публикаций на национальных языках. Однако следует отметить, что уменьшение веса изданий на родных языках обусловлено тем фактом, что электронные средства массовой информации превалируют над печатными изданиями;
- выявлено непоследовательность и противоречивость в языковом поведении городского населения: декларирование ценности национального языка не согласуется с их языковым предпочтением.

Ключевые слова

языковая проблема; языковой вопрос; языковой конфликт; национальный язык; языковое поведение; языковое сознание.

Для цитирования

Шахбанова М.М. (2022). Языковая политика и языковой конфликт в современном российском обществе. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 10–21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.1>

Language policy and language conflict in modern Russian society

Madina M. Shakhbanova¹

¹Institute of History, Archeology and Ethnography,

Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia

e-mail: madina2405@mail.ru

Abstract.

Introduction. The problem of the state of national (native) languages is one of the most urgent, because modern information society and the specifics of its development have contributed to appearance of a completely different model of language behavior and language consciousness.

Theoretical justification. The language issue is acutely manifested in multi-ethnic education, because multilingualism requires the definition of the language of interethnic communication. The language problem was actualized in the post-Soviet period in combination with national problems and the growth of national self-consciousness, the designation by ethnical leaders of the vector of preserving ethno-cultural identity. At the same time, any problem in Russian society unjustifiably had an ethnic connotation. Among a lot of ethnic problems, the language one takes a special place, because the stable development of any society depends on the state of the national language, the attitude towards it, its status. The infringement of the national language, it is ignoring, prohibition of use forms intolerant attitudes in society. An important role in resolving the language issue should be played by language policy, which should fully take into account ethnic interests of all national entities, avoid infringing on the language rights of speakers of a particular language. Only the targeted implementation of the measures laid down in the language policy will make it possible to prevent the emergence of a language conflict, otherwise interethnic conflicts may arise under slogans of protecting the native (national) language, which can destabilize the interethnic sphere as a whole.

Methods. An empirical research was conducted in 2021 by random selection. The object of the research is the urban population. The subject of the research is the language consciousness and language behavior of the urban population of Dagestan. Location of the survey – cities Derbent, Kaspiysk, Makhachkala, Khasavyurt, Kizlyar. The basis for including these cities in the sample of the study is the territorial parameter, which allows to cover the northern, plain and southern administrative entities evenly. N = 563.

Results and its discussion. The analysis of the language policy in modern Russian society shows that this survey is one of the most relevant, because against the backdrop of an aggravation in the interethnic sphere, one of the factors that worsened the situation was precisely the status of national languages.

Basic provisions.

- the conducted research shows the dominance of the Russian language as the language of interethnic communication in the language behavior of the surveyed urban population; this fact testifies to the transformation of the language consciousness of the townspeople;
- native language is mainly used by respondents in intra-family communication, while in an interethnic family it is practically not used for objective reasons.
- the main informative sources for the surveyed population are publications in Russian, while there is no demand for publications in national languages. However, it should be noted that the decrease in the weight of publications in native languages is due to the fact that electronic media prevail over print publications;
- revealed inconsistency and inconsistency in the language behavior of the urban population: declaring the value of the national language is not consistent with their language preference.

Keywords

language problem; language issue; language conflict; national language; language behavior; language consciousness.

For citation

Shakhbanova M.M. (2022). Language policy and language conflict in modern Russian society. *Caucasian Science Bridge*, 2022, 5 (1), P. 10–21. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.1>

Введение

В современном мире язык является одним из важнейших признаков этничности, кроме того, и коммуникативным средством, обеспечивающим целостность не только народа, но и государства, впрочем, как всего общества в целом. Рассмотрение состояния и статуса национального языка в рамках исследования этнической проблематики в целом показывает, что он является основополагающим компонентом культуры, способом ее самовыражения, важнейшим механизмом формирования, определения и дифференциации этноса, то есть «язык продолжает оставаться важнейшим этническим маркером... он служит еще и символом достигнутого уровня независимости...» (Арутю-

нова, 2018, с. 25). Иными словами, наряду со многими национальными признаками, язык является базовым элементом воспроизводства этнической идентичности, поэтому смена языка или же его утрата может привести к ассимиляции и аккультурации народа.

Как и любому образованию, языку присущи самые разнообразные функции (коммуникативная, интеграционная, политическая и др.), благодаря которым формируются каналы общения с представителями инонациональной общности, а также происходит процесс приобщения к иноэтническим культурам. Кроме того, язык сложное по своему образованию и функциям явление, поэтому при изучении его в разных разрезах необходимо учитывать, во-первых, существование языка в различных формах (устный, разговорный или литературный, бесписьменный или письменный), во-вторых, уровни использования (общенациональный, локальный, местный). Поэтому, исходя из данных факторов, выделяют: а) язык межнациональной коммуникации; б) официальный язык; в) региональные языки. Также изучение языка, как социокультурного явления, показывает, что на протяжении истории человечества каждый язык развивался лучше всего не в каком-либо изолированном пространстве, а благодаря коммуникации и сотрудничеству носителей разных языков: при обмене материальными и духовными ценностями, народы обогащали и язык как орудие межличностной коммуникации. Чем интенсивнее и разностороннее были контакты между представителями разных этнических общностей, тем продуктивнее происходило языковое развитие.

В современный период для многих государств характерно существование двуязычия (билингвизма) или многоязычия (полилингвизма). Политика внедрения одного государственного языка провоцирует языковой конфликт и протест. Более того, движения под лозунгами защиты национальных языков могут иметь непредсказуемые последствия. Поэтому языковые требования в части предоставления равного с другими языками статуса, расширения сферы его использования очень часто входят в программу многих политических и, особенно, национальных партий. Данное обстоятельство позволяет утверждать, что на состояние этнической общности огромное влияние оказывает языковая политика государства (поддержка или игнорирование языковых прав).

На ухудшение ситуации с национальными языками не только малых по численности, но и крупных этнических образований большое влияние оказывают глобализация и глобализационные процессы. Соответственно, их негативные последствия актуализировали, во-первых, проблему сохранения этноязыковой и культурной специфики, во-вторых, вопрос обеспечения полноценного функционирования языков, особенно малочисленных народов. В этой связи актуально звучит мысль И.А. Бодуэн де Куртенэ: «не тот или иной язык мне дорог, а мне дорого право говорить и учить на этом языке. Мне дорого право человека оставаться при своем языке, выбирать его себе, право не подвергаться отчуждению от всесторонней употребляемости собственного языка, право людей свободно самоопределяться и группироваться, тоже на основании языка» (Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 145).

Если обратиться к истории языковой политики в Российском государстве, то ее основные направления были сформулированы еще в первой программе РСДРП: создание за счет государства национальных школ и учреждений культуры, право получать образование и говорить на родном языке, введение родного языка наряду с государственным во всех местных общественных и государственных учреждениях. То есть в области языковой политики Советской России (затем СССР), которая базировалась на необходимости обозначать идентичность человека, было зафиксировано: «демократическое государство безусловно должно признать полную свободу родных языков и отвергнуть всякие привилегии одного из языков» (Ленин, 1961, с. 71). Иными словами, в Советской России большое внимание уделялось развитию национального (родного)

языка всех народов, включенных в его состав. Важнейшие шаги в данном направлении были предприняты Наркоматом по делам национальностей: «никакого обязательного "государственного" языка – ни в судопроизводстве, ни в школе! Каждая область выбирает тот язык или те языки, которые соответствуют национальному составу ее населения. Причем соблюдается полное равноправие языков как меньшинств, так и большинства во всех общественных и политических установлениях» (Алпатов, 2016, с. 10).

В полинациональных государствах, к которым относится и Россия, языковая политика обычно бывает направлена на признание права использовать те языки, на которых общается население в той или иной местности или принадлежащее той или иной языковой группе, даже при дисперсном проживании носителей языка. В законах, в том числе российских, как бы закрепляется следующая оптимальная формула: «пусть каждый имеет возможность пользоваться своим родным языком в некоторых сферах, например, в школах и университетах, но при совместной деятельности, особенно в общественной жизни, давайте использовать один общий язык» (Тишков, 2005, с. 18). Идею единого языка межнационального общения впоследствии многие авторы истолковали в альтернативной форме «или – или»: «или единый язык для всего человечества и тогда люди объединяются и трудятся совместно, или отдельные языки у разных народов, и тогда люди будто бы вообще не могут объединиться и трудиться совместно» (Будагов, 1967, с. С. 337). По мнению В.И. Ленина, в полинациональном государстве «потребности экономического оборота сами собой определяют тот язык данной страны, знать который большинству выгодно в интересах торговых сношений. И это определение будет тем тверже, что его примет добровольно население разных наций, тем быстрее и шире, чем последовательнее будет демократизм...» (Ленин, 1961, с. 424).

Таким образом, несомненно, что сохранение целостности языка и полноценное его функционирование предполагает существование языковой политики в государстве. Кроме того, свидетельством важности языковой политики является обозначение ее как части национальной политики государства.

Теоретические основы исследования

Если обратиться к структуре языковой политики, то она является сложной системой, внутри которой существуют собственные законы развития, входящие в ее состав элементы находятся в определенной взаимосвязи, в конечном счете, определяя пути развития и функционирования каждого из языков. Кроме того, несмотря на восприятие языковой системы, как оторванной от иных социальных областей, она оказывает самое непосредственное влияние на сохранение стабильности и позитивного межэтнического климата в обществе. Иными словами, «языковая политика имеет несколько областей пересечения с проблемами безопасности, в том числе в таких сферах, как экономическая безопасность и безопасность граждан государства. Такие области возникают в результате коллизий между прокламируемыми целями образовательной и языковой политики, с одной стороны, и языковыми предпочтениями населения, с другой» (Соколовский, 2016, с. 46).

Что такое языковая политика? В словаре под языковой политикой понимают «совокупность идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве» (Алпатов, 2003). Иными словами, «языковая политика связана с сознательным воздействием общества на язык и с этой точки зрения она представляет собой концентрированное выражение методологических и социальных основ, определяющих идеологическое и практическое отношение той или иной государственно-политической системы к функционированию, развитию и взаимодействию языков, их роли в жизни народа или народов» (Миньяр-Белоручева, Покровская, 2007, с. 27). Таким образом, под *языковой политикой* в современной науке подразумевают деятельность государства и политических сил по установлению статуса языка в обществе. Она призвана обеспечить условия для функционирования языков,

определять сферы их распространения, а также возможности соответствующих исследований.

Разумеется, языковая политика из-за определенных сложностей при своем осуществлении сопровождается различным катаклизмом, в частности, игнорированием национальных интересов тех или иных этнических общностей, ущемлением языковых прав, которые закономерно приводят к языковым конфликтам. В Советской России осуществлялась языковая политика, которая, может быть, по объективным причинам вызвала нарекания, но статусу национальных (родных) языков, а также их развитию и сохранению уделялось большое внимание, в противоположность современной этноязыковой политике, при которой «весьма невелика роль сознательной языковой политики на общегосударственном уровне в современной России (в отличие от СССР). А если нет целенаправленной политики, то ее место занимает рыночная стихия» (Алпатов, 2016, с. 8).

Исследователи подчеркивают, что «всякая языковая политика в том или ином виде затрагивает соотношение между двумя естественными, но часто вступающими в противоречие человеческими потребностями: потребностью идентичности и потребностью взаимопонимания. Первая из них заключается в том, что для каждого человека естественно пользоваться языком, который он освоил в раннем детстве, которым он свободно владеет. Чаще всего этот язык бывает одновременно языком своего этноса. Необходимость пользоваться чужим языком, часто навязываемая извне, может ощущаться как ущемление прав, как непривилегированное положение и самого человека, и его народа. Потребность взаимопонимания требует, чтобы вступающие в общение люди находили между собой общий язык и пользовались им без помех. Полностью удовлетворяться обе потребности могут лишь в целиком одноязычном обществе, но такое общество существует далеко не всегда: в современном мире стопроцентных одноязычных государств не бывает» (Алпатов, 2016, с. 8).

На волне трансформации основ российского общества наблюдался рост национального самосознания, причем его развитие шло не только в позитивном ключе: так во многих регионах усилили свои позиции национальные лидеры, которые под лозунгом защиты этнических интересов своего народа преследовали личные политические цели, что угрожало национальной безопасности и целостности Российского государства (Регионоведение, 2004). Эти тенденции наиболее выражено себя проявили в экономически развитых российских субъектах. И одной из проблем, которую этнические лидеры эксплуатировали, была языковая, состояние национальных (родных) языков. Справедливости ради следует отметить, что из года в год функции и сферы использования национальных (родных) языков сужались, порой по объективным (непоследовательная языковая политика государства) и субъективным (нежелание носителей языка поддерживать свои родные языки – общаться на них, читать национальную литературу и печатные издания на родном языке, посещать национальные театры и т.д.) причинам. Следовательно, сложившаяся ситуация закономерно приводила к появлению языковых конфликтов, которые по своей выраженности и интенсивности отличались.

Примером языкового конфликта является ситуация в Татарстане, когда местная национальная элита развернула активную кампанию по латинизации татарского алфавита, а это является почвой языкового конфликта и противостояния, поэтому необходимо «ясно понимать принципы и ограничения эффективной языковой политики в многонациональном и многоязычном обществе и отчетливо представлять как области, в которых языковое строительство содействует развитию и укреплению равенства, справедливости и гражданской солидарности, так и зоны риска и опасностей, связанных с реализацией различных программ и версий языковой политики на международном, федеральном и региональном уровнях» (Соколовский, 2016, с. 48).

Осуществление языковой политики в полиэтническом социуме сопровождается определенными проблемами, потому что изначально многонациональность, соответственно, и многоязычие создают сложности в ее реализации. В таких условиях разница в статусе, степени интенсивности функционирования и сфер распространения национального языка, как правило, способствует появлению различных по характеру языковых ситуаций, чаще конфликтных. В качестве примера можно привести состояние с национальными (родными) языками и правами малочисленных дагестанских народов.

Историческое прошлое показывает, что в 1980 – 1990-х гг. на волне перестройки и демократизации общества, можно было наблюдать консолидацию не только этнолидеров, но и научного сообщества, которые, порой по заказу в период избирательной кампании в законодательные органы, акцентировали внимание на состоянии национальных языков, хотя в реальной жизни сами придерживались совершенно противоположного языкового поведения. Более того, призывы придать национальным языкам статус государственных языков не были подкреплены материальной базой, вернее, данному фактору вообще не уделялось никакого внимания, хотя возможность и объем финансирования являются ключевыми при реализации языковой политики. Кроме того, можно было наблюдать мощную политизацию этнической проблематики и языкового вопроса, которая закономерно привела «в ряде регионов к несоответствующей реальной картине оценке состояния "титულных языков", а также интенсивности их функционирования. В результате, вместо сбалансированного и рационального распределения социальных функций между русским и другими государственными языками в республиках в ряде случаев наблюдалась инфраструктурно необеспеченная языковая экспансия национальных языков в функционально неосвоенные сферы. Политика языковой экспансии не могла не вызвать социального напряжения среди нетитульного населения Республики Татарстан, и в отдельных случаях потребовалось вмешательство Генеральной прокуратуры и Конституционного суда для приведения законодательства Татарстана в соответствие с конституционными нормами Российской Федерации» (Соколовский, 2016, с. 48). Отсутствие глубокого анализа языковой ситуации и языковых предпочтений привело к ущемлению прав родителей и ребенка на выбор языка обучения, а это, в свою очередь, отразилось на качестве образования учеников. Ориентация на скорейшее усвоение титульного языка, хотя бы учащимися школ, было ошибкой - желание в кратчайшие сроки наладить обучение на национальных языках при отсутствии необходимой инфраструктуры способствовало росту социальной напряженности.

Определенные коррективы, по мнению автора, в языковую политику внесли внедрение в российское образовательное пространство Болонской системы, которая априори была обозначена как идеальная модель качественного образования. При этом реформаторы не хотели учитывать имевшийся советский опыт образования, поэтому безоглядная ориентированность на западную систему имела негативные последствия для российской системы образования, которая предоставляла широкие возможности для творческого мышления. На смену системе, выпускавшей квалифицированных специалистов, которая позволяла прийти им на производство и работать, пришла совершенно чуждая система, с доминированием тестирования, напроць лишаящего учеников свободы мышления. Более того, тесты и не требуют от школьников широкого круга знаний, ибо суживают получение ими знаний до уровня решения тестовых заданий. Несколько лет тому назад активно обсуждалась необходимость введения в школьную программу обязательность выпускного экзамена по иностранному языку; при этом инициаторы данной идеи не принимали во внимание уровень подготовки преподавательского состава: неудовлетворительность получаемых детьми знаний по иностранному языку вынуждала родителей нанимать репетиторов, что было дополнительной расходной статьей для семьи.

В настоящее время в языковой политике российской власти значимое место занимает отношение к иностранным языкам. В этой связи вполне обоснован следующий вопрос: «Что может явиться целью этноязыковой политики?». По мнению российских исследователей, следует выделить три наиболее очевидных ориентира, которые имеют значение для культурного позиционирования меньшинств и тесно связаны с языковой политикой: «первый касается сохранения языка в контексте поддержания культурной самобытности этнических сообществ. Второй связан со сферой образования и формированием этнических школ как инструментов этнонациональной политики. Третьим ориентиром, видимо, можно считать расширение коммуникативных возможностей языка, превращение его в элемент поддержания культурной солидарности как внутри этнической группы, так и внутри полиэтнического территориального сообщества. Любая из трех указанных целей сегодня может быть продекларирована и принята в качестве политического ориентира только в случае, если разработаны четкие механизмы их достижения и если реализация названных целей не порождает конфликтов между культурными группами» (Шабаетов, Шилов, Денисенко, 2009, с. 102). По мнению Маркуса Галдия, «языковая политика должна: 1. учитывать общественное мнение в отношении используемого языка в языковом сообществе (описательный элемент политики); 2. стимулировать специальные дебаты на темы межэтнических отношений, создавая соответствующие концептуальные рамки (для интеграции меньшинств, мультикультурализма, мультилингвизма); 3. предлагать меры активного продвижения и функционирования языка, компенсирующие несоответствия, возникающие за предшествующую историю; 4. повышать общественную осведомленность по вопросам мультикультурализма и мультилингвизма в системе образования; 5. развивать профессиональные навыки правоведов и государственных чиновников из числа тех, кто имеет дело с проблемами мультикультурализма и мультилингвизма» (Галдия, 2004, с. 74).

Ярким проявлением языкового конфликта была ситуация с переводом татарского алфавита с кириллицы на латиницу, который начался в постсоветский период на волне трансформации российского общества. Данный вопрос хорошо проанализирован на страницах журнала «Этнографическое обозрение» (Соколовский, 2005, с. 7). Данная инициатива была неоднозначно воспринята на федеральном уровне, а ее сторонники указывали на тот факт, что «именно латинская графика позволяет выразить специфические звуки татарского языка» (Соколовский, 2005, с. 12).

По мнению С.В. Соколовского, «рассуждения об "удобстве" или "неудобстве" конкретных графики и алфавита, в особенности при альтернативном выборе, имеют очень зыбкую основу, и, вообще говоря, рассчитаны на неспециалистов: "неудобство" ведь относительно несложно разрешается за счет совершенствования используемого алфавита. Ни один из известных алфавитов не является идеальным отображением фонетической системы живого и развивающегося языка» (Соколовский, 2005, с. 11, 14). Противоположной позиции придерживается С.А. Арутюнов: «кое-как, наспех и топорно созданные в 1930-х гг. кириллические алфавиты неславянских народов России к национальным формам письма никак не относятся, и от них следует просто избавляться поскорее... Вообще все разговоры об особой самобытности, гармоничности, совершенстве, красоте тех или иных национальных алфавитов суть не более чем этноцентрические мифы» (Арутюнов, 2005, с. 20) и далее «постепенный и поэтапный процесс, растянутый на года, и ежегодные издержки будут не так велики. Важно лишь решительно определить его формы и этапы... Хотелось бы напомнить "экономистам" старую мудрость – скупой платит дважды. Чем более на дальнее время будем мы отодвигать начало процесса латинизации, тем дороже он нам обойдется, потому что начинать его придется все равно, более того он стихийно начался в практике электронной переписки» (Арутюнов, 2005, с. 22). Более того, по мнению С.А. Арутюнова, «на нынешнем изгибе синусоиды истории, все, даже скромные, попытки неславянских народов России реали-

зовывать, хотя бы минимально, свои права на относительную национальную суверенность ретиво загоняются в точку, близкую к надиру. И все же, почему такая невинная и нейтральная вещь, как реформа письменности, вызвала не только озлобление великорусских державников и квасо-патриотов иже с ними, но даже неприятие в Конституционном суде, где должны, казалось бы, понимать, сколь недемократично и реакционно такое решение, и как оно вредит пресловутому "имиджу России" на общеевропейском фоне невнимания к правам нацменьшинств» (Арутюнов, 2005, с. 23).

Позиционная борьба между федеральным центром и республиканскими элитами по поводу федеральной поддержки языкового развития завершилась соблюдением относительного баланса между поддержкой образования на русском и на прочих национальных языках, при котором федеральный центр продолжает поддерживать и развивать образование на национальных языках до уровней, не угрожающих целостности государства и обеспечения бесперебойной работы его структур, а региональные элиты готовы перейти от активной риторики языкового сепаратизма к практическим действиям, позволяющим осуществлять языковое строительство в рамках полнофункционального билингвизма (Соколовский, 2016, с. 53). Иными словами, Государственная Дума Российской Федерации приняла закон, допускающий смену графики в государстве или в регионе только по решению федеральных органов власти. Однако вопрос о том, как совместить свободу частного культурного выбора и культурное многообразие без ущерба для многих, кто не способен оценить возможный ущерб будущим поколениям от принятых сегодня политических решений, не теряет своей актуальности и значимости.

Несмотря на технический характер вопроса, реформа татарского алфавита приобрела политическую окраску, что свидетельствует об отсутствии в государстве целенаправленной языковой политики, учитывающей полиэтничность и желание сохранить национальное своеобразие. Также следует отметить, что, по мнению российских исследователей, чрезмерная политизация всей области языковой политики привела к неэффективности столь важных для языкового планирования статистических измерений языковых ориентаций населения, как переписи: «в обеих Всероссийских переписях населения (2002 и 2010 гг.), вопреки рекомендациям специалистов, предлагавших исключить многозначное понятие «родной язык», не позволявшее разграничить сведения о языковом самосознании и языковых компетенциях, оно по ряду причин (главным образом политического характера) осталось в формулировках соответствующих вопросов. В результате, собранные в ходе этих переписей сведения о языковом составе населения страны с трудом поддаются интерпретации не только в отношении численности людей, пользующихся конкретным языком, но и в отношении числа самих языков» (Соколовский, 2016, с. 53). Подтверждением данного вывода является ситуация с малочисленными дагестанскими народами, которые в переписи населения де-факто самоидентифицировались как носители конкретно взятой этнической общности, де-юре остаются в составе более крупных народов и в рамках школьной программы изучают национальный язык народа, в состав которого они включены.

Методы исследования

Социологический опрос по изучению языкового сознания и языкового поведения городского населения Дагестана проведен в 2021 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Кизляр, Хасавюрт. N=521. Методом исследования является массовое стандартизированное анкетирование и анализ эмпирических данных.

Результаты исследования

Изложение языковой политики и основы появления языкового конфликта требует анализа языкового поведения. Несомненно, что позиции родных языков в совре-

менном дагестанском обществе ослаблены, сферы их применения не очень большие и данное обстоятельство не является отсутствием языковой политики, а есть историческая закономерность, ибо в многоязычном Дагестане была объективная необходимость в обозначении языка межнациональной коммуникации, и таковым стал русский язык.

Результаты ответов на вопрос «Где Вы чаще всего говорите на родном языке?» показывают, что коммуникацию на родном языке опрошенные поддерживают внутри семьи (76,1 %), с представителями своего народа (38,3 %) и с друзьями (28,1 %). При этом в учебных заведениях и государственных заведениях общение поддерживает не очень большая часть респондентов – 5,9 % и 6,2 %, соответственно. При этом закономерно, что интенсивность использования русского языка, по сравнению с национальными языками, существенно выше: 46,5 % в семье, 62,1 % с друзьями, 59,4 % с представителями других народов, 60,9 % в учебных заведениях, 69,8 % в государственных заведениях, 51,9 % в общественных местах и 26,3 % с представителями своего народа.

По мнению автора, слабые позиции родного языка, по сравнению с русским языком, могут быть обусловлены тем, что семья может быть межнациональной, или же сами родители выросли в смешанной семье, соответственно, не имели и не имеют языковой практики. Данный вопрос хорошо освещен в работах Э.М. Загирова (Загирова, 2016; Загирова, 2017). Чтобы пояснить ситуацию в разрезе данных факторов, респондентам был задан «контрольный вопрос», который показывает их языковый выбор, соответственно, и языковое поведение (см. табл. № 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «На каком языке Вы общаетесь в своей семье?» (%)

Варианты ответов // Национальности	С детьми говорю на своем родном языке	С супругом (-й) говорю на русском языке	С супругом (-й) и с детьми говорю на русском языке	С супругом (-й) говорю на моем родном языке, т.к. он (а) владеет моим национальным языком	С супругом (-й) говорю на его (ее) родном языке, т.к. я владею национальным языком своего (й) супруга (-и)	Я владею национальным языком своего (-й) супруга (и) и мой (я) супруг (-а) владеет моим национальным языком, но мы между собой говорим только на русском языке
Аварцы	2,7	0,7	7,4	3,4	0	2,7
Даргинцы	7,3	2,4	11,0	1,2	2,4	2,4
Лезгины	6,6	0	11,5	1,6	0	3,3
Лакцы	4,4	0	8,9	2,2	0	4,4
Кумыки	1,3	10,1	6,3	5,1	1,3	1,3
Чеченцы	3,4	3,4	17,9	3,4	0	0
Другие	5,4	1,8	0	3,6	3,6	0
Всего:	4,2	2,6	9,2	3,0	1,0	2,2

Прежде чем перейти к анализу языкового поведения респондентов, выросших в смешанной семье, следует отметить, что 76,2 % опрошенного городского населения выросли в моноэтнической семье, 18,0 % в межнациональной семье и 5,8 % не ответили на этот вопрос. Как показывает эмпирический материал, для опрошенного городского населения, которое выросло в смешанной семье, языком внутрисемейного общения является русский язык (каждый одиннадцатый опрошенный). Остальные позиции отмечены статистически незначимой долей респондентов. Надо полагать, что именно город способствует и, условно говоря, «создает» условия для ориентации дагестанских народов на преимущественное

владение русским языком в ущерб своим национальным. Однако проблему защиты горожан-дагестанцев от языковой ассимиляции и этнокультурной деградации невозможно успешно решить вне связи с проблемой родных языков в республике в целом и гармонизации дагестано-русского двуязычия. В первую очередь, необходимо радикально изменить отношение самого дагестанского общества сверху донизу к языковой политике и языковому строительству с учетом специфики языковой жизни в Дагестане. В этой связи, необходимо разработать научно обоснованную концепцию языковой политики, которая должна лечь в основу проекта «Закона о языках в РД». Общественность должна быть уверена в том, что языковая политика – это не очередное мероприятие, а одно из приоритетных направлений национальной политики и вообще внутренней политики республики и ее высшего руководства, как во всех цивилизованных государствах.

Таблица 2

Распределение ответов на вопросы «Выписываете ли Вы газеты и журналы на национальном языке своего народа?» и «Откуда Вы получаете сведения о национальной жизни и культуре своего народа?» (%)

Откуда Вы получаете сведения о национальной жизни и культуре своего народа?	Выписываете ли Вы газеты и журналы на национальном языке своего народа?			
	Да, выписываю газеты	Да, выписываю журналы	Да, выписываю газеты и журналы	Нет, я не выписываю газеты и журналы на родном языке
Из газет и журналов, издающихся на родном языке	53,5	37,5	55,0	14,9
Из художественной литературы на родном языке	35,2	29,2	15,0	22,2
Из теле- и радиопередач на родном языке	25,4	20,8	40,0	14,6
Из Интернета, социальных сетей на национальном языке	29,6	20,8	35,0	36,6
Из газет и журналов, издающихся на русском языке	14,1	12,5	20,0	9,7
Из художественной литературы на русском языке	7,0	8,3	5,0	11,0
Из теле- и радиопередач на русском языке	7,0	4,2	15,0	16,7
Из Интернета, социальных сетей на русском языке	12,7	16,7	15,0	43,9

Таблица сопряженности показывает, что респонденты выписывающие газеты, а также газеты и журналы на национальном (родном) языке, информацию об этнокультуре своего народа получают именно из этих источников (53,4 %), 35,4 % опрошенных - из художественной литературы на родном языке, 29,6 % - Интернета, социальных сетей на нацио-

нальном языке. Далее, имеющие подписки на национальные газеты и журналы в качестве информативных источников отметили теле- и радиопередачи на родном языке (40,0 %), Интернет, социальные сети на национальном языке (35,0 %), газеты и журналы, издающиеся на русском языке (20,0 %). Для респондентов, которые не выписывают газеты и журналы на родном языке, информативным источником выступают теле- и радиопередачи на русском языке (16,7 %), Интернет и социальные сети на национальном языке (36,6 %), Интернет, социальные сети на русском языке (43,9 %).

Результаты исследования показывают, что опрошенное население демонстрирует противоречивое и непоследовательное языковое поведение: они выписывают печатные издания на родном языке, но при этом информационное общество накладывает свой отпечаток на приоритетность электронных средств получения информации.

Заключение

Таким образом, проведенный анализ понятия «языковая политика» показывает, что исследователями данный термин обычно употребляется в широком его значении, включающем деятельность политических, государственных, общественных организаций по материально-техническому, идеологическому, экономическому, интеллектуальному обеспечению или ограничению функционирования языков. Применительно к регионам Северного Кавказа субъектная сторона языковой политики имеет свою специфику, которая выражается в существовании 3-х уровней своего проявления (федеральный, региональный и местный).

Анализ результатов опроса показывает предпочтительность русского языка как языка межнационального практически во всех социальных сферах; при этом общение на родном языке, в основном, опрошенное городское население поддерживает внутри семьи. Однако практика показывает, что декларированное языковое поведение кардинально отличается от реального. Вместе с тем, обозначение защиты родных языков, создание условий для их сохранения и дальнейшего развития ни в коей мере не подразумевает «урезание» прав русского языка; более того, такая практика и недопустима для многонационального и многоязычного Дагестана. Но ключевым в данной ситуации является принятие закона о языках народов Дагестана, который позволит обеспечить полноценное функционирование национальных (родных) языков дагестанских народов.

Литература

- Алпатов, В.М. (2016) О языковой политике. *Этнографическое обозрение*, 3, 7–15.
- Алпатов В. М. (2003). Что такое языковая политика? Режим доступа: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_493.
- Арутюнов С.А. (2005) Кому страшна латиница? *Этнографическое обозрение*, 6, 19–26.
- Арутюнова, Е.М. (2018) Этноязыковые проблемы и перспективы в образовательной сфере российских республик (на примере Башкортостана). *Социологические исследования*, 4, 25–35.
- Бодуэн де Куртенэ, И.А. (1963) *Избранные труды по общему языкознанию*. М.: Изд-во Акад. наук СССР, Т. 2.
- Будагов, Р.А. (1967) Трактат Данте «О народном языке» и его значение для современности. *Литературные языки и языковые стили*. М.: Высшая школа, 5–16.
- Галдия, М. (2004) Языковое законодательство и предупреждение конфликтов. *Этнопанорама*, 1, 74–79.
- Загирова, Э.М. (2017) Традиции и инновации в институциональном пространстве дагестанской семьи. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*, 17 (3), 298–303.
- Загирова, Э.М. (2016) Общественное мнение о традиционной семье и причинах разводов в современном дагестанском обществе (по результатам социологического исследования). *Актуальные вопросы истории. Материалы Всероссийской научно-практической конференции*. Махачкала, 24–36.
- Ленин, В.И. (1961) Полн. собр. соч. Т. 25. М.: Госполитиздат.
- Ленин, В.И. (1961) Полн. собр. соч. Т. 23. М.: Госполитиздат.
- Миньяр-Белоручева А.П., Покровская М.Е. (2007) Политическая корректность и языковая норма. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, 1(73), 26–29.

Регионоведение. Юг России: краткий тематический словарь. (2004) под общ. ред. Ю. Г. Волкова, А. В. Попова. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ.

Соколовский, С.В. (2016) Языковая политика как фактор национальной безопасности. *Этнографическое обозрение*, 3, 46–56.

Соколовский, С.В. (2005) Алфавиты и элита: письменность в современной России как политический символ. *Этнографическое обозрение*, 6, 3–18.

Тишков, В.А. (2005) О культурном многообразии. *Этнографическое обозрение*, 1, 3–22.

Шабает, Ю.П., Шилов, Н.В., Денисенко, В.Н. (2009) Язык и этничность: дискуссии о языковой политике в регионах проживания финно-угоров. *Этнографическое обозрение*, 2, 92–105.

References

Alpatov, V.M. (2016) About language policy. *Ethnographic Review*, 3, 7–15.

Alpatov, V. M. (2003). What is a language policy? Available at: http://gramota.ru/biblio/magazines/mrs/28_493.

Arutyunov S.A. (2005) Who is afraid of the Latin alphabet? *Ethnographic Review*, 6, 19–26.

Arutyunova, E.M. (2018) Ethno-linguistic problems and prospects in the educational sphere of the Russian republics (on the example of Bashkortostan). *Sociological Research*, 4, 25–35.

Baudouin de Courtenay, I.A. (1963) *Selected works on general Linguistics*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, Vol. 2.

Budagov, R.A. (1967) Dante's treatise "On the National language" and its significance for modernity. *Literary languages and language styles*. Moscow: Higher School, 5–16.

Galdia, M. (2004) Language legislation and conflict prevention. *Ethnopanorama*, 1, 74–79.

Lenin, V.I. (1961) *Full Collection of Op.* Vol. 25. Moscow: Gospolitizdat.

Lenin, V.I. (1961) *Full Collection of Op.* Vol. 23. Moscow: Gospolitizdat.

Minyar-Belorucheva A.P., Pokrovskaya M.E. (2007) Political correctness and language norm. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 1(73), 26–29.

Regional studies. South of Russia: a short thematic dictionary. (2004) ed.. Yu. G. Volkov, A. V. Popov. Rostov-on-Don: SKNTS VSH.

Sokolovsky, S.V. (2016) Language policy as a factor of national security. *Ethnographic Review*, 3, 46–56.

Sokolovsky, S.V. (2005) Alphabets and Elite: Writing in Modern Russia as a Political symbol. *Ethnographic Review*, 6, 3–18.

Tishkov, V.A. (2005) On cultural diversity. *Ethnographic Review*, 1, 3–22.

Shabaev, Yu.P., Shilov, N.V., Denisenko, V.N. (2009) Language and ethnicity: discussions on language policy in the Finno-Ugrian regions. *Ethnographic Review*, 2, 92–105.

Zagirova, E.M. (2017) Traditions and innovations in the institutional space of the Dagestan family. *News of Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political Science*, 17(3), 298–303.

Zagirova, E.M. (2016) Public opinion about the traditional family and the causes of divorce in modern Dagestan society (based on the results of a sociological study). Topical issues of history. *Materials of the All-Russian Scientific and practical Conference*. Makhachkala, 24–36.

Дата получения рукописи: 18.01.2022

Дата окончания рецензирования: 20.02.2022

Дата принятия к публикации: 23.02.2022

Информация об авторе

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна

Доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН

E-mail: madina2405@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Madina Magomedkamilovna Shakhbanova

Doctor of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences

E-mail: madina2405@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.2

Научная статья

УДК 37.013.78+ 316.613.4+376.7+379.8.092.2

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.2>**Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов в РФ (опыт эмпирического исследования)****Светлана В. Гузенина¹****Ирина С. Кулакова²**¹Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

e-mail: dialog-lana@yandex.ru

² Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

e-mail: ledilednirog@mail.ru

Аннотация**Введение.** В статье представлены результаты авторского социологического опроса, проведенного с целью научного изучения восприятия иностранцами одного из важнейших атрибутов коллективной идентичности россиян – Дня Победы в 2022 году.**Методы.** Исследование проводилось методом письменного опроса (анкетирование), на английском языке, респондентами выступили иностранные студенты (N=127), обучающиеся в Тамбовском государственном университете имени Г.Р.Державина.**Результаты.** На основании полученных экспериментальных данных авторы указывают на необходимость разработки особых программ, ставящих целью кросс-культурную адаптацию мигрантов, приезжающих в Россию на длительное время, а также учебных программ в рамках ФГОС, направленных на адаптацию иностранных студентов в вузах РФ.**Ключевые слова**

иностранные студенты; День Победы; праздник; социокультурная адаптация.

Для цитированияГузенина С.В., Кулакова И.С. (2022). Социокультурные аспекты адаптации иностранных студентов в РФ (опыт эмпирического исследования). *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 22–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.2>**Socio-cultural aspects of adaptation of foreign students in the Russian Federation (experience based on empirical research)****Svetlana V. Guzenina¹****Irina S. Kulakova²**¹ G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

e-mail: dialog-lana@yandex.ru

² G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

e-mail: ledilednirog@mail.ru

Abstract**Introduction.** The article presents the results of the author's sociological survey conducted for the purpose of scientific study of foreigners' perception of one of the most important attributes of the collective identity of Russians – Victory Day in 2022.**Methods.** The study was conducted by a written survey (questionnaire) in English, the respondents were foreign students (N=127) studying at the G. R. Derzhavin Tambov State University.**Results.** Based on the received experimental data the authors point to the need to develop special programs aimed at cross-cultural adaptation of migrants coming to Russia for a long time, as well as educational programs within the framework of the Federal State Educational Standard aimed at adapting foreign students in universities of the Russian Federation.**Keywords**

foreign students; Victory Day; holiday; socio-cultural adaptation.

For citation

Guzenina S.V., Kulakova I.S. (2022). Socio-cultural aspects of adaptation of foreign students in the Russian Federation (experience based on empirical research). *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), P. 22–30. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.2>

В современных реалиях учебную миграцию следует рассматривать как искусственное увеличение населения, и самое важное – как пополнение рынка труда высококвалифицированными специалистами, поскольку многие иностранные граждане впоследствии остаются в России.

XXI в. порождает трансляцию новых жизненных смыслов и ценностей. При этом институт образования способен сыграть особую роль, выступая отражением глубинных оснований духовно-нравственных ценностей современного социума, окружающей средой и культуротворческой сферой, которая обеспечивает подготовку будущих специалистов с высоким уровнем не только профессиональных, но и коммуникативных компетенций, создает необходимые условия для разностороннего, гармонического развития образованной личности (Гузенина, 2021).

Как указывает российский исследователь Т.В. Портнова, «возникает объективная потребность в определении региональных условий адаптации и интеграции ...мигрантов в новую образовательную, социальную и культурную среду. Важнейшим параметром выступает качество миграции – неопределённость» (Портнова, 2017). Русско-американский социолог П. А. Сорокин полагал, что толерантность как духовная ценность служит основой и фундаментом всякой культуры, в этом смысле вектор толерантного гуманизма на основе этики полиценностной системы отношений должен стать приоритетным направлением государственной политики в системе образования и воспитания, и особенно это актуально для образовательных мигрантов, которые, находясь долгое время в процессе адаптации, в процессе обучения и самовыражения используют «оригинальные способы решения учебных задач, исходя из особенностей своей культуры (Портнова, 2017).

Очевидно, что коллективная идентичность россиян обеспечивается такими факторами, которые позволяют объединить представителей всех социальных страт вне зависимости от их материального и статусного положения, места проживания, и, видимо, даже времени проживания. Таким критерием, с точки зрения авторов, выступает осознание общей Родины. Образ Родины представляется значимым для всех групп населения этноса, а потому – всегда сакрален, храним, важность такого элемента духовной жизни передается из поколения в поколение (Гузенина, 2019). В этом контексте понятие «иностранец» несет на себе совершенно определенную, негативно-окрашенную психологическую нагрузку – это «человек, у которого другой образ родины, отличный от нашего». Авторы, однако, хотели бы надеяться, что пример альтернативного решения установления контакта между «своими» и «чужими» возможен, поскольку теоретическая и прикладная социология предоставляет уникальный шанс преодолеть любой укоренившийся стереотип через исследование (Гузенина, 2012).

Попытка научного изучения восприятия иностранцами одного из важнейших атрибутов коллективной идентичности россиян – Дня Победы, стала целью проведенного в 2022 году в г. Тамбове авторского эмпирического социологического исследования, с результатами которого мы хотели бы познакомить в данной статье. Исследование проводилось методом письменного опроса (анкетирование), на английском языке, респондентами выступили иностранные студенты (N=127), обучающиеся в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина.

1. Социокультурный портрет респондента

Исходя из полученных данных (рис.1, рис.2, табл.1), социальный портрет респондента можно сформулировать следующим образом: это молодой мужчина, в возрасте от 20 до 25 лет, верующий, приехавший из стран Африки или Ближнего Востока.

Распределение стран мира столь велико, что приводить конкретные обобщающие цифры не представляется возможным, наиболее часто в распределении встречаются: Габон, Намибия, Йемен, Ботсвана, ЮАР, Тунис, Марокко, Индия, Ирак; четыре респондента из 127 приехали из стран СНГ, три студента – граждане европейских государств.

Your gender

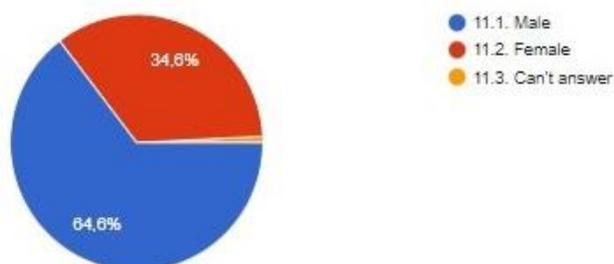

Рис.1. Пол респондента

Your opinion on religion

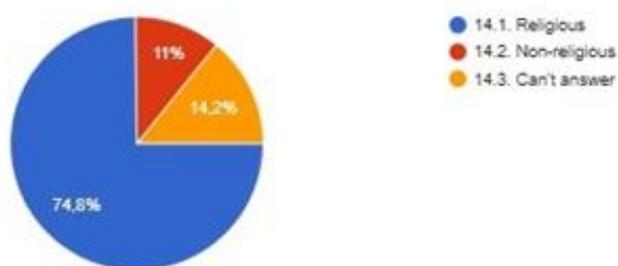

Рис.2. Религиозность респондента

Таблица 1

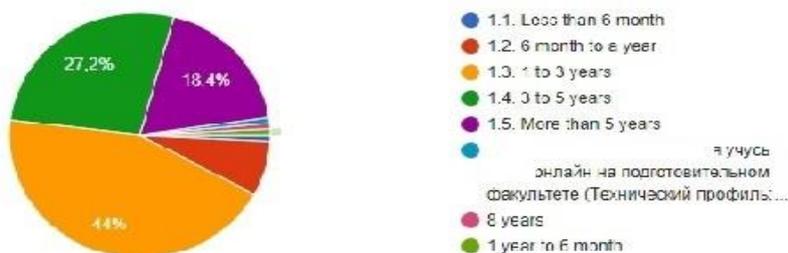
Возраст респондента	
возраст	%
18	1,6
19	3,3
20	5,7
21	9
22	15,6
23	20,5
24	13,1
25	13,9
26	4,1
27	4,9
28	1,6
29	1,6

2. Социокультурный опыт респондента

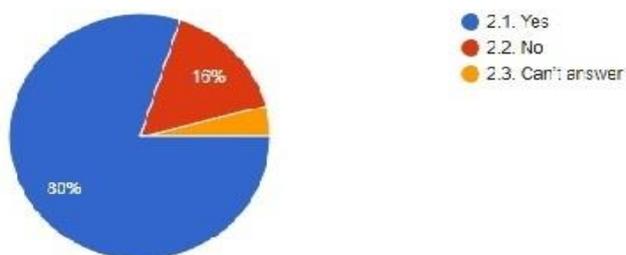
Безусловно, важным для нашего исследования выступал срок проживания респондента в России, а также имеющийся багаж знаний, полученный на родине. В нашем исследовании большая часть респондентов проживает в России более трех лет (71.2%), при этом 80% студентов имеют представление том, что была II Мировая война и знают о её итогах из школьных уроков истории. При ответе на вопрос «Отмечают ли победу

над фашизмом на территории Вашей родины?» 53.6% иностранных студентов пояснили, что в их стране такой праздник не празднуется, 23 % отметили, что отмечается, но не с таким размахом как в России. 14.3% респондентов ответили, что победу над фашизмом отмечают в их странах (рис.3).

How long have you been living in Russia?

As a result of your history classes, do you know what The World War Two is and its results?

Does your country celebrate victory over fascism?

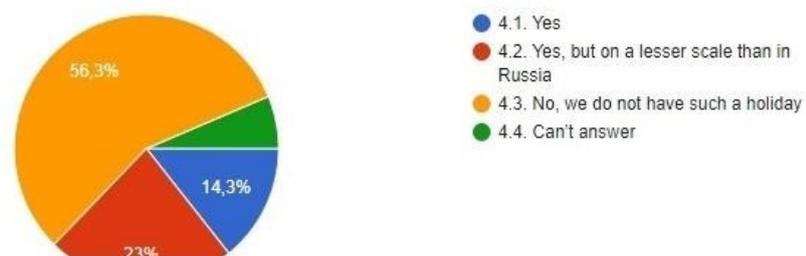

Рис.3. Социокультурный опыт респондента

3. День Победы в коллективных оценках образовательных мигрантов

Безусловно, главным, программным пунктом анкеты выступал прямой вопрос: «Осведомлены ли Вы о том, какой праздник отмечают на территории Российской Федерации 9 мая?», и при этом обращает на себя внимание ответ «нет», который дали около 10% иностранцев, проживающих в России более трех лет(!). 87.2% иностранных студентов заявили, что знают о Дне Победы, который отмечает Россия (рис.4).

Do you know about a holiday, celebrated on the territory of The Russian Federation on May 9?

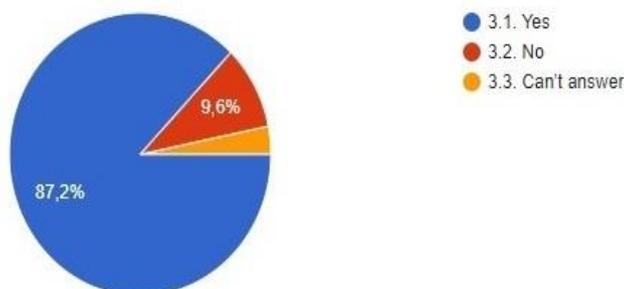

Рис.4. Распределение мнений респондентов при ответе на вопрос «Осведомлены ли Вы о том, какой праздник отмечают на территории Российской Федерации 9 мая?»

Нами был задан вопрос о соответствии информации о победе над фашизмом, которую респондент узнал на родине, с той, которую он получили в России. Экспериментальные данные показали, что единого мнения у студентов нет. Видимо, это зависит от политического настроения и образовательной политики тех или стран. Так, большинство (63.5%) респондентов ответили, что информация совпадает (ответы «да» и «скорее да»), однако, суммарно 26.2 % иностранных студентов признаются, что такого совпадения нет (ответы «нет» и «скорее нет»), а 10.3% затруднились ответить, а возможно не захотели ответить искренне на поставленный вопрос (рис.5).

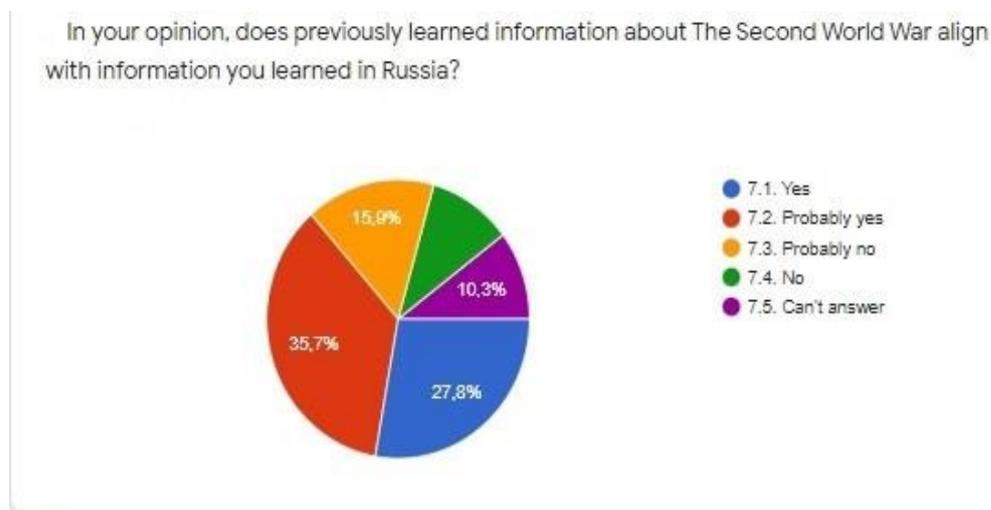
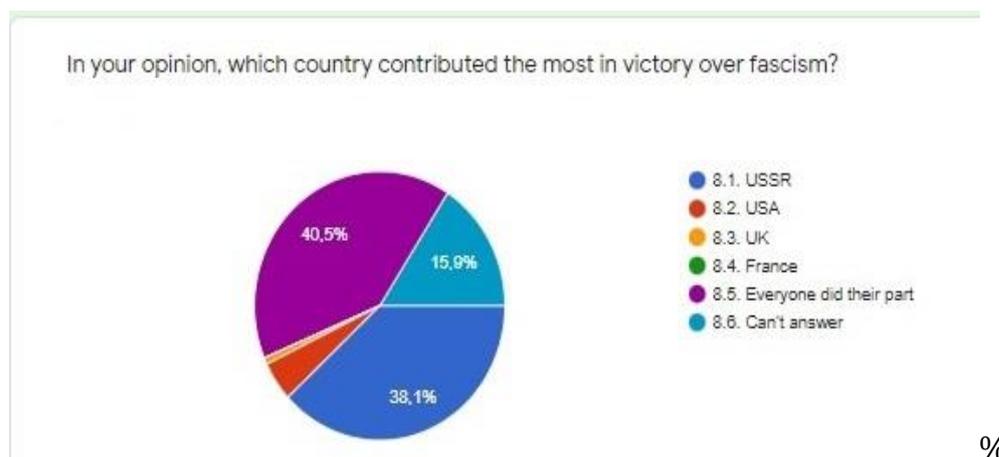

Рис.5. Распределение мнений респондентов по вопросу «На Ваш взгляд, информация, которую Вы ранее получили о победе во Второй мировой войне, совпадает с информацией, которую Вы получили в России?»

Ответы участников опроса на вопрос анкеты «Как Вы думаете, какая страна внесла больший вклад для победы над фашизмом?» убедительно показывают: студенты-иностранцы уверены, что победа – общее дело, где каждая страна внесла свой вклад. Такое мнение выразили 40.5% участников опроса. 38.1 % респондентов полагают, что больший вклад в дело победы над фашизмом внес Советский Союз, однако, есть и студенты, уверенные что это Соединенные Штаты Америки, Франция, Великобритания, а 15.9% опрошенных затруднились дать ответ на поставленный вопрос (рис.6).

%

Рис.6. Распределение мнений респондентов по вопросу «Как Вы думаете, какая страна внесла больший вклад для победы над фашизмом?»

Нам было важно узнать, понимают ли иностранные студенты смысл празднования Дня Победы в России, где, вместе с радостью, каждый ощущает и боль трагедии советского народа, отдавшего миллионы жизней на алтарь победы. Каждому человеку в России понятны строки известной песни «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой», а потому мы решили выяснить - известно ли респондентам сколько людей потерял советский народ, чтобы одержать победу над фашизмом. 42.5% студентов-иностранцев не знают ответа на этот вопрос, 35.4% образовательных мигрантов ответили верно – более чем 20 миллионов (рис.7).

Do you know how many lives of soviet people were lost during the war?

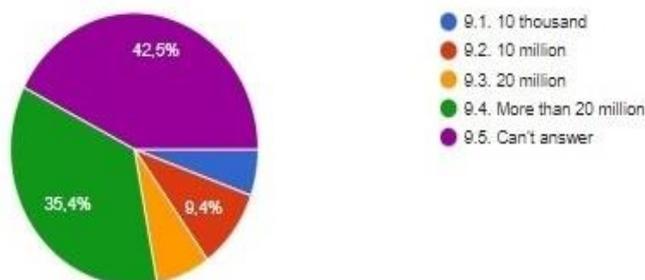

Рис. 7. Распределение мнений респондентов по вопросу «Известно ли Вам сколько людей потерял советский народ, чтобы одержать победу над фашизмом?»

9 мая в России традиционно проводится «Парад Победы», который символизирует исторический парад, прошедший на Красной площади в честь победы СССР над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 24 июня 1945 года. Вопрос нашей анкеты «С Вашей точки зрения, для чего проводится данный парад?» был связан с раскрытием понимания/непонимания смысла проведения парада Победы. Распределение ответов показало, что проведение парада иностранцы связывают с исторической памятью о погибших героях («Чтобы память о подвиге народа не была забыта» - 44.4%), четверть респондентов (25.8%) полагает, что парад Победы проводят для того, «Чтобы отдать дань памяти павшим в войне», а 12.9% студентов уверены, что «Для привлечения интереса молодежи к вопросам истории и воспитания их в духе патриотизма».

On May 9, Russia traditionally hosts the "Victory Parade", which symbolizes the historical parade that took place on Red Square in honor of the USSR's victory over Nazi Germany in the Great Patriotic War on June 24, 1945. In your opinion, what is the goal of this Parade?

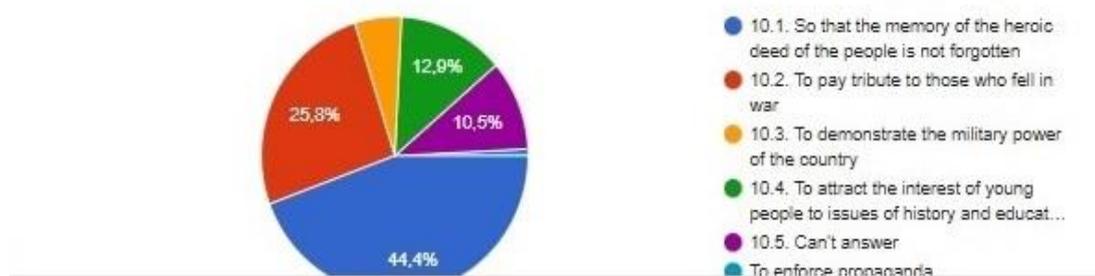

Рис. 8. Распределение мнений респондентов о параде Победы

4. Степень соучастия студентов-иностранцев в праздновании Дня Победы

И, наконец, мы выяснили в нашем опросе и степень сопричастности иностранцев с россиянами, которые отмечают ежегодно День Победы. Такая степень измеряется, на наш взгляд, готовностью к общей духовной коммуникации с российским народом, социальной солидарностью и их непосредственным участием в торжественных мероприятиях по случаю празднования Дня Победы, поскольку именно день Победы является главным духовным атрибутом коллективной идентичности россиян (по результатам эмпирических социологических опросов последних лет).

Экспериментально полученные данные при ответе на вопрос анкеты «Какие чувства у Вас вызывает праздник «День Победы», регулярно отмечающийся в России 9 мая?» показывают, что иностранные студенты испытывают следующий спектр эмоций¹:

27,6 % респондентов-иностранцев указывают, что в День Победы они ощущают чувство душевного подъема и единения всех народов мира;

48.8 % иностранных студентов в День Победы посетило чувство причастности к чему-то великому и значимому в мировой истории;

52 % студентов-иностранцев указали, что праздник вызывает у них интерес к познанию российской истории и культуры;

23.6 % испытывают 9 мая сочувствие и переживание, скорбь по погибшим в бою советским солдатам;

10.2 % респондентов откровенно сказали, что в День Победы всегда испытывают чувство удивления относительно того, что в России до сих пор помнят об этом событии;

15.7 % отметили, что празднование Дня Победы в России не вызывает у них никаких эмоций;

0.8 % признались, что праздник День Победы вызывает у них спектр негативных эмоций.

Эмпирические данные убедительно показывают, что около 16% иностранных студентов ТГУ имени Г.Р. Державина по той или иной причине (непонимание сути праздника, равнодушие к российской истории, нежелание знакомиться с традициями России) остаются в стороне от истории, культуры и традиций той страны, в которой живут и получают образование, а часть из них (0.8%) даже испытывают неприязнь к главному российскому празднику, выступающему основанием коллективной российской идентичности, что означает низкую готовность к кросс-культурной адаптации и интеграции в принимающее общество, то есть потребительское отношение к России и

¹ Итого более 100%, поскольку респонденту можно было выбрать до 3 вариантов ответов

ее людям. С другой стороны, выявленные данные должны служить основанием для российских педагогов к выработке соответствующих учебных программ, направленных на кросс-культурную адаптацию иностранных студентов.

На рисунке 9 представлено распределение ответов респондентов на вопрос «Принимали ли Вы сами участие в акциях ко Дню Победы («Окна Победы», «Свет Победы», «Флаги России», всенародном исполнении песни «День Победы», акции «Бессмертный полк» и т. д.)?»

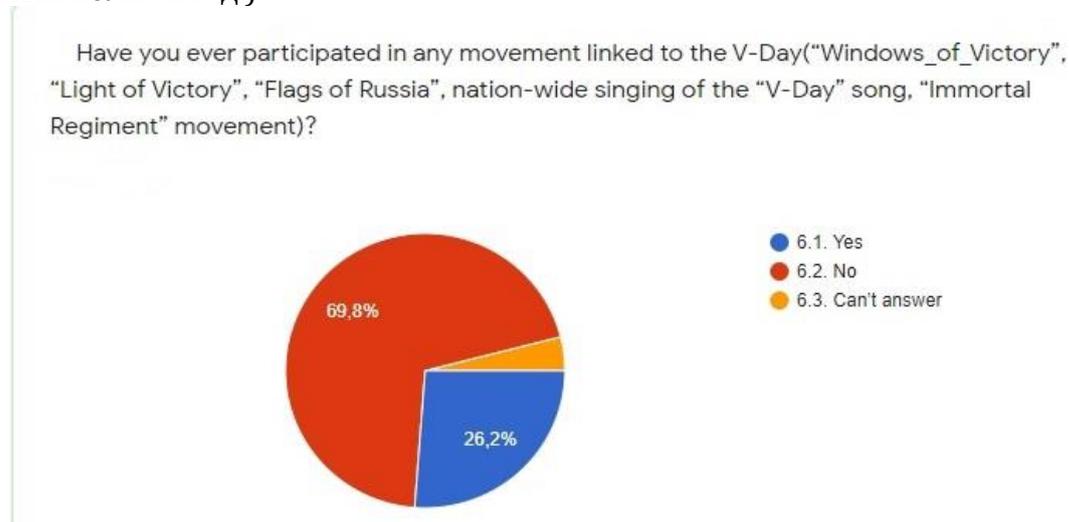

Рис.9 Распределение мнений респондентов об их участии в акциях ко Дню Победы

Как ясно из диаграммы 9, лишь часть из них (26.2%) принимала участие в подобных мероприятиях; отрицательный ответ дали почти 70% опрошенных, что вновь обнажает проблему низкой эффективности проводимой работы по адаптации образовательных мигрантов в российских вузах, отсутствие понимания необходимости и важности разработки адаптационных учебных программ для студентов-иностранцев на уровне Министерства образования.

Видимо, все перечисленное является делом недалекого будущего, поскольку сегодня как никогда актуализировалась задача повышенного внимания к вопросам толерантности иностранных граждан по отношению к культуре России и принимающего общества в отношении иностранных граждан. Эту потребность четко сформулировал и Президент России на заседании Совета по межнациональным отношениям 30 марта 2021 года, где был заслушан доклад «Об образовании как инструменте гармонизации межнациональных отношений, в том числе в части социальной адаптации детей мигрантов» (Стенограмма выступления Путина...). В.В. Путин, обратив внимание на адаптацию образовательных мигрантов, подчеркнул, что «современная ситуация требует реальных действий, позволяющих их «фактически глубоко адаптировать к российской языковой среде. Но не только к языковой – к культурной вообще, чтобы они могли погружаться в систему наших российских ценностей».

Кроме того, расширение процессов глобализации, стирания реальных границ, появление открытой возможности межкультурного, межнационального/ межэтнического общения, благодаря сети Интернет, ставят перед российским сообществом вопрос о позитивном имидже России на международной арене. Перспективные молодые люди, будущие специалисты, способны строить долгосрочные планы по получению гражданства РФ, и в этом смысле создание положительного образа России в глазах потенциальных мигрантов может способствовать увеличению миграционного потока, в том числе, и образовательного.

Литература

Гузенина, С.В. (2012). Иностранец как социальный стереотип. *Вестник ТГУ*, 7, 262-269.

Гузенина, С.В. (2019). Этнокультурные основы образа родины в теории и практике социального поведения: дис. на соискание уч. ст. доктора социол. наук, Москва, 438.

Гузенина, С.В. (2021). Актуальные проблемы социологического измерения уровня толерантности образовательных мигрантов к русской культуре. *Caucasian Science Bridge*, 2, 104 – 120.

Портнова, Т.В. (2017). Интеграция и адаптация детей-мигрантов через образование. *Интернет-журнал «Мир науки»*, 5 (6).

Стенограмма выступления Путина на заседании Совета по межнациональным отношениям. Режим доступа: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html>

References

Guzenina, S.V. (2012). Foreigner as social stereotype. *Tambov University Review*, 7, 262-269.

Guzenina, S. V. (2019). Ethnocultural bases of the image of homeland in the theory and practice of social behavior: dissertation for the degree of doctor of sociological sciences specialty, Moscow, 438.

Guzenina, S.V. (2021). Actual problems of sociological measurement of the level of tolerance of educational migrants to Russian culture. *Caucasian Science Bridge*, 2, 104 - 120.

Portnova, T.V. (2017). Integration and adaptation of migrant children through education. «*World of Science» online journal*, 5 (6).

Transcript of Putin's speech at the meeting of the Council on Interethnic Relations. Available at: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-vystuplenija-putina-na-zasedanii-soveta-po-mezhnacionalnym-otnoshenijam-30-03-2021.html>

Дата получения рукописи: 05.02.2022

Дата окончания рецензирования: 10.03.2022

Дата принятия к публикации: 14.03.2022

Информация об авторах

Гузенина Светлана Валерьевна

Доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Кулакова Ирина Сергеевна

Магистрант, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия.

E-mail: ledilednirog@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Svetlana Valerievna Guzenina

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.

E-mail: dialog-lana@yandex.ru

Irina Sergeevna Kulakova

Master's student, G.R. Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia.

E-mail: ledilednirog@mail.ru

The authors have no conflict of interests to declare

—

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ

doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.3

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>**Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана:
историко-социологический анализ****Эльвира М. Загирова¹**

¹Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, г. Махачкала, Россия
e-mail: elvira.2005@inbox.ru

Аннотация

Введение. В современном дагестанском обществе тема института многоженства на сегодняшний день является актуальной. Из исторических материалов известно, что многоженство было свойственно состоятельным людям, феодалы же женились в целях расширения своего политического строя и приобретения поддержки среди людей.

Теоретическое обоснование. Институт полигамии активно обсуждался в дагестанской этнографической науке. Исследователями сделан вывод, что многоженство в предыдущие исторические периоды было распространено в зажиточной среде, но масштабы его были незначительными. Мусульманское возрождение внесло определенные коррективы в семейно-брачную сферу последователей ислама и в настоящее время институт полигамии заняло свою нишу в семейной сфере.

Методы. Массовый социологический опрос по изучению отношения дагестанского населения к институту многоженства проведен в городах (Дербент, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский) Республики Дагестан. Исследование проведено в 2021 г. с учетом географического, социально-демографического параметров республики. N=507.

Результаты и их обсуждение. Полигамия не имела широкого распространения в дореволюционном дагестанском обществе, более того, дагестанские правители не так часто практиковали многоженство.

Основные положения.

- опрошенное население мотивацию женщины связать себя браком с несвободным мужчиной объясняют ее желанием иметь ребенка в законном с точки зрения мусульманского правила брачном союзе, хотя не менее важным является и стремление улучшить материальное состояние;
- сопоставление ряда вопросов между собой показывает, что радикально позиция опрошенных женщин меняется при личном семейном опыте, когда мужчина, как правило, не ставя в известность первую семью, принимает решение завести «вторую жену». При таком поступке своего супруга, опрошенные женщины готовы развестись, характеризуя его поведение как «предательство»;
- анализ эмпирического материала выявил непоследовательность в позициях женской части, которая, с одной стороны, оправдывает институт многоженства, с другой, не готова смириться с существованием параллельно «второй жены и второй семьи».

Ключевые слова

институт семьи; многоженство; семейно-брачная сфера; семейные ценности; семейные традиции; дагестанская семья; дагестанские народы; полигамия.

Для цитирования

Загирова Э.М. (2022). Многоженство в семейно-брачной сфере народов Дагестана: историко-социологический анализ. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 32–40. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>

**Polygamy in family and marriage sphere of the peoples of Dagestan:
historical and sociological analysis****Elvira M. Zagirova¹**

¹Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Makhachkala, Russia
e-mail: elvira.2005@inbox.ru

Abstract

Introduction. In modern Dagestani society, the topic of institution of polygamy is relevant today. It is known from historical materials that polygamy was characteristic of wealthy people, feudal lords married in order to expand their political system and gain support among people.

Theoretical justification. The institution of polygamy was actively discussed in Dagestani ethnographic science. Researchers concluded that in previous historical periods polygamy was widespread among wealthy part of society, but its scale was slight. The Muslim revival has made certain adjustments to family and marriage sphere of the followers of Islam, and at present time the institution of polygamy has occupied its niche in the family sphere.

Methods. A mass sociological survey to study the attitude of the Dagestan population to the institution of polygamy was conducted in cities (Derbent, Makhachkala, Khasavyurt) and districts (Botlikhsky, Derbentsky, Kazbekovsky, Kizlyarsky, Kizilyurtovsky, Levashinsky) of the Republic of Dagestan. The research was conducted in 2021, taking into account the geographical and socio-demographic parameters of the republic. N=507.

Results and its discussion. Polygamy was not widespread in pre-revolutionary Dagestani society; moreover, Dagestani rulers did not practice polygamy so often.

Basic provisions.

- surveyed population explains the motivation of a woman to marry an unfree man by her desire to have a child in a marriage union, which is legal from the point of view of the Muslim rule, although the desire to improve the material condition is not less important;
- comparison of a number of questions among themselves shows that the position of the interviewed women changes radically with personal family experience, when a man, as a rule, without informing his first family, decides to have “second wife”. With such an act of their spouses, the interviewed women are ready to divorce, characterizing husbands’ behavior as “betrayal”;
- analysis of the empirical material revealed inconsistency in positions of the female part, which, on the one hand, justifies the institution of polygamy, but on the other hand, is not ready to accept existence of “second wife and second family” in parallel.

Keywords

family institution; polygamy, family and marriage sphere, family values, family traditions, Dagestani family, Dagestani peoples.

For citation

Zagirova E.M. (2022). Polygamy in family and marriage sphere of the peoples of Dagestan: historical and sociological analysis. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), P. 32–40. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.3>

Введение

Исламское возрождение в Дагестане сопровождается возросшим интересом населения к вероучению, активизацией культового поведения (Шахбанова, 2008; Шахбанова, 2009; Шахбанова, 2015), появлением духовных центров (мечетей), мусульманских учебных заведений (мактабы, медресе, вузы) (Шахбанова, Рамазанов, Шихалиева, Муллахмедова, 2019; Рамазанов, 2020), проведением мусульманским духовенством активной религиозной пропаганды определяющей повседневную жизнь человека. Поэтому в дагестанском обществе распространение получил институт полигамии. В этой связи, представляется необходимым провести анализ данного явления в семейно-брачной сфере дагестанских народов.

Так, Б.К. Далгат в своем исследовании «Обычное право и родовой строй народов Дагестана» (1934 г.), анализируя проявление полигамии в дореволюционном Дагестане, в качестве «самого крупного многоженца» указывает на уцмию Амирчапан Уцмиева, имевшего «гарем из 18 жен. Обыкновенные же смертные редко имели более 2-х жен. Шариат разрешает иметь 4-х жен» (Гаджиева, 1967). Применительно к своему родному аулу Урахи он добавлял, что «многоженство в Урахи (по закону) существует, но их бывает не больше двух; это принято обычаем, хотя можно иметь по шариату и 4-х, но обыкновенно почти все (из 100 – 99) имеют по одной жене, потому что, во-первых, богачей в ауле мало, следовательно, содержать нескольких жен невозможно, во-вторых, если взять несколько жен, то происходят ссоры, и мир в семье нарушается. Вообще-то 2-х жен берут, когда 1-ая бездетна, или если она плохая хозяйка, если мужу не хватает рабочих рук в доме, или если 1-ая жена состарится или больна. Но чтобы смотрели неодобрительно на человека, имеющего 2-х жен, нельзя сказать. Большею частью именно в богатых семьях встречается многоженство» (Далгат). Иными словами, он

разделяет мнение, что «многоженство – привилегия богатых и знатных... масса народа живет в моногамии» (Энгельс, с. 64).

Другой исследователь, П.Г. Бутков, описывая Дербентское ханство в конце XVIII в., писал, что «жен по закону могут иметь до четырех, а наложниц по состоянию. Ханы берут себе в жены из дочерей владельческих; но сии преимущество перед наложницами имеют дотоле, пока не родит какая-либо из сих последних сына или дочь. Тогда уже она поступает в класс жен и имеет поверхность над прочими, того не удостоившимися» (Бутков, 1958, с. 206). Примером является дербентский Фат Али хан, который имел «многих законных и посторонних жен и с ними у некоторых прижитых им детей, но по смерти остались только четыре жены: первая, грузинка Сегерназ, вторая Гюрипери, дочь элисуйского владельца, третья Бегим Ханума, сестра шекинского хана, четвертая же грузинка Гульдеста. Из детей же в живых: от умершей в жизнь Фет Али хана законной его жены Тутубики, сестры владельца уцмия, сын Ахмет и дочь Перджаханум, сговоренная за аварского Умма хана... от грузинки Сергеназ Шейх Али и от Гюрипери Гасан. Да от побочной жены две дочери: Чинас и Эсмет» (Серебров, 1958, с. 188). В ряде исторических источников отмечается, что женились феодалы преимущественно в целях расширения своего политического влияния и приобретения социальной поддержки в массах. Однако в XIX в. и особенно во второй его половине гаремов (сералей) уже, как правило, не существовало. В труде «Путешествие по Дагестану и Закавказью» И.Н. Березин указывал, что шамхал Абумуслим Тарковский имел только двух жен: «Сюльтанет... героиня повести А. Бестужева-Марлинского «Аммалат-Бек»... ныне покинута своим мужем, высокостепенным Шамхалом Тарковским и живет одинокая в шамхальском доме в Тарху (Тарки – Авт.)... неприятное положение, в котором она находится, должно было иметь влияние на ее преждевременное увядание: Абу-Муслим, супруг Сюльтанет, покинул ее и женился на молоденькой девушке...» (Березин, 1849, с. 73, 78). Н.И. Воронов описывает посещение дома казикумухского хана и указывает на наличие у него (казикумухского хана – авт.) 2 жен: «в Кумухе проживает и другая вдова последнего хана, по имени Халай... так как она, происхождению по своему, – из *каравашек*, то есть рабынь, то не пользуется таким почетом у кумухцев, как Шамай-бике, происходящая от ханской крови» (Воронов, 1870, с. 34).

В более широких слоях населения двоеженство за малым исключением преследовало экономические цели. Второй раз часто женились для того, чтобы приобрести дополнительную рабочую силу (особенно в горах, где в трудовых процессах женщина играла очень важную роль), а также с целью приумножения имущества. Последняя форма чаще практиковалась на плоскости (у кумыков, ногайцев, табасаранцев, кайтагских и других предгорных даргинцев, аварцев и т. д.). Известны факты, когда и бесправные, лишенные всякого имущества рабы имели двух жен: «накануне освобождения зависимых сословий в Кумыкском округе (1867 г.) Байрам Койчугев, принадлежавший андреевскому узденю Кандаурову, имел 2 жен – Сейлу (40 лет) и Хайиркиз (30 лет)» (Гаджиева, 1985, с. 91).

При наличии нескольких жен, одна из них считалась старшей хозяйкой, советчицей мужа, вместе с которыми она вела хозяйственные дела семьи. Правда, сохранились и свидетельства другого характера, например, Б. Далгат пишет, что «жены в Урахи все равны, и их дети также равны (и не носят никаких особых названий; нет и никакой главной жены или именной)» (Далгат, л. 13), однако, он сам себе противоречит другим высказыванием: «одной из них муж дает больше преимуществ» (Далгат, л. 13). Каждая жена в таких семьях имела отдельное жилье в общем или другом дворе. Н. Львов отмечал, что «многоженство между горцами мало распространено. Немногие же имеющие двух, трех жен, стараются помещать их отдельно, по возможности подальше друг от друга, чтобы не произошло между соперницами столкновения» (Воронов, 1870, с. 20). На это же факт указывает и С.Ш. Гаджиева: «одна жена шамхала Тарковского Абуму-

слима жила в его главной резиденции – Тарках, другая – в селении Нижнее Казанище. Жены Амир-Чопана Уцмиева размещались в Дербенте, в селениях Дели-чобан (Теркеме) и Янги-кент, в местности Ташкечув-кутан и др. Только иногда жены феодалов собирались в одном месте, но и в этом случае жили, как правило, в отдельных домах» (Гаджиева, 1985, с. 91).

Институт полигамии (многоженство) не утратил своей позиции в первые годы Советской власти: «по судебной практике в 1929 г. дел по многоженству было 45, в 1930 г. – 34, в 1931 г. – 6» (Далгат, л. 3), хотя в декабре 1925 г. вторая сессия ЦИК ДАССР приняла постановление о дополнении для Дагестана Уголовного Кодекса РСФСР. Вступление в брак с девушкой, не достигшей совершеннолетия, или принуждение женщины против ее воли к вступлению в брак, многоженство, уплата калыма и другие деяния квалифицировались как бытовые преступления. За принуждение женщины к вступлению в брак виновные наказывались тюремным заключением сроком до 5 лет (Далгат, л. 67).

Ранее было отмечено, что трансформация российского общества, смена существовавшей мировоззренческой системы и ряд других причин внесли определенные изменения в семейно-брачную сферу дагестанцев и таковым является появление института многоженства. Разумеется, возрождение в современной дагестанской реальности института полигамии вызвало и вызывает множество споров и дискуссий, а также рост семейных конфликтов и распавшихся семей. По мнению А.К. Алиева, в России большинство граждан отрицательно относятся к многоженству (Алиев, 2013, с. 25), что объясняется отсутствием традиций полигамии у православных и политикой Советского государства, во многом искоренившей это явление из жизни советских людей.

По мнению автора, многоженство является деструктивным явлением в семейно-брачной сфере современной дагестанской семьи, на что совершенно справедливо указывают дагестанские фамилисты: «в постсоветском российском обществе мы столкнулись с еще одной проблемой. Стало модным, когда "преуспевающие" мужчины, ссылаясь на ислам, заводят себе вторую, а иногда и третью жену. При этом мужчину совершенно не волнуют психологическое состояние первой жены и детей от первого брака. Многоженство не является обязательным условием для мусульманина, и выполнение его обставлено множеством трудновыполнимых условий, например, равное любящее и бережное отношение мужа ко всем женам. Ислам позволяет иметь до четырех жен в определенных условиях, например, после кровопролитной войны, когда множество женщин остаются вдовами и молодые женщины не имеют возможности выйти замуж. Что же заставляет некоторых дагестанских мужчин иметь одновременно двух и более жен? Информаторы считают, что это элементарная распущенность и безнравственность» (Алимова, 2008, с. 79).

Таким образом, отрицательное отношение к институту многоженства среди населения, которое идентифицируется как верующее, следовательно, априори признает положение ислама о допустимости многоженства, объясняется увеличением семейных конфликтов, ростом количества неполных семей, утратой ранее существовавших семейных ценностей. Справедливости ради следует отметить, что поощрение решения мужчины иметь «вторую жену» и согласие женщины быть «второй женой» исламским духовенством вызвано стремлением не допустить распространения беспорядочной сексуальной жизни, оградить мусульман от греховных поступков, в частности, сожительства, без должного мусульманского освящения взаимоотношений полов. Еще одним тезисом неприятия многоженства является то, что на современном этапе полигамия как проявление неотрадиционализма лишена своих социокультурных и социально-экономических, а также психологических оснований (Регионоведение, 2004). Появление в настоящее время характерного для дореволюционного периода, хотя и не имевшего большого распространения в семейно-брачной сфере дагестанцев, явления

«многоженство» не вписывается в систему изменившейся ментальности и семейных ценностей современных дагестанцев и прежде всего дагестанских женщин. Иными словами, возрождение многоженства, не обусловленное реальной потребностью в данном явлении со стороны общества, не прижилось в сознании дагестанских народов, уже отошедших от этой традиции, которая и не была чрезмерно распространенной в Дагестане и в те давние времена, когда была закреплена в нормах шариата.

Далее, анализ явления «многоженства» и правила его заключения, как они зафиксированы в мусульманстве, показывает, что в данной области не все так однозначно. Допустимость иметь 4 жен в исламе дополнено существенными правилами, которых необходимо строго придерживаться. Так, брачный союз в исламе называется никах; в дагестанском языке более распространено слово махар (в арабском языке обозначает брачный дар, который дарит жених невесте перед бракосочетанием). Никах в Дагестане в основном заключают имамы мечети, также имамы мечети руководят бракоразводными процессами, но сам бракоразводный процесс - очень сложная процедура, поэтому зачастую эти вопросы решает отдел фетв при Духовном управлении мусульман Дагестана. В каждой местности есть доверенное духовное лицо, и люди предпочитают позвать знакомого себе человека, который отучился и имеет исламское образование. При этом супругам выдают сертификат о заключении брака, в данном случае речь идет о шариатском браке, т.е. мужчина, который взял «вторую жену». Кроме того, к сожалению, статистику браков не ведут (здесь речь идет только о данных по «второй жене»), потому что не все брачующиеся заключают их в главной центральной мечети, могут их заключают и в других мечетях, а большинство и вовсе заключают брачный союз дома, приглашая имама к себе в дом.

Если обратиться к самой процедуре заключения брачного союза по мусульманским предписаниям, то в исламе, в отличие от христианства, бракосочетание не является неким религиозным ритуалом, который должен проводить только священнослужитель. По исламу никах – это обычный брачный договор, который заключают сторона жениха и сторона невесты о том, что с этого времени они объявляют себя законными супругами и берут на себя определенные права и обязательства. Для того, чтобы никах был действителен, достаточно, чтобы при этом договоре были 4 человека: 1. представитель жениха или сам жених; 2. представитель невесты (чаще всего отец, дедушка, то есть старший в роду); 3. два свидетеля. По шафиитскому мазхабу это обязательно, но следует иметь в виду, что в исламском праве (фикх) наблюдаются разногласия между разными правовыми школами (ханбалитский, маликитский, ханафитский, шафиитский) в отношении брака.

Исходя из принципов исламского права (фикха) и на основе исторической практики, правоведы (факихи) определили условия, при которых возможно заключение нового, повторного брака, т.е. при каких условиях мужчина может брать «вторую жену». Таковыми являются: 1. бесплодие или неспособность первой супруги к деторождению; 2. условия военного или послевоенного времени, когда число незамужних женщин и вдов (нуждающихся в обустройстве семейного очага, заботе и уходе) превосходит число мужчин; 3. физиологические особенности мужчины, выраженные в излишней (по сравнению с его женой) сексуальной активности (при условии достаточного материального обеспечения двух или нескольких семей), что может создать почву для прелюбодеяния, которое есть великий грех перед Богом и семьей.

Основной проблемой для многоженца является неприятие первой женой других жен, а вторая, вытекает из первой: если первая супруга не примет решение мужа иметь нескольких жен, то мужчина оказывается в сложной ситуации и стоит перед выбором между двумя семьями, и как, правило, приоритет отдается первой жене. Во многих случаях мужчине приходится скрывать существование «второй жены», заключая тайный никах, что также не ведет к здоровым отношениям, потому что вся жизнь такого муж-

чины проходит в череде интриг в попытке от одной жены скрыть другую. Следует принять во внимание тот факт, что лишь малое количество мужчин соблюдают все необходимые правила, позволяющие многоженство. По этой причине его можно охарактеризовать, как деструктивное явление в семейно-брачной сфере современной дагестанской семьи, влияющее в целом на психологическое и эмоциональное состояние первой семьи и детей от первого брака в том числе. Исламские авторитетные ученые пишут, что если мужчина не уверен, что сможет обеспечить равные и достойные условия содержания нескольким женам, то ему стоит ограничиться одной женой. Мужчина должен суметь быть справедливым в случае выбора полигамного брака, а «справедливость» в отношении жен означает, прежде всего, финансовое обеспечение супруги (одеждой, едой, жильем).

Иными словами, совершенно справедливо мнение Э.Ф. Кисриева: социальные отношения традиционного общества значительно отличаются от отношений сложно организованного и динамично развивающегося современного общества, а потому «перенос социальных институтов прошлого в современный контекст, как правило, сопровождается искажениями, гипертрофией их структур и, в конечном счете, их отчуждением от внутренних потребностей современного человека» (Кисриев, 1988, с. 159). Разве не это зачастую наблюдается в семейной сфере современного дагестанского общества, где реанимация архаических традиций, сталкиваясь с современными тенденциями развития семейных ценностей и отношений, порождает пространство рисков, где развиваются деструктивные процессы, связанные с дестабилизацией института семьи? Основной причиной этого является увеличивающееся расхождение между идеальными представлениями о семье и реальными семейными практиками, в пространство которых вклиниваются архаические элементы организации семейных отношений, блокирующие возможности конструктивного развития традиционной семьи в логике положительного восприимчивых тенденций семейной эволюции современного общества.

В связи с вышесказанным, в рамках анализа отношения дагестанского населения к институту многоженства является установление существующего в общественном сознании дагестанского населения отношения и оценки данного явления. В статье излагается точка зрения опрошенных дагестанских женщин и их оценка брачного поведения мужчины (супруга).

Методы исследования

Эмпирическую базу составляет авторское социологическое исследование, проведенное в 2021 г. в рамках изучения отношения дагестанских мужчин и женщин к институту полигамии в городах (Дербент, Махачкала, Хасавюрт) и районах (Ботлихский, Дербентский, Казбековский, Кизлярский, Кизилюртовский, Левашинский) Республики Дагестан. N=507.

Обсуждение результатов исследования

При исследовании причин возрождения такого архаического явления как многоженство возникают вопросы: «А почему женщина принимает решение создать семью с мужчиной, который уже связан брачными узами?», «Какова мотивация женщины соглашаться на статус "второй жены"?». Так результаты на вопрос «Как Вы думаете, почему женщины принимают такое решение – стать "второй" женой?» показывают, что с разницей в сотые доли на решение женщины влияют два ключевых фактора: «иметь возможность родить ребенка в законном (с точки зрения ислама) браке» (43,2 %) и «из-за сложной экономической ситуации, материальных проблем, которая таким шагом пытается улучшить свое материальное благополучие» (43,6 %). С заметным отрывом третье ранговое место занимает эмоциональный компонент (чувство любви) (34,3 %), и статистически небольшая доля опрошенных указала на желание родителей (5,9

%). Несмотря на то, что суждение «по настоянию родителей» имеет небольшой процентный показатель, необходимо принимать во внимание тот факт, что численный разрыв между мужчинами и женщинами порой вынуждает как женщину, так и ее родственников (родителей) настаивать на вступлении в брак с женатым мужчиной, и здесь одна цель – иметь ребенка. Психологически понять в данной ситуации можно как женщину, так и ее родителей – первая боится остаться в одиночестве, вторые, наряду с переживанием за будущее дочери, хотят иметь продолжателя рода. По гендерной принадлежности суждение «иметь возможность родить ребенка в законном (с точки зрения ислама) браке» разделяют 37,2 % мужчин и заметно большая часть женщин (47,6 %). Далее на преследование материального благополучия указывают 36,3 % мужчин и 49,0 % женщин, при этом 41,9 % опрошенных мужчин считают, что в основе принятия такого решения женщиной лежит эмоциональное чувство, в женской подгруппе согласных с этим тезисом в 1,5 раза меньше (28,8 %).

Установление мотивации женщины быть в статусе «второй жены» предполагает выявление семейного поведения женщин, которые уже состоят в браке: если они объясняют решение женщины выйти «второй женой» ее желанием познать радость материнства, то каково отношение и объяснение поведения женщины, которая заключает шариатский брак с мужчиной, который связан брачными узами? Поэтому, с целью глубокого анализа отношения к решению супруга иметь «вторую жену» были сопоставлены между собой вопросы «Как Вы считаете, почему женщины принимают такое решение – стать "второй женой"?» и «Вы лично сталкивались с такой проблемой, т.е. была ли "вторая жена" у Вашего мужа?». Когорта опрошенных женщин, чьи супруги имеют «вторых жен» считает, что на решение «второй жены» их супругов повлияло «чувство любви (что не сделаешь ради любви и любимого человека?)» (2,3 %), «возможно, чтобы родить ребенка в законном (с точки зрения ислама) браке» (2,4 %), «сложная экономическая ситуация, материальные проблемы» (1,3 %), «по настоянию родителей/родственников» (3,2 %).

Далее были сопоставлены между собой вопросы «Как Вы считаете, почему женщины принимают такое решение – стать "второй женой"?» и «Если бы Вы узнали, что Ваш муж завел себе "вторую жену", как бы Вы поступили?». Данные показывают, что, несмотря на то, что опрошенное женское население объясняет поведение женщины быть «второй женой» эмоциями (чувство любви – что не сделаешь ради любви и любимого человека), желанием родить ребенка в законном (с точки зрения ислама) браке, сложным материальным положением при личном столкновении с ситуацией, когда супруг имеет «вторую жену», они готовы на кардинальные меры – «разошлась бы со своим мужем, это предательство» – 20,3 %, 23,7 % и 30,9 %, соответственно. Иными словами, как показывает эмпирический материал, одно дело абстрактные рассуждения о многоженстве, мотивации мужчины и женщины, которые принимают решение завести отношения, другое дело – собственное семейное пространство, семейные взаимоотношения, материальное благополучие и т.д.

Заключение

Таким образом, из исторических документов известно, что многоженство не было распространенным явлением в дагестанском обществе. Необходимость в нем возникла в результате кровопролитных войн, которые приводили к массовой гибели здоровых молодых мужчин, что создавало значительный дисбаланс в межполовом соотношении, то есть женщин стало больше, чем мужчин. Осталось много незамужних женщин и вдов, желающих реализовать свои репродуктивные и семейные установки, а многоженство помогало решать эти проблемы в тот период. Возрождение многоженства в нынешний период связано с архаизацией ислама и массовой исламизацией дагестанского населения.

В массовом сознании опрошенного дагестанского населения в отношении института многоженства имеет место однозначное его понимание как явление, которое

не имело широкого распространения в дореволюционный период, то есть, оно присутствовало в семейно-брачной сфере дагестанских народов, но не было массовым явлением. В настоящее же время многоженство чаще встречается, причем в городской среде, и как правило, у состоятельных мужчин «модным» стало иметь «вторую жену». Но «вторых жен» имеют не только материально обеспеченные мужчины, встречаются брачные союзы заключенные на чувстве любви и желании иметь детей в законном в рамках ислама браке (такая позиция вызвана гендерным дисбалансом, не позволяющим женщине стать матерью).

Глубинный анализ эмпирического материала показывает, что опрошенное население позитивно осмысливает и оценивает мотивацию женщины, которая принимает решение быть в статусе «второй жены». Однако, в позициях женщины вырисовывается противоположная картина при личном опыте – когда муж принимает решение иметь «вторую жену» и «вторую семью» – они готовы на радикальные действия (развод), рассматривая поступок супруга как «предательство».

Литература

- Алиев, А.К. (2013) Многоженство – социальная болезнь. *Народы Дагестана*, 5, 25–27.
- Алимова, Б.М. (2008) Диалог полов в современной дагестанской семье. *Гендерные отношения в культуре народов Северного Кавказа: Материалы региональной научной конференции* / Отв. ред. А.И. Османов. Махачкала, 76–79.
- Березин, И.Н. (1849) Путешествие по Дагестану и Закавказью. Казань.
- Бутков, П.Г. (1958) Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. *История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы*. М.: Издательство восточной литературы, 200–206.
- Воронов, Н.И. (1870) Из путешествия по Дагестану (Поездка в Кумух). *Сборник сведений о кавказских горцах. Издание Кавказского Горского Управления*. Тифлис.
- Гаджиева, С.Ш. (1967) Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагестанское книжное издательство.
- Гаджиева, С.Ш. (1985) Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. М.: Наука.
- Далгат, Б. Обычное право и родовой строй народов Дагестана. *Рукописный фонд ИИАЭ*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 87. Л. 67.
- Далгат, Б.К. Материалы по обычному праву даргинцев. *Рукописный фонд ИИАЭ*. Ф. 5. Оп. 1. Д. 87.
- Кисриев, Э.Ф. (1988) Современная дагестанская свадьба: социологический анализ трансформации ритуала. *Брак и свадебные обычаи народов современного Дагестана*. Махачкала, Издательство ДНЦ РАН, 141–160.
- Рамазанов, Р.О. (2020) Мусульманское образование и его роль в формировании религиозной идентичности. *Диалог культур в глобализирующемся мире. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием)*. Под редакцией В.Э. Манаповой. Махачкала: АЛЕФ, 53–56.
- Регионоведение. Юг России: краткий тематический словарь. (2004) под общ. ред. Ю. Г. Волкова, А. В. Попова. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ.
- Серебров, А.Г. (1958) Историко-этнографическое описание Дагестана. История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы. М.: Издательство восточной литературы, 173–196.
- Шахбанова, М.М. (2009) Место религии в процессе формирования культуры межнационального общения. *Актуальные проблемы гуманитарных наук – 2009. Сборник научных трудов*. Сост. М.М. Шахбанова; Отв. Ю.Н. Абдулкадыров. Махачкала: АЛЕФ, 15–24.
- Шахбанова, М.М. (2015) Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих. *Исламоведение*, 6, 3 (25), 85–96.
- Шахбанова, М.М. (2008) Религиозная ситуация в республике: состояние и тенденции (по материалам социологического опроса). *Региональные аспекты социальной политики*, 10, 56–64.
- Шахбанова, М.М., Рамазанов, Р.О., Шихалиева, Д.С., Муллахмедова, С.С. (2019) Межэтническое согласие в современном дагестанском обществе: состояние и риски. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 2, 247–254.
- Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21*.

References

- Aliyev, A.K. (2013) Polygamy is a social disease. *Peoples of Dagestan*, 5, 25–27.
- Alimova, B.M. (2008) The dialogue of the sexes in the modern Dagestan family. Berezin, I.N. (1849) *Travel to Dagestan and Transcaucasia*. Kazan.
- Butkov, P.G. (1958) Excerpts from the "Draft report on the Persian expedition in the form of letters". 1796. *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archival materials*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 200–206.
- Dalgat, B. Customary law and the tribal system of the peoples of Dagestan. *Manuscript Fund of the IHAE*. F. 5. Op. 1. D. 87. L. 67.
- Dalgat, B.K. Materials on the customary law of the Dargins. *Manuscript Fund of the IHAE*. F. 5. Op. 1. D. 87.
- Gadzhieva, S.S. (1967) *Family and family life of the peoples of Dagestan*. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House.
- Gadzhieva, S.S. (1985) *Family and marriage among the peoples of Dagestan in the XIX – early XX centuries*. Moscow: Nauka.
- Gender relations in the culture of the peoples of the North Caucasus: Materials of a regional scientific conference*. Ed. by A.I. Osmanov. Makhachkala, 76–79.
- Kisriev, E.F. (1988) Modern Dagestan wedding: a sociological analysis of ritual transformation. *Marriage and wedding customs of the peoples of modern Dagestan*. Makhachkala, Publishing House DFRC RAS, 141–160.
- Ramazanov, R.O. (2020) Muslim education and its role in the formation of religious identity. *Dialogue of cultures in a globalizing world. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference (with international participation)* / Edited by V.E. Manapova. Makhachkala: ALEF, 53–56.
- Regional studies. South of Russia: a short thematic dictionary. (2004) ed.. Yu. G. Volkov, A. V. Popov. Rostov-on-Don: SKNTS VSH.
- Serebrov, A.G. (1958) Historical and ethnographic description of Dagestan. *History, geography and ethnography of Dagestan of the XVIII – XIX centuries. Archival materials*. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 173–196.
- Shakhbanova, M.M. (2009) The place of religion in the process of forming a culture of interethnic communication. *Actual problems of the humanities – 2009. Collection of scientific papers*. Comp. M.M. Shakhbanova; Rev. Yu.N. Abdulkadyrov. Makhachkala: ALEF, 15–24.
- Shakhbanova, M.M. (2015) Religiosity and cult behavior of Dagestani believers. *Islamic Studies*, 6, 3 (25), 85–96.
- Shakhbanova, M.M. (2008) The religious situation in the republic: the state and trends (based on the materials of a sociological survey). *Regional Aspects of Social Policy*, 10, 56–64.
- Shakhbanova, M.M., Ramazanov, R.O., Shikhalieva, D.S., Mullahmedova, S.S. (2019) Interethnic harmony in modern Dagestan society: state and risks. *State and municipal administration. Scientific Notes*, 2, 247–254.
- Engels, F. The origin of the family, private property and the state. *Marx K., Engels F. Op. 2nd ed. Vol. 21*.
- Voronov, N.I. (1870) From a trip to Dagestan (Trip to Kumukh). *Collection of information about the Caucasian highlanders. Publication of the Caucasian Mountain Administration*. Tiflis.

Дата получения рукописи: 18.01.2022

Дата окончания рецензирования: 20.02.2022

Дата принятия к публикации: 23.02.2022

Информация об авторе

Загирова Эльвира Махачевна – кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Elvira Makhachevna Zagirova – Candidate of Sociological Sciences, Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences
E-mail: elvira.2005@inbox.ru

The author has no conflict of interests to declare

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.4

Научная статья

УДК 316.4

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.4>**Экологическое поведение в современной России: мнения молодежи
Южного федерального округа (по материалам фокус-группового исследования)****Вера А. Захарова¹**¹Крымский филиал ФНИСЦ РАН, г. Симферополь, Россия

e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлены результаты социологического исследования мнений представителей молодежи Южного федерального округа по поводу формирования и развития экологического поведения, его доступных в России форматов, а также барьеров на этом пути. Актуальность обращения к изучению оценок молодыми людьми возможностей в сфере экологического поведения обусловлена невысокой активностью молодежи в экологических практиках при зачастую сформировавшемся запросе на экологический стиль жизни. Цель исследования – выявить степень вовлеченности молодежи в конкретные экологические практики; барьеры на пути экологизации собственной жизни и жизни общества; определить основные социальные институты, с деятельностью которых связываются экологические ожидания молодых людей.

Методы. Эмпирически исследование базируется на методе фокус-групп, проведенных с представителями молодежи в трех субъектах Южного федерального округа – Ростовской области, Республике Адыгея и Республике Крым в 2021 году. Критериями отбора участников, помимо региона проживания, стали возраст (15-29 лет), род основной деятельности (обучение в школе, колледже, вузе, работа), а также тип поселения, где проживает информант (город, село).

Результаты и их обсуждение. Результаты исследования показывают, что среди российской молодежи фиксируется сформированность запроса на экологический стиль жизни, при этом реальная включенность в экологические практики чрезвычайно низка и ограничивается, как правило, потребительскими практиками. Основными барьерами, препятствующими экологическому поведению, являются информационные, инфраструктурные и мотивационные. К основным институтам, которые могут и должны оказывать влияние на формирование экологического поведения, молодые люди относят семью, образование и государство. Во взглядах их представителей сочетаются элементы этатистского понимания источника гармонизации экологических отношений и убежденность в важности личного вклада граждан в дело экологизации собственной жизни и жизни общества.

Ключевые слова

молодежь; экологическое поведение; экологические практики; экологическая культура; фокус-группа.

Для цитирования

Захарова В.А. (2022). Экологическое поведение в современной России: мнения молодежи Южного федерального округа (по материалам фокус-группового исследования). *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 42–52. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.4>

**Environmental behavior in modern Russia: opinions of youth
in the Southern Federal District (based on focus group research)****Vera A. Zakharova¹**¹Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia

e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents the results of a sociological study of opinions of young people in the Southern Federal District on the formation and development of environmental behavior, its formats available

in modern Russia, as well as barriers on this path. The relevance of addressing the study of young people's assessments of their own capabilities in the field of environmental behavior is due to the low activity of young people in environmental practices with the often-formed demand for an environmental lifestyle. The purpose of the study is to identify degree of youth involvement in specific environmental practices; barriers to greening one's own life and the life of society; to identify main social institutions, whose activities are associated with the environmental expectations of young people.

Methods. Empirically, the study is based on the focus group method conducted with young people in three constituent entities of the Southern Federal District: Rostov Region, the Republic of Adygea and the Republic of Crimea in 2021. The criteria for selecting participants, in addition to the region of residence, were age (15-29 years), type of main activity (study at school, college, university, work) and type of settlement where informant lives (city, village).

Results and its discussion. The results of the study show that among Russian youth, the formation of the demand for an ecological lifestyle is recorded, while the real involvement in ecological practices is extremely low, and is limited, as a rule, by consumer practices. The main barriers to environmental behavior are informational, infrastructural and motivational. The main institutions that can and should influence the formation of environmental behavior include family, education and the state. The views of young people combine elements of statist understanding of the source of harmonization of environmental relations, and the conviction of the importance of the personal contribution of each citizen to the greening of their own life and life of society.

Keywords

youth; environmental behavior; environmental practices; environmental culture; focus group.

For citation

Zakharova V.A. (2022). Environmental behavior in modern Russia: opinions of youth in the Southern Federal District (based on focus group research). *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), P. 42–52. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.4>

Введение

Особенностью экологического поведения российской молодежи выступает невысокая активность в экологических практиках при наличии элементов экологической культуры в виде комплекса экологических ценностей и установок. Причина видится в наличии ряда социальных барьеров, характер которых может способствовать экологической инфантилизации и росту индифферентных установок в отношении взаимодействия с природной средой. Это актуализирует научный интерес к исследованию роли отдельных социальных институтов в формировании и развитии экологического поведения молодежи, а также того, с какими из них в первую очередь связаны субъективные ожидания молодых людей на улучшение экологической ситуации и внедрение экологического образа жизни.

В отечественном и зарубежном научном дискурсе тема экологического поведения рассмотрена в нескольких направлениях, при этом молодежь как объект включена в него зачастую эпизодично. Отечественные ученые, как правило, исследуют экологическое поведение через призму феномена экологической культуры, выделяя поведенческую или деятельностную сторону в качестве ее элемента (Маргар, 2011), либо отдельно изучая феномен экологических практик (Рыбакова, 2012), также можно встретить работы, рассматривающие экологическое поведение в ракурсе системного подхода (Сосунова, Мамонова, 2011). Зарубежные авторы чаще всего обращаются к концепту позитивного экологического (*positive environmental behavior*) (Hansmann, 2020; Stern, 2000), или проэкологического поведения (*pro-environmental behavior*) (Sawitria, Hadiyah, Hadi, 2015), делая акцент на том, что оно складывается как результат влияния личностных и контекстуальных факторов (Stern, 2000).

Следует констатировать, что социологическое измерение изучения экологического поведения российской молодежи пока не находит широкого освещения, эмпирические исследования на эту тему носят, как правило, локальный характер (Журавлева, Зарубина, Кружкова, Рущицкая, 2019; Шишкина, 2008), либо касаются определенной группы молодежи, чаще всего студенческой (Ермаков, 2008; Еромолаева, 2012).

Методы

Опираясь в методологическом плане на контекстуальную теорию П. Стерна, в данном исследовании рассматриваем экологическое поведение молодежи через составляющие его структурные элементы (индикативы) – экологическую культуру и экологические практики. Под экологической культурой понимаем совокупность ценностей и установок, отражающих отношение индивидов к природной среде и детерминирующих характер экологических практик как целенаправленной и осмысленной деятельности индивидов, ориентированной на преобразование природной среды в целях сохранения естественного баланса всех ее элементов как условия обеспечения необходимого жизненного ресурса.

Эмпирической основой исследования избран метод фокус-групп. В данном формате было организовано общение с представителями молодежи в трех субъектах РФ, входящих в Южный федеральный округ – Ростовской области, Республике Адыгея и Республике Крым в 2021 году. Критериями отбора участников, помимо региона проживания, стали возраст (15-28 лет), род основной деятельности (обучение в школе, колледже, вузе, работа), а также тип поселения, где проживает информант (город, село).

Обращение к качественным методам во многом было продиктовано результатами, полученными в ходе авторского социологического исследования «Роль высшего образования в формировании основных паттернов экологического поведения студенческой молодежи» (2019-2020 гг.), опиравшегося на метод массового опроса студентов ряда регионов Южного федерального округа. Анализ результатов проведенных социологических замеров позволил выявить определенный запрос студенчества на современные экологические императивы, однако он сформирован на оценочно-декларируемом (интерес и осознание важности и актуальности экологических проблем) и аффективно-оценочном уровнях (осознание положительных и отрицательных качеств экологической личности), но не сформирован на оценочно-деятельностном уровне (отсутствие мотивационной системы, реальных экопрактик) (Захарова, 2021, С.136). Полученные результаты обусловили необходимость 1) более детального изучения мотивационной сферы молодежи, как чувствительной к экологическим практикам, так и индифферентной к ним, а также особенностей восприятия барьеров на пути экологизации поведения; 2) включения в предметное поле исследования представителей учащейся и работающей молодежи с целью концептуализации выводов об основных тенденциях в области экологического поведения молодежи и его детерминант. Был введен и дополнительный критерий отбора участников – тип поселения (город/село).

Результаты и их обсуждение

Участникам фокус-групп было предложено пояснить, что они вкладывают в понятия «экологично/неэкологично» в аспекте поведения и на чей пример они ориентируются при попытке подобного разграничения.

В понимании информантов экологическое поведение связано, прежде всего, с осознанными действиями, не наносящими вред природе или действиями, которыми этот вред можно уменьшить. Такая трактовка соответствует традиции, сложившейся в западной социологии и социальной психологии, когда экологическая значимость поведения определяется в зависимости от степени изменения доступности ресурсов окружающей среды или структуры и динамики развития экосистем (Stern, 1997). Упомянутая трактовка основы экологического поведения исходила от большинства информантов, хотя имела место разница в обосновании. Если среди участников фокус-групп в Ростовской области и Республике Крым в основном преобладал тезис о том, что поступать экологично – это значит не вредить природе, так как ее ресурсы на исходе и это может угрожать ныне живущим людям и качеству их жизни, то участники из Республики Адыгея чаще говорили об ответственности перед по-

томками, следующими поколениями. Очевидно, эту тенденцию можно связать с более сильным влиянием традиционной морали на молодежь Адыгеи и тем антропогенным воздействием, которое испытывают два других региона в связи с усилившимся турпотоком, водной блокадой (Крым) и транзитными передвижениями с территории Украины (Ростовская область).

Исследование позволило зафиксировать достаточно высокий уровень озабоченности экологической проблематикой, но также показало, что эта озабоченность в ряде случаев носит характер своеобразного *comme il faut* («Я понимаю, что вопросы экологии должны меня волновать, так как эта тема сейчас повсюду, экологический кризис и так далее...», «Конечно, экология – это важно, сейчас большие проблемы с экологией, много мусора и загрязнений от человеческой деятельности», «Если честно (Вы же хотите честные ответы?), я понимаю, что экология это очень важно, но прямо сейчас меня эти вопросы не очень волнуют, много других, более насущных лично для меня проблем», «Конечно, волнуют, экология вообще сейчас в тренде»).

Информанты иллюстрировали озабоченность экологическими проблемами с помощью примеров негативного влияния человеческой деятельности в региональном и общегосударственном масштабе. Чаще всего упоминались такие проблемы, как накопление мусора (особенно пластика), обмеление рек (Дона), негативное влияние от пребывания туристов (снова в аспекте накопления мусора), неконтролируемая застройка, вырубка деревьев, загрязнение водоемов стоками, а также низкая экологическая культура населения.

К основным источникам, из которых черпается актуальная информация о состоянии экологии, можно отнести Интернет, в частности, группы в социальных сетях. На втором месте – коммуникация с родственниками, друзьями, коллегами и преподавателями.

Обращение к непосредственному общению с информантами помогло уточнить первоначальную гипотезу о доминирующем влиянии системы образования и государственных институтов на формирование и развитие экологического поведения молодежи.

Большинство информантов назвали семью пространством, в котором формируются основные экологические ценности и установки. Утверждения об этом можно классифицировать по степени убежденности от безапелляционных: «Безусловно, только семья, так как, если бы меня не воспитывали родители и бабушка в духе того, что нужно беречь природу и как это делать, то, честно вам скажу, вряд ли бы на меня как-то сумели благотворно в этом плане повлиять государство или школа» (жен., 20 лет, Крым), «Семья – это основа общества, родители и их родители передают нам традиции и знания, которые мы должны хранить. Природа – то, что окружало их и окружает нас, и мы должны относиться к ней с уважением, как нам завещают старшие, чтобы и нашим детям было где жить» (муж., 20 лет, Адыгея), до умеренных: «Конечно, семья сыграла главную роль в моем воспитании в целом и в отношении к экологии тоже» (жен., 21 год, Крым).

Многие молодые люди выделяют семью в качестве основного агента экологической социализации, подчеркивая ее роль в формировании системы ценностей и установок, то есть в оформлении экологической культуры как структурного компонента экологического поведения. Показательно, что примеров конкретных блоков знаний, усвоенных от родителей или членов семьи, практически не нашлось, информанты в основном говорят об общем ценностно-нормативном влиянии в наглядных примерах: «В тебя базу заложили, но это было уже так давно, что ты не помнишь, как это происходило, но просто помнишь, что нельзя мусорить, нельзя обижать животных, что нужно беречь природу...Потом, уже в школе рассказывают про экосистемы, в университете про правовые аспекты» (муж., 20 лет, Крым); «Не то чтобы со мной проводили тематические беседы, или еще что-то...но было воспитание в том смысле, что мусорить нехорошо, и что к животным нужно относиться хорошо, и ценить то место, где ты живешь, не вести себя по-хамски на природе» (муж., 19 лет, Ростовская обл.); «Мне мама всегда рассказывает о каких-то новостях,

или происшествиях экологических, эта тема присутствует, да. Мама же может мне напомнить не брать пакет на кассе, или купить что-то экологичное. Папа – нет, ему все-равно, во что покупки класть» (жен., 20 лет, Адыгея).

Впрочем, ряд информантов указал на невыполнение социализационной функции семьей в плане формирования экологического поведения: «Не могу сказать, что семья на меня как-то влияла в плане того, что нужно беречь природу, такие темы никогда не обсуждались, хотя я думаю, что она должна влиять, это важно, на самом деле» (жен., 19 лет, Крым).

Среди институтов влияния на сферу ценностей и установок молодежи в части утверждения экологических императивов можно также выделить школу и вуз, причем уверенно говорят о таком влиянии, как правило, те информанты, которые оценивают и первичное влияние семьи на формирование своего экологического сознания как позитивное.

Участники 15-16 лет, обучающиеся в старших и выпускных классах школы, отмечают усиление интенсивности трансляции экологической информации на уроках и внеклассных мероприятиях, но вместе с тем скептически высказываются о реальной результативности образовательных практик в аспекте влияния на экологическое поведение. Показательны в этом смысле мнения школьников старших классов Ростовской области: («Мало мероприятий, на которых просто рассказывают или показывают что-то интересное, чаще нам самим еще нужно подготовить презентацию, проект, какие-то доклады, и это по каждому предмету...»), «Да, на уроках рассказывали про проблемы экологии, про то, что нужно сортировать мусор, показывали, какие маркировки есть и что они означают. Это расширяет кругозор, начинаешь более глубоко осознавать проблему. Но нужно постоянно, получается, эти знания освежать, потому что я, например, уже точно не помню, какая экологическая маркировка что означает. К тому же, я живу в поселке, и сортируй не сортируй мусор, а бак для него общий...», «Мы вот принимали участие в Экологическом диктанте, учитель про это рассказал. В итоге оказалось, что мы мало знаем по вопросам экологии, там достаточно сложные были вопросы», «Много разных образовательных мероприятий с экологическим уклоном, только большого смысла в них нет, потому что пока нам рассказывают про экологию, мусор все также продолжает накапливаться, и в магазинах повсюду пластик, пакеты, упаковка, свалки можно увидеть уже в черте города, и людям по-прежнему все равно».

Лишь несколько участников фокус-групп заявили, что чувствуют присутствие экологической «темы» на протяжении всей жизни благодаря семье, школе, вузу и работе. Однако, во всех случаях это было сопряжено с членством в общественных организациях экологического толка, вовлеченностью в волонтерскую деятельность (Республика Крым, Республика Адыгея), студенческий актив (Ростовская обл.), воздействием харизматичных преподавателей-энтузиастов, или с рекреационной направленностью трудовой деятельности (туризм, отельный бизнес, агробизнес).

В отношении второго индикатива, входящего в структуру экологического поведения, а именно экологических практик, спектр институтов, влияющих на формирование решающих мотивов деятельности, в оценках информантов остается похожим. В качестве значимых институтов экологической социализации молодые люди реже упоминают семью, чаще обозначают виртуальное пространство как важный информационный и мотивационный ресурс, обращают внимание на важность гражданской активности и самоорганизации в обществе.

Уровень осведомленности представителей молодежи об актуальных и доступных экологических практиках в регионе или стране в целом можно оценить как низкий, причем во всех регионах, где проводилось исследование. Больше всего примеров экопрактик смогли привести школьники и студенты, жители городов, меньше – представители работающей молодежи, а также жители села. В основном были названы практики, связанные с потреблением и досугом: отдельный сбор мусора,

сбор макулатуры, экономия воды и электроэнергии, использование многоразовой посуды и контейнеров для бытовой химии, сумок-шопперов, покупка экологичных продуктов питания, отказ от пластика, экотуризм, просмотр фильмов на экологическую тематику. Также упоминались субботники, акции по высадке деревьев, отправка сырья на вторичную переработку. Этот список, на первый взгляд, вселяет оптимизм, но после вопроса о том, в каких из перечисленных практик сами информанты принимают участие, перечень резко сократился, фактически, до ряда потребительских практик и участия в субботниках, не носящих системный характер. Также информанты, за редким исключением (учащийся школы, экоактивист), не смогли назвать разницу между мусором и вторсырьем, а также сказать, где в их городе можно сдать сырье на переработку (исключение составили несколько студентов из ЮФУ и Адыгейского государственного университета, благодаря студенческим инициативам по самостоятельной установке контейнеров для сбора вторсырья осведомленные о такой практике в своем вузе).

Следует отметить, что исключительно экологическая мотивация поведения у молодежи практически отсутствует, лишь несколько информантов сформулировали тезис о мотивах в альтруистическом ключе: *«...так как мне жалко природу, человеческая деятельность привела ее в ужасающее состояние, которое ухудшается с каждым днем» (жен., 20 лет, Крым), «...понимаю, что один человек не переломит ситуацию, но моя совесть будет чиста в том смысле, что я делаю все, что могу, чтобы мой экологический след не тяготил ситуацию» (муж., 22 года, Адыгея), «...потому что все начинается с себя, и если мой пример вдохновит или заставит измениться к лучшему хоть кого-то, считаю, это уже победа! Я читала о проекте, инициаторы которого доказывают, что минимальный процент экологически сознательных людей в каждой стране – 5%, и этого уже будет достаточно, чтобы улучшить ситуацию с экологией и изменить мировоззрение. Мне это очень понравилось и считаю, это выполнимо, нужно только правильно воздействовать на свое окружение» (жен., 20 лет, Крым).*

В основном мотивы молодых людей носят утилитарный уклон, соединяя экологические цели с другими: выбор шоппера – потому что модно и экологично; экономия ресурсов – потому что выгодно и к тому же экологично; участие в субботниках – экологично и повышает популярность, так как *«фиксируется на фото и распространяется в социальных сетях» (жен., 19 лет, Крым);* потенциальный выбор электромобиля вместо традиционного автомобиля – *«экологично и статусно, если это «Tesla», к примеру» (муж., 19 лет, Республика Адыгея).*

Для части информантов также важна уверенность в том, что их экологические действия принесут пользу: *«Когда мы принимали участие в субботнике, который организовал наш студсовет, было приятно видеть результаты своих усилий, и прохожие нас благодарили, захотелось еще в чем-то таком принять участие» (муж., 18 лет, Ростовская обл.), «Социальный комитет в нашем вузе записал ролик про экопривычки, и я там тоже снялась, так вот его уже просмотрели около 10 тысяч человек. Приятно осознавать, что другие могут немного больше узнать об экологичном способе жизни таким образом» (жен., 19 лет, Крым).*

Показательно, что никто из информантов не оценил свое поведение как полностью экологическое, больше половины от общего количества участников заявило о наличии отдельных элементов экологического образа жизни.

Молодые люди, проживающие в городах, принимают более активное участие в экологических практиках, что можно объяснить более развитой инфраструктурой, доступностью ресурсов, связанных с активным досугом, просвещением и потреблением, но вместе с тем выражают мнение о дефиците практик, связанных с непосредственным общением с природой. Интересно, что городские жители рассматривают экологичную жизнь как результат своей активной деятельности и осознанного выбора, иногда – как результат того, что *«наконец-то наши люди начинают вести себя*

цивилизованно в отношении экологии», а жители сел – часто как данность, среду, иногда как результат, наоборот, «дефицита цивилизации».

Молодежь усматривает достаточно много барьеров на пути экологизации собственного поведения и улучшения экологической ситуации в стране в целом. Основные из них можно объединить в три группы:

1. Информационные. Если использовать определение П. Стерна, фиксируется «дефицит знаний» (Dietz & Stern, 2002) как процедурных (где проходят актуальные экомороприятия, где расположены пункты сдачи вторсырья и опасных отходов, так как эту информацию можно получить либо в ходе целенаправленного поиска в сети Интернет, либо через осведомленных знакомых, поскольку телевидение, радио, наружная реклама такую информацию не транслируют в режиме повседневной доступности), так и знаний о последствиях своей деятельности (к примеру, о том, сколько места экономится благодаря вторичной переработке, а не захоронению отходов, или о времени разложения полиэтиленового пакета в почве). Серьезные затруднения у информантов вызвал вопрос о программных или стратегических документах, в которых отображены цели и ориентиры государства в области экологической политики, и лишь несколько человек знали о региональных общественных организациях и проектах экологической направленности.

2. Инфраструктурные, тесно связанные с оценкой деятельности институтов, осуществляющих экологическую политику (декларативный характер управленческих практик, связанных с охраной природы и экологической безопасностью), к примеру, парадоксы курса на отдельный сбор мусора: «Во многих дворах появились баки для отдельного сбора мусора, но они, во-первых, не такие, как «на континенте» (прим.: так крымчане часто говорят об остальной территории РФ), не так оформлены, это просто старые баки, на которых теперь написано «стекло», «бумага» и т.д. – нашим людям этого не достаточно, чтобы реально сортировать мусор, и потом, часто можно увидеть, как из этих контейнеров все сваливается в одну машину – спрашивается, зачем тогда нужно все это делать, ради показухи? Понятно, зачем это властям, но рядовых граждан так не убедишь» (жен., 23 года, Крым), или отсутствие возможностей использовать технические новинки и изобретения: «Даже если я захочу заменить свой автомобиль на электромобиль, где мне его заряжать? В регионе практически отсутствуют станции подзарядки, насколько мне известно, а запас хода у таких машин – в среднем, 100 км., я за день могу вдвое больше проехать. Электроавтобусов, насколько я знаю, у нас тоже нет, только троллейбусы остаются, поэтому я сильно природе не помогу, если выберу общественный транспорт, зато везде опоздаю. Пока такие вот инфраструктурные моменты не будут решены, нечего говорить о каком-то экологическом курсе нашей страны» (муж., 22 года, Адыгея).

3. Мотивационные. Отсутствие стимулов к экологическому поведению и необходимость дополнительных затрат времени, денег, а также преодоления непонимания или равнодушия со стороны окружения, иногда – страх («Я бы, может, и принял участие в протестной акции или митинге по поводу экологической проблематики, она же буквально повсюду – свалки образуются стихийно, «отжимаются» территории пляжей и парков, заповедников. Но участие в подобном, прямо скажем, не всегда удачно оборачивается для учебы и карьеры, тут нужно быть фанатом природы. Думаю, многие мои сверстники тоже далеки от таких инициатив – может, тут и недостаточная правовая грамотность играет роль, я вот, допустим, не уверен, что точно знаю свои права по участию в публичных акциях» (муж., 18 лет, студент, Крым).

Характерно, что молодежь всех возрастов довольно остро реагирует на малую экономическую доступность экотоваров и экопрактик: «Экологичные товары стоят дороже» (муж., 19 лет, Крым), «Если привести пример с упаковкой – ведь бумажный пакет стоит дороже пластикового, а нужно, чтобы было наоборот, или хотя бы нужно включать эти затраты в стоимость товара – у нас такая в стране ценовая

политика, что особо никто не заметит, а эффект будет, я уверен» (муж., 22 года, Адыгея). О подобном говорят и молодые предприниматели: «Естественно, никакой сознательности от бизнеса в этом плане ожидать не стоит, т.к. сейчас в России мало-мальски крепкий бизнес, связанный даже не с металлургией там какой-нибудь, а с производством продуктов питания, не совместим с экологической позицией. Пластиковая упаковка намного дешевле, и вот пример, так сказать, личный – я по работе связан с производством молочной продукции, и на заре деятельности у нас возникла инициатива перейти полностью на стеклянную тару, вроде и экологично, и свой винтажный стиль, ностальгия по советским бутылочкам с крышкой из фольги и т.д. Так вот, мы подсчитали, что это будет абсолютно не рентабельно, механизма возврата тары нет, плюс затраты на производство, транспортировку, риски большие, и никто нас за наши благие намерения поощрять или поддерживать не собирается, я государство имею в виду. А вот если бы такие инициативы давали возможность снизить ставку по кредиту, или давали какие-то арендные льготы, это бы помогло, о таком можно было хотя бы задумываться». (муж., 27 лет, Адыгея).

Относительно основных институтов, ответственных за экологическую обстановку в регионе и стране в целом, участники фокус-групп демонстрируют несколько эклектичные взгляды, так как, с одной стороны, говорят о ведущей роли государства («Наше государство обладает такими ресурсами и прибылью от продажи полезных ископаемых, что обязано этот ущерб выравнять за счет экологических инвестиций, настоящих, а не на бумаге. Считаю, государство должно повлиять и на инфраструктуру в городах и селах, и решить проблему с мусором – никто ведь больше это сделать не в силах» (жен., 22 года, Крым), «Конечно, самый главный субъект в экологической политике – это государство, оно может благотворно воздействовать на поведение молодежи и через экологические инициативы, и через повышение уровня общей культуры, и через воспитание уважения к себе (государству), и к другим людям. Если молодежь слушает Моргенштерна и смотрит стримы в Тиктоке, будет очень сложно им доказать что-то про любовь к природе и самоограничения. И если человек думает, как ему прожить на зарплату в 17 тысяч, разве ему можно всерьез говорить про то, что он должен выбирать органическую продукцию, или купить электромобиль за 3 миллиона? Так что государство должно прежде всего заботиться об общей культуре и уровне жизни населения, и тогда и экологическая повестка будет актуальной» (муж., 20 лет, Крым)), а, с другой стороны, обращают внимание на значение самодисциплины и роли общественности в вопросах природоохраны и развития экологического поведения («Будут ли люди вести себя экологично, зависит во многом от них самих. Многие наши граждане привыкли жить в мусоре, им нормально, они не чувствуют дискомфорта, и детей своих так же воспитывают. Большинство просто не воспринимает пока экологическую тему, может, это из-за голодных 90-х. Но я уверен, что понемногу количество людей, которые готовы показывать пример экологического поведения, растет, и это именно молодежь, а значит, и эффект скоро будет. Надоест всем в пластике плавать, и придется себя ограничивать» (муж., 25 лет, Ростовская обл.), «Сейчас столько разных пабликов в соцсетях, столько групп и образовательных платформ, что вполне можно восполнить дефицит знаний, можно найти единомышленников, организовывать экоакции, найти лайфхаки, заниматься экопросвещением. Ходить пешком, убирать за собой, и, возможно, за другими, не использовать пакеты, это же все не требует денежных затрат, нужно только желание» (жен., 21 год, Крым).

Несмотря на элементы этатизма в отношении ответственности за «экологический след», молодежь готова предлагать свои варианты улучшения ситуации, в основном фиксируется запрос на креативные экологические практики: «Нужно, чтобы эффект от экологической деятельности был виден, чтобы человек понимал, что он реально помогает, потому что это для многих очень хороший стимул – осознавать, что ты сделал доброе дело. Например, когда закрепляется шефство над каким-то

деревом, или животным в зоопарке. Я такое видела в Москве, и подумала, что это здорово – когда трудовой коллектив или конкретный человек не пытается понять, как это – всю планету спасти, а заботится о ком-то или чем-то конкретном» (жен., 20 лет, Крым), «У нас в стране есть один сайт приюта для животных, и когда человек перечисляет деньги на прокорм или лечение животного, он в режиме реального времени видит это животное через веб-камеру, когда захочет, может следить, как оно себя чувствует и т.д. Но, опять же, это все общественные инициативы, добровольческие. Нужно больше таких практик, и чтобы их поддерживало государство» (муж., 21 год, Крым), «Молодежь всегда может придумать что-то интересное, креативное, увлечь сверстников, ей только нужно дать свободу и немного средств. Свободу именно от и до, чтобы не нужно было писать отчеты, или проходить по инстанциям» (муж., 20 лет, Ростовская обл.), «Государство должно уделять внимание стартапам, в том числе связанным с экологией, чтобы человек мог что-то придумать и внедрить сразу, без того, чтобы упрашивать кого-то выдать разрешение, или патент, или субсидию» (муж., 19 лет, Крым), «Больше экологической рекламы, не контекстной, когда если ты уже в теме, тебе и будут слать эко-посты. А именно навязывать эко-привычки, наглядно показывать вред от деятельности человека. Но только не в форме лекций, или буклетов, а так, чтобы это «цепляло», с привлечением большого количества молодежи, с возможностью выступить с инициативой» (жен., 20 лет, Крым), «Должна быть визуальность эффекта, как положительного, так и отрицательного» (жен., 19 лет, Адыгея), «Нужен комплексный подход к экологии, чтобы население было уверено, что его правомерное поведение кому-то нужно, что нарушители закона обязательно будут наказаны. Бизнес, если влил инвестиции в какой-то эко-проект, должен быть уверен, что этот проект и бизнес заодно никто не отберет, нужна уверенность, что можно планировать деятельность» (муж., 24 года, Адыгея).

Наибольший энтузиазм в плане перспектив экологической активности и преодоления барьеров на этом пути проявляют представители студенческой молодежи начальных курсов обучения, наименьший – работающие молодые люди старшего возраста, чаще демонстрирующие понимание объективной сложности экологической ситуации, не сопряженное при этом с ориентацией на экологическое поведение.

Заключение

По итогам проведенного фокус-группового исследования, можно заключить, что в молодежной среде сформированные экологические ценности и установки зачастую не реализуются в формате экологических практик из-за обширного спектра негативных контекстуальных факторов, фиксируя экологическое поведение как пассивное, формально-декларативное или индифферентное. В то же время, в ряде случаев благодаря позитивным контекстуальным факторам, установки находят закрепление в экологическом поведении.

Складываются своего рода две параллельные реальности: первая – в которой наличествуют экологические движения, креативные идеи, активизм и сознательность, но она реальна для очень ограниченного круга молодежи – пришедшей в нее благодаря примеру значимых других, самовоспитанию и самообразованию, вовлеченной в волонтерство и эко-потребление благодаря ситуационно эффективной экологической пропаганде, прагматическим соображениям или личному опыту, отдельным энтузиастам от образования и общественной деятельности, сумевшим оказать сильное влияние на формирование ценностей, установок и практик молодого человека или группы молодежи. И вторая реальность, значительно более обширная – где экологическая политика реализуется декларативно, экологический активизм подавляется бюрократическими процедурами, результативность мероприятий, направленных на развитие экологической культуры и

стимулирование экологического поведения молодежи фиксируется благодаря формальным показателям, а экологический энтузиазм блокируется рядом барьеров.

Можно вспомнить в этой связи замечание Ю.А. Зубок (Зубок, Чупров, 2020), что характерной чертой молодежной политики в современной России является, помимо прочего, и то, что в фокус внимания государственных программ и институциональных практик регулирования молодежного сегмента попадают в основном представители «полярных» групп молодежи – либо маргинальная, подверженная разного рода девиациям, на которую направлены усилия по позитивной ресоциализации, либо талантливая и активная, требующая разного рода поощрений и инвестиций. Основная же масса молодежи, не проявляющая признаков девиантного поведения, но и не демонстрирующая выдающихся способностей в какой-либо сфере общественной жизни, не является предметом пристального внимания с точки зрения поиска оптимальных «рычагов» воздействия на поведение. Представляется, что данная тенденция имеет место и в сфере формирования и развития экологического поведения российской молодежи.

Подтверждается и тезис, что «формирование грамотной государственной семейной политики в России в целях повышения ее социализационного потенциала как актора формирования экологической культуры молодежи предполагает необходимость столь же грамотной и эффективной политики государства в сфере образования, спорта и туризма, поскольку семье в одиночку не справиться с проблемой дистанцирования молодежи от природы и приобщения к природе, к ее ценностям» (Бандурин, Верещагина, Самыгин, 2015).

Актуализируется проблема комплексного подхода к вопросу институционального влияния на процесс формирования и развития экологического поведения молодежи, поскольку, если 10 лет назад о такой необходимости писали ученые, то ныне о ней говорят сами информанты.

Литература

Бандурин, А.П., Верещагина, А.В., Самыгин, С.И. (2015) Семья и ее социализационный потенциал в контексте обеспечения экологической безопасности России. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 9, 55-58.

Ермаков, Д.С. (2008) Формирование экологической компетентности учащихся. М.: *Российский ун-т дружбы народов*, 159.

Ермолаева, П.О. (2012) Экологическая культура российского и американского студенчества. *Социологические исследования*, 12 (344), 80-88.

Журавлева Л.А., Зарубина Е.В., Кружкова Т.И., Рущицкая О.Е. (2019) Потребительское поведение молодежи: новые тенденции (исследование в вузах Екатеринбурга). *Муниципалитет: экономика и управление*, 3 (28), 80-89.

Захарова, В.А. (2021) Высшее образование в системе развития экологического поведения российской молодежи. *Гуманитарий Юга России*, 10(3), 128-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.10>

Зубок Ю.А., Чупров В.И. (2020) Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 304.

Марар, О.И. (2011) Экологическая культура в современном российском обществе: актуальные проблемы. М.: Изд-во МНЭПУ, 226.

Рыбакова М.В. (2012) Социальные экологические практики: состояние и механизмы управления. М.: КДУ, 318.

Сосунова И.А., Мамонова О.Н. (2011) Экологическое поведение граждан и качество жизни в условиях глобализации. *Философия и социальные науки*, 3/4, 62—66.

Шишкина Е.А. (2008) Экологические практики как фактор формирования экологической культуры (по материалам Астраханской области). *Социологические исследования*, 9, 79-84.

Dietz, T., Stern, P.C. (2002) Exploring new tools for environmental protection, 3-15 in Dietz, T., and Stern, P.C., eds. *New Tools for Environmental Protection: Education, Information, and Voluntary Measures*. Washington: National Academy Press. DOI: <https://doi.org/10.17226/10401>

Hansmann, R., Binder, C. (2020) Determinants of Different Types of Positive Environmental Behaviors: An Analysis of Public and Private Sphere Actions. *Sustainability*, 12(20). DOI:10.3390/su12208547

Sawitria, D., Hadiyantob H., Hadi, S. (2015) Pro-environmental Behavior from a Social Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*, 23, 27-33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2015.01.005>

Stern, P. C. (1997) Toward a working definition of consumption for environmental research and policy, 12-35 in Stern, P.C., Dietz, T., Ruttan, V.R., Socolow, R.H., and Sweeney, J.L., eds. Environmentally significant consumption: Research directions. *Washington: National Academy Press*.

Stern, P. C. (2000) Toward a coherent theory on environmentally significant behavior, *Journal of Social Issues*, 56, 407-424.

References

Bandurin, A.P., Vereshchagina, A.V., Samygin, S.I. (2015) Family and its socialization potential in the context of ensuring environmental safety in Russia. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 9, 55-58.

Ermakov, D.S. (2008) Formation of ecological competence of students. M.: RUDN University Publ., 159.

Ermolaeva, P.O. (2012) Environmental culture of Russian and American students. *Sociological Research*, 12 (344), 80-88.

Zhuravleva L.A., Zarubina E.V., Kruzhkova T.I., Rushickaya O.E. (2019) Consumer behavior of young people: new trends (research in the universities of Yekaterinburg). *Municipality: Economics and Management*, 3 (28), 80-89.

Zakharova, V.A. (2021) Higher education in the system of development of ecological behavior of Russian youth. *Humanities of the South of Russia*, 10 (3), 128-137. DOI: <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2021.3.10>

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. (2020) Youth in the cultural space: self-regulation of life. M.: Norma, 304.

Marar, O.I. (2011) Environmental culture in modern Russian society: actual problems. M.: International Independent University of Environmental & Political Sciences Publ., 226.

Rybakova, M.V. (2012) Social environmental practices: state and management mechanisms. M.: KDU Publ., 318.

Sosunova I.A., Mamonova O.N. (2011) Environmental behavior of citizens and quality of life in the context of globalization. *Philosophy and Social Sciences*, 3/4, 62-66.

Shishkina E.A. (2008) Environmental practices as a factor in the formation of environmental culture (based on the materials of the Astrakhan region). *Sociological Research*, 9, 79-84.

Dietz, T., Stern, P.C. (2002) Exploring new tools for environmental protection, 3-15 in Dietz, T., and Stern, P.C., eds. *New Tools for Environmental Protection: Education, Information, and Voluntary Measures. Washington: National Academy Press*. DOI: <https://doi.org/10.17226/10401>

Hansmann, R., Binder, C. (2020) Determinants of Different Types of Positive Environmental Behaviors: An Analysis of Public and Private Sphere Actions. *Sustainability*, 12(20). DOI:10.3390/su12208547

Sawitria, D., Hadiyantob H., Hadi, S. (2015) Pro-environmental Behavior from a Social Cognitive Theory Perspective. *Procedia Environmental Sciences*, 23, 27-33. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.proenv.2015.01.005>

Stern, P. C. (1997) Toward a working definition of consumption for environmental research and policy, 12-35 in Stern, P.C., Dietz, T., Ruttan, V.R., Socolow, R.H., and Sweeney, J.L., eds. Environmentally significant consumption: Research directions. *Washington: National Academy Press*.

Stern, P.C. (2000) Toward a coherent theory on environmentally significant behavior, *Journal of Social Issues*, 56, 407-424.

Дата получения рукописи: 18.01.2022

Дата окончания рецензирования: 20.02.2022

Дата принятия к публикации: 23.02.2022

Информация об авторе

Захарова Вера Александровна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Крымский филиал, г. Симферополь; e-mail: zakharova7vera@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Vera Alexandrovna Zakharova – Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher, Crimean Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Simferopol; e-mail: zakharova7vera@mail.ru

The author has no conflict of interests to declare

**ПО СЛЕДАМ ВСЕРОССИЙСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ
УЧЕНЫХ «ПУТЬ В НАУКУ»
(г. Ростов-на-Дону, 21-22 апреля 2022 г.)**

Тезисы конференции

Международное образовательное сотрудничество: современные тренды и перспективы развития

П.С. Гаврилов¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Гаврилов П.С. (2022). Международное образовательное сотрудничество: современные тренды и перспективы развития. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 54–56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.5>

В современном мире роль высшего образования поступательно растет, оказывая влияние как на благополучие граждан страны, так и конкурентоспособность государства в международном пространстве. Благополучное функционирование любого государства, его экономических институтов, сферы культуры и т.д. невозможно вне подготовки квалифицированных кадров, без формирования целостной, креативной личности, гражданина, в связи с чем вопросы эффективности образовательной системы всегда выступали важнейшими для любого общества. На современном же этапе эти вопросы, как и многие другие, перешли в разряд глобальных в условиях, когда во многом от системы высшего образования зависит способность общества адекватно отвечать на вызовы глобализации [1], сохраняя высокий уровень национальной безопасности.

Сегодня обозначился ключевой тренд в развитии высшего образования - интернационализация, в рамках которой происходит процесс встраивания системы высшего образования разных стран в мировую практику [2]. В русле данного тренда каждое государство стремится привлечь в свою национальную систему образования иностранных студентов, понимая, насколько это важно для престижа и статуса страны на международной образовательной арене.

Чем выше доля иностранных студентов среди численности всех обучающихся студентов в вузах государства, тем выше статус национальной системы образования. Российская система высшего образования также движется в русле этого магистрального тренда, стремясь расширить контингент и численность иностранных студентов в составе студенчества вузов страны, однако, пока к странам-лидерам в этом отношении российское государство причислить сложно. Здесь довольно устойчиво на протяжении последних десятилетий лидируют такие страны, как Англия, Франция, Австралия, Германия, Канада, а, ведь, когда-то, в советский период российской истории, образование в СССР представлялось весьма престижным и желаемым для граждан многих стран. Особенно привлекательным было образование по инженерно-техническим специальностям, естествознанию, что не вызывает удивления, поскольку именно в данных областях советское образование признавалось одним из лучших в мире, а сам СССР возглавлял список стран-лидеров в важнейших областях науки и техники [3, С. 14].

Вместе с тем, вопрос глобализации и интернационализации образования неоднозначно рассматривается учеными, так как «глобализация образования формирует свою философию и мировоззрение, мораль и систему ценностей», а ее проявление различно [4]: с одной стороны, явно прослеживаются положительные сюжеты данного процесса как объективно заданного самой глобализацией (взаимопроникновение культур, информационная доступность, более высокий уровень научной и академической мобильности и ряд других возможностей), а, с другой стороны, отмечаются нега-

тивные сюжеты данного процесса, связанные с неизбежными тенденциями универсализации образования, стирания национальных особенностей образовательных систем и их дестабилизацией.

Таким образом, в диапазоне указанной амбивалентности глобализации образования высвечиваются противоречивые явления в развитии высшего образования, развивающегося в логике интернационализации. Есть ряд других вопросов, достаточно активно обсуждаемых в научном сообществе в контексте международного образовательного сотрудничества. Это вопросы, связанные с адаптацией иностранных студентов к реалиям образовательной системы и самого общества, принимающего иностранных граждан в рамках получения высшего образования.

О какой бы стране ни шла речь применительно к обучению иностранного студента, неминуемы проблемы и трудности, с которыми он столкнется в процессе социокультурной и образовательной адаптации. Безусловно, диапазон этих трудностей будет определяться величиной социокультурной дистанции между культурой, которую представляет студент иного государства, и культурой принимающего общества. Чем меньше эта дистанция, тем комфортнее и быстрее завершится процесс адаптации иностранного студента, но сам процесс адаптации неизбежен, а в его рамках – освоение новых ценностей, культурных норм, правил поведения. Только так можно успешно адаптироваться к новой социокультурной среде и добиться в ней успеха [5, С. 34]. И, конечно же, данный процесс не проходит гладко, так как иностранному студенту приходится сравнивать, пересматривать сложившиеся у него стереотипы, модели поведения, ценности, особенно, если они не соответствуют новой социокультурной среде. Процесс этот небыстрый, требует временных и душевных затрат, а также волевых усилий, связанных с обретением новых знаний, новых навыков для адаптации в чужеродной социокультурной среде.

В данном контексте остро встает вопрос о самой логике возникновения и преодоления социальных и культурных барьеров, ценностных стереотипов в процессе адаптации иностранных студентов к новым социокультурным условиям и интеграции в принимающее образовательное сообщество. На один ключевой фактор обращают внимание практически все специалисты, занимающиеся данной проблематикой – языковой. Объясняется это довольно просто – без знания языка успешно адаптироваться в новом обществе, преодолев все социокультурные и иные барьеры невозможно, но, зачастую, приезжающие в Россию студенты из стран, культурно далеких, не владеют языком в необходимой мере или вовсе не знают русского языка, что порождает очень серьезные проблемы адаптационного характера. Это особенно характерно для студентов восточного цивилизационного блока (Китай, Таиланд, Индии, Вьетнам, Индонезия), приезжающих в Россию для получения высшего образования. В последнее десятилетие их численность растет параллельно с проблемами адаптационного плана [6].

Языковой барьер становится фактором менее успешного освоения иностранным студентом образовательной программы в вузе, и, конечно же, перед каждым образовательным учреждением стоит проблема выстраивания грамотной политики языковой подготовки студентов-иностранцев.

Круг перечисленных проблем образовательного международного сотрудничества на этом, конечно же, не заканчивается, но, подводя итога, хотелось бы обратить внимание на то, что адаптация иностранных студентов к условиям российской образовательной среды и социокультурной реальности в целом – сложный процесс для многих иностранцев, приезжающих в Россию из других стран, что предполагает поиск адекватных и эффективных механизмов организации образовательной деятельности, связанной с обучением иностранцев в российской высшей школы.

Литература

1. Vereshchagina A., Sazhina L., Samygin S. Civilization security of third century in conditions of challenges of globalization era // Society, culture, personality in modern world. Materials of the VI international scientific conference, February 16-17, 2016. Prague, 2016. P. 64-68.

2. Higher Education Partnerships for Global Development: Knowledge, Cooperation, Results. Agency for International Development, 2004. P. 61-68.

3. Арефьев А. Л., Шереги Ф. Э. Иностранные студенты в российских вузах. Раздел первый: Россия на международном рынке образования. Раздел второй: Формирование контингента иностранных студентов для российских вузов [электронный ресурс] / Министерство образования и науки Российской Федерации. М.: Центр социологических исследований, 228 стр.

4. Береговая О.А. Глобализация и развитие непрерывного образования // Ползуновский альманах. № 4 Т.4. 2017. С. 60-61.

5. Дрожжина Д.С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Эмпирические исследования. Universitas. 2013. Том 1. № 3. С. 33-47.

6. Погукаева А.В., Коберник Л.Н., Омелянчук Е.Л. Адаптация иностранных студентов в российском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2016. № 3. Режим доступа: URL: <http://science-education.ru/ru/article/view?id=24651>.

Дата получения рукописи: 28.04.2022

Дата окончания рецензирования: 14.05.2022

Дата принятия к публикации: 23.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.6

Тезисы конференции

**Религиозная социализация в Instagram:
проблема и направления совершенствования**

Д.Н. Дворчанский¹

Научный руководитель – к.с.н., ст. преподаватель Ю.С. Панфилова

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Дворчанский Д.Н. (2022). Религиозная социализация в Instagram: проблема и направления совершенствования. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 57–61. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.6>

Актуальность доклада определяется возрастающей значимостью института религии в современном цифровом обществе. Несмотря на сложнейшие технологические и информационные процессы в современном обществе, религиозное сознание наращивает свою социальную значимость для различных сфер человеческой жизни. Первостепенный характер носит аксиологическое измерение религиозной культуры: процесс трансляции важнейших ценностей в общество является одной из приоритетных задач для современной религии. Однако здесь находится и другая исследовательская задача: как конструктивно и рационально усвоить религиозные ценности и идеалы.

Хорошим подспорьем для этого выступают социальные сети. В докладе такой социальной сетью является «Instagram». Это одно из наиболее популярных социальных сетей, в которых пользователи выкладывают различные фотографии, видеоролики и короткие онлайн-видео (минирепортажи). Данный ресурс включает в себя различные технические возможности по презентации и обработке материала, а также позволяет давать оценку размещенной информации и общаться пользователям между собой.

Актуальность данного доклада обусловлена значимостью изучения вопроса религиозной социализации в условиях цифровизации на примере социальной сети «Instagram».

Проблемы религиозной социализации в условиях цифровизации в соцсети «Instagram»

Вместе с тем религиозной социализации в условиях цифровизации, обеспечивая информационную насыщенность, тесное соседство людей с различными убеждениями, становится источником проблем существованию религии.

На первом месте можно выделить проблему – существование контента низкого качества в «Instagram». Человек, проходящий религиозную социализацию в цифровой реальности, насыщает свое сознание некорректной информацией, которую, возможно, нарочно исказили.

Эта проблема еще связана с умением правильно вести свою страницу в «Instagram». Главная проблема для блогера в Instagram — это необходимость постоянно быть активным, то есть что-то публиковать. Более того: недостаточно наполнять страницу только интересным материалом, блогеру нужно рассказывать о себе и своей жизни.

Беда блогеров в том, что они начинают зависеть от своих страниц, у них начинаются какие-то навязчивые состояния: пять часов прошло, а я ничего не постил! Это происходит у тех, кто кладёт на развитие блога всего себя. Как правило, начинается всё безобидно: человек хочет делиться чем-то интересным и полезным, но через некото-

рое время он уже и не замечает, что следит за охватами аудитории, числом подписчиков, уровнем активности и тому подобным. Он видит «Instagram» с другой стороны: не как соцсеть с красивыми фотографиями, а как график, который либо радуется, либо показывает, что он плохо трудится.

Также проблемой является то, что некоторые аккаунты используют различные сервисы для искусственной накрутки посещаемости аккаунта. Таким образом, создается впечатление, что на страницу подписано большое количество людей, а на самом деле это боты, т.е. искусственные подписчики.

Еще одной проблемой является коммерциализация религий. Верующий может легко приобрести широкий спектр вероучительных текстов, предметы с символикой религии или храма, заказать молебен или иную церемонию. Различного рода маги, астрологи, целители размещают объявления об оказании возмездной помощи, в том числе и дистанционно. Более того, предметом купли-продажи может оказаться даже душа: ее можно продать другому человеку или воспользоваться услугой по организации ритуала продажи души темным силам.

Другой, не менее серьезной рискогенной, стороной религиозных сообществ в социальной сети является наличие троллей и фейков, которые всячески способны дестабилизировать дисциплину и дружественную обстановку в группе. Человеку, которому лишь предстоит пройти путь религиозной социализации в цифровом мире, чрезвычайно опасно встречать вредоносных акторов: подобно некачественному контенту, злоумышленники могут исказить смыслы религиозных ценностей, разжигать межконфессиональную вражду, оскорблять участников группы. Поскольку для религиозного человека его ценности абсолютны, конфликты в «Instagram» обычно еще более остры, нежели в каких-либо других нерелигиозных сегментах. Так, представители ислама жалуются, что в комментариях часто пишут, что ислам – это религия террористов, и объясняют, что настоящий ислам не имеет к ним никакого отношения.

Неудивительно, что в теократическом Иране часто блокируются «социальные сети, а также ресурсы, затрагивающие проблемы политики, прав женщин» как противоречащие нормам ислама.

Анализируя контент «Instagram», может возникнуть другая проблема - как сам субъект религиозной социализации воспринимает контент сообществ.

Любая развитая религиозная система в своей основе содержит элемент сакрального – той части верования, которая обладает статусом трансцендентности и зачастую является источником моральных установок и норм. Присутствие сакрального в религии необходимо: с одной стороны, оно, как уже отмечалось выше, трансцендентно, с другой же – вещественный мир всегда отсылает нас к Абсолюту, то есть к сакральному. Эффект тайны и мистики в религии является важнейшим условием самой религии (в свою очередь, ключевой ролью также обладают религиозные артефакты, символы, обряды и прочее).

Чрезвычайно сложна ситуация в сетевых сообществах в «Instagram». Своего рода перекодировка сакрального в двоичный код может исказить восприятие верующего человека. Меняется сам язык религии, в свою очередь, видоизменяются и важнейшие категории религиозной культуры. Возникает языковая (в широком смысле слова) десакрализация. Отметим, что «языковая десакрализация – это утрата значимости и глубокого священного содержания в семантике слов, словосочетаний и фразеологических оборотов с целью обмиршвления понятий и их светское обесценивание в средствах массовой информации и в устной речи носителей языка, стимулирующие переориентацию на другие ценности и «святыни» и способствующие деструктивному процессу высших ценностей личности».

Тут обозначаются риски утраты чувств реального переживания потаенного/сакрального. Религия и религиозная социализация в сообществах теряют свою историческую часть: сакральное находится в двоичном коде, братья по вере представле-

ны в виде аватаров, а местом служения становится и вовсе цифровое сообщество. Риск неправильной политики сообщества относительно данных фундаментальных вопросов представляется чрезвычайно серьезным и тревожным социальным явлением.

Таким образом, видим, что в качестве проблем религиозной социализации в условиях цифровизации на примере соцсети «Instagram» выступают следующие: использование контента низкого качества; использование ботов вместо реальных подписчиков; наличие троллей и фейков; коммерциализация религии; негативные комментарии, как в православной вере, так и в исламе.

Направления совершенствования религиозной социализации в условиях цифровизации по эффективному использованию социальной сети «Instagram»

В рамках данной темы можно порекомендовать два направления совершенствования религиозной социализации в цифровом обществе:

1. Аналитика тематических сообществ в социальной сети «Instagram»;
2. Анализ восприятия религиозного контента в социальной сети «Instagram».

Говоря о первом направлении, следует отметить, что она базируется на изучении именно контента (то есть непосредственного содержания) групп, тематика которых посвящена религиозной жизни человека. Это может быть группа конкретной конфессии или епархии, а может, и неформальное сообщество людей, объединенных одной религией. Заметим, что подобного рода группы являются замечательным способом популяризации и актуализации религиозной культуры в современном мире: использование новостной ленты, выкладывание постов, работа с другими сообществами – все это делает религиозную культуру более мобильной и пластичной, то есть способной выжить в нынешних цифровых реалиях.

Подход к контенту религиозной тематики должен быть чрезвычайно аккуратен и методичен. Цифровая религиозная социализация может быть успешна лишь в том случае, если те сообщества, которые претендуют на роль актора, способного конструктивно погрузить человека в культуру конкретной религии, будут обогащать свои группы лишь качественным материалом. Подобный материал обязан вписываться в догматику, нести нравственный посыл для аудитории, быть удобно и эстетично представленным в самой группе.

Это касается не только блогеров, но и обычных верующих людей. Ведь «Instagram» — это отличная молодёжная платформа, которая может быть интересной и познавательной. Например, три совсем молодых человека из Полтавы создали блог «ОртоСапиенс». Ему чуть больше года, и он очень активно развивается. Его создатели — большие молодцы, кто у них только не побывал в прямых эфирах. Так что верующие люди вполне могут вести свои блоги в этой соцсети. Не обязательно использовать её для проповеди, можно продвигать и популяризировать какие-то свои начинания — как ребята из #mishmishtravel.

Иерей Алексей Волчков считает, что информационное служение, приходское или епархиальное, не может не быть инновационным, не может не осваивать новых рубежей, не может не ставить амбициозных целей! Он пишет: «Могу сказать, что у некоторых епархий, у отдельных приходов такие инициативы будут успешны, получают должное развитие, приобретут популярность. А у кого-то инстаграм-проект не состоится. Все зависит от контекста, от предпосылок, от востребованности подобных начинаний со стороны окружающего общества. Поэтому я хочу предупредить братьев и сестер от того, чтобы воспринимать наш опыт в качестве обязательного для подражания!».

Переходя ко второму направлению исследования религиозной социализации в цифровом мире, стоит отметить, что ее методологической базой является анализ того, как подписчики воспринимают контент. Проблемы восприятия были описаны в предыдущем пункте.

Сами блогеры «Instagram» отмечают, что очень приятно, когда люди комментируют какое-либо фото и пишут – «Ура! Это же мой храм!». Или же нас радуют такие

комментарии – «На фото изображен наш настоятель, отец N, мы его все очень любим». Радует блогеров, когда совершенно незнакомые люди начинают отмечать аккаунт на своих фото, которые они делают на каких-либо церковных мероприятиях. Это означает то, что появилась еще одна информационная сеть, еще одно сообщество, разделяющее общие ценности.

Поэтому в качестве рекомендации улучшения качества контента в сообществах наиболее рациональным видится взаимодействие их администраторов с экспертной группой в сфере религиозной культуры. Это могут быть представители духовенства, специалисты в сфере религиозного образования, религиоведы и философы. Подобного рода консультации с профессионалами позволят не только улучшить контент-состояние сообщества, но и однозначно поднимут значимость сообщества в глазах его непосредственной аудитории. Помимо этого, специалисты могут дать методические рекомендации по оптимизации сложного материала для широкой публики.

Следующей рекомендацией является рационализация политики администрации сообщества. В этом пункте имеется в виду грамотная риторика руководства группы. Учитывая специфику религиозной тематики, группа нуждается в четкой структуре и коллегии модераторов, которые смогут поддерживать дисциплину и конструктивный диалог между участниками. Само сообщество, с одной стороны, должно быть открытым пространством диалога, с другой же – иметь определенный фильтр участников с целью отсеивания фейков и троллей.

Следующую рекомендацию можно отнести к политике сообщества. С целью недопущения десакрализации религиозного знания и религиозной культуры вообще сообщество должно строиться таким образом, чтобы человек понимал, что даже сам процесс религиозной социализации не является единственным элементом религиозной жизни. Необходимо четко расставлять приоритеты и напоминать аудитории, что религия – это, прежде всего, практика. Это таинство и преодоление себя. В условиях социального дистанцирования зачастую это проблематично, однако сама процедура правильного расставления приоритетов является одной из важнейших задач руководства.

Выводы. Религиозная социализация представляет собой процесс взаимодействия, основными агентами которой являются: семья, социальные сети друзей и родственников, религиозные организации и система образования. Есть еще понятия - первичная (религиозное воспитание, полученное человеком в детстве) и вторичная (явление, связанное с существенными изменениями образа жизни) религиозная социализация.

В настоящее время происходит адаптация религии к новым условиям общественной жизни в процессе цифровизации. Она имеет свои недостатки и преимущества. В качестве преимуществ: использование цифровой среды при трансляции богослужений во время пандемии коронавируса; во время трансляции из одного храма подключаются тысячи людей, больше чем обычно; мгновенная передача сообщений; оперативность реагирования; координирования действий; адресное воздействие; доступ в отдаленные области географической карты мира. Недостатками являются: возрастает количество конфликтных ситуаций; коммерциализация религий; присутствие на сайтах посторонних объявлений целителей, магов, астрологов.

Религиозная социализация находит практическое применение в соцсетях. Одной из таких социальных сетей является «Instagram». Отличительной особенностью социальной сети Instagram является: интерактивность; коммуникативность; развитие творческого потенциала; социальная информативность; мобилизованность; развлекательный контент и пр.

И православие, и ислам активно позиционируют себя в «Instagram». Если цель позиционирования православия – приобщить людей к вере, доносить информацию и влиять на миллионную аудиторию, то цель позиционирования ислама: рассказывать

немусульманскому миру о внутренней жизни ислама и бороться с негативными стереотипами.

В православной религии сообщества и их представители активно используют страницы в «Instagram». А вот в исламе представители мусульманского духовенства практически не имеют аккаунтов в «Instagram». Однако страницы в «Instagram» используют рядовые мусульманки. Они поднимают темы: хиджаба, отношений с родителями, сверстниками, образования, любви, дружбы и многое другое.

В качестве проблем религиозной социализации в условиях цифровизации на примере соцсети «Instagram» выступают следующие: использование контента низкого качества; использование ботов вместо реальных подписчиков; наличие троллей и фейков; коммерциализация религии; негативные комментарии, как в православной вере, так и в исламе.

В качестве направлений совершенствования было предложено два: аналитика тематических сообществ в социальной сети «Instagram»; анализ восприятия религиозного контента в социальной сети «Instagram». Первое направление предполагает анализ самого контента, чтобы сделать его конструктивным и качественным для подписчиков. Второе направление предполагает анализ контента со стороны подписчиков.

Для второго направления были даны следующие рекомендации: улучшение взаимодействия администраторов с экспертной группой в сфере религиозной культуры; рационализация политики администрации сообщества; улучшение политики сообщества.

Сама процедура правильного расставления приоритетов является одной из важнейших задач руководства сообщества или блога в «Instagram».

Литература

1. Аксёнова Д.Д. Развитие социальной сети INSTAGRAM / Д.Д. Аксёнова, В. В. Бондалетов // Материалы Ананьевский чтений. 2016. № 1(14). С. 36-40
2. Баловсяк Н.В. Реферат, курсовая, диплом на компьютере / Н. Баловсяк - Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2006. 176 с.
3. Бурманов С.А. Аксиологические проблемы глобализации / С. А. Бурманов, М. П. Данилкова // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 2. С. 230-237.
4. В РПЦ высказались о цифровизации религиозной жизни / РИА Новости. Режим доступа: <https://ria.ru/20211014/tsifra-1754611066.html>
5. Вылегжанина А. О. Разработка проекта / А.О. Вылегжанина. М., Берлин: Директ-Медиа, 2015. 291 с.
6. Гаврилов Е.О. Оцифрованное сакральное: особенности существования религии в интернет-пространстве (по материалам СМИ) / Е.О. Гаврилов // Вестник КемГУКИ. 2014. №28. С.177-183
7. Галиева А. Мусульманки: что можно выкладывать в Instagram / А. Галиева. Режим доступа: <http://www.islam-portal.ru/m/stat/100/9522/>
8. Гелецкий В. М. Реферативные, курсовые и выпускные квалификационные работы / В.М. Гелецкий. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 152 с.
9. Дистанционная религия: найти исповедника в интернете? // BBC News Русская служба. Режим доступа: <http://www.bbc.com/russian/society/>
10. Дмитриевич В.В. Материальное и духовное в эпоху цифровизации / В.В. Дмитриевич. Режим доступа: https://elar.ufrf.ru/bitstream/10995/89665/1/978-5-8295-0717-6_2020_010.pdf

Дата получения рукописи: 28.04.2022

Дата окончания рецензирования: 14.05.2022

Дата принятия к публикации: 23.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.7

Тезисы конференции

«Цифровая молодежь», «цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения в России

М.Е. Денищенко¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Денищенко М.Е. (2022). «Цифровая молодежь», «цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения в России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 62–63. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.7>

Сегодня ученые активно обсуждают вопросы, связанные с отношениями между молодым поколением и старшим, используя, в том числе, такой термин, как «цифровой разрыв» [1], а также понятие «цифровая молодежь» [2]. Понятно, что источником появления этих и других понятий с цифровым подтекстом и контекстом служит сама цифровая эпоха, которая и создала эту дистанцию между молодым поколением и старшим по объективной причине – молодые быстрее и легче осваивают информационные и цифровые технологии, поскольку для них цифровая среда – родная среда. Они в ней родились, выросли и уже вряд ли представляют мир иным, в котором нет этих технологий.

Возникает важный вопрос, и не один. Как расценивать сложившуюся по критерию владения цифровыми технологиями дистанцию между разными поколениями? Есть в реальности «цифровой разрыв» и насколько он опасен для межпоколенческих отношений? Ответив на эти вопросы, можно ответить и на ключевой: надо ли что-то кардинальное предпринимать в отношениях между поколениями, которые во многом определяются именно этим фактором – цифровой грамотностью и включенностью в информационные процессы?

На все вопросы мы в рамках данной работы не ответим, да и цели такой не ставим перед собой. Это постановочные вопросы, которые нуждаются в глубоком изучении, осмыслении, а потому имеет смысл привести позиции исследователей, мнения специалистов с тем, чтобы понимать специфику исследовательского дискурса, который развернулся вокруг данной темы и проблемы.

Для начала нам хотелось бы привести слова психолога, А. Рикеля: «Многие говорят, что между поколениями сейчас очень длинное расстояние с точки зрения владения технологиями, а эти технологии настолько жизненно важны, что это ведет к непониманию между поколениями. Представьте себе человека, который умеет читать и писать, а его родители, бабушки и дедушки не умеют. Это мощный разрыв, который был в относительно обозримом прошлом» [3]. Стоит согласиться с этой позицией – разрыв, действительно, мощный. Но стоит ли драматизировать ситуацию? Есть же и другой вариант восприятия данной ситуации, и он, кстати, высказывается этим же экспертом: «Отдавайте себе отчет, что некоторые вещи созданы для более молодого поколения, в этом нет ничего плохого. «Разрыв» звучит страшно, но на деле это всего лишь один из витков прогресса. И все же существует множество вещей, в которых все мы схожи, и это прекрасно» [3].

Ю.А. Варламова межпоколенческий цифровой разрыв изучает с позиций использования и доступа Интернета представителями разных поколений россиян, полагая, что этот разрыв имеет особое значение в контексте старения населения как ключевой тенденции демографического развития, когда увеличивается доля населения старшего возраста, использующего цифровые технологии в гораздо меньшей степени, нежели молодое поколе-

ние [4]. По итогам проведенного исследования ею делается важный вывод о том, что следует учитывать ту среду обитания, в которой социализировались разные поколения россиян, а потому «при разработке сервисов государственных и муниципальных услуг следует принимать во внимание, что определенная доля населения не включена в цифровую среду, поэтому для ее комфортного проживания в обществе требуется сохранение материальных аналогов (бумажного документооборота, наличных денег, почтовых услуг)» [4].

Данная ситуация другим исследователем рассматривается в ином свете – в свете цифрового неравенства как следствия цифрового разрыва. В частности, В.Е. Мушаков, определяя цифровое неравенство в формате конституционно-правового неравноправия и дискриминации граждан, ограниченных в возможностях использования ИКТ, пишет о том, что «разница в уровне экономического благосостояния, образованности, территориальных (инфраструктурных) особенностях, поколенческая и гендерная принадлежность, ставшие причиной цифрового неравенства, фактически ограничивают определённые группы граждан в реализации своих конституционных прав» [5, с. 72.], а потому он считает необходимым преодоление цифрового разрыва.

Интересные результаты были получены в ходе полевых исследований А.П. Глуховым и Ю.М. Стаховской [6]. Ими показывается, что параллельно с конфликтами между поколения на почве цифрового разрыва разворачиваются и практики сотрудничества в области цифровых коммуникаций, и, согласно теории диффузии инноваций, со временем межпоколенческий цифровой разрыв должен быть сглажен, но в современной реальности этот разрыв не видится преодолемым, так как он выступает культурнопоколенческим маркером, дифференцирующим поколения по критерию «свои» от «чужаки». Более того, цифровое неравенство, по мнению указанных исследователей, не является следствием социально-экономического неравенства и сложностей доступа к сетевым технологиям, а производно оно от комплекса установок консервативного плана старшего поколения, которое таким образом – фрагментарным использованием социальных сетей и иных цифровых платформ – выражают свою протестную позицию.

Таким образом, как видим, позиции исследователей достаточно разные, но все интересные и важные. Очевидна потребность в дальнейшей разработке данной проблематики в самых различных аспектах, в том числе и на региональном уровне, поскольку в каждом регионе может сложиться своя специфика цифрового разрыва и перспектив его преодоления.

Литература

- 1.Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. «Цифровой разрыв» и межпоколенческие отношения детей и родителей // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 44-54.
- 2.Медиапотребление «цифровой молодежи» в России : монография / под ред. Д. В. Дунаса. Москва : Факультет журналистики МГУ: Издательство Московского университета, 2021. 406 с.
- 3.Почему между вами и вашими родителями образовалась огромная пропасть? Объясняет психолог. Режим доступа: <https://daily.afisha.ru/brain/9845-pochemu-mezhdu-vami-i-vashimi-roditelyami-obrazovalas-ogromnaya-propast-obyasnyat-psiholog/?ysclid=l54abgof7e931801052>
- 4.Варламова Ю.А. Межпоколенческий цифровой разрыв в России // Мир России. Социология. Этнология. 2022. Т. 31. № 2. С. 51-74.
- 5.Мушаков В.Е. Конституционные права человека в контексте проблемы преодоления цифрового разрыва // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1(93). С. 69-73.
- 6.Глухов А.П., Стаховская Ю.М. Цифровой разрыв в фокусе межпоколенческой коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 59. С. 148-155.

Дата получения рукописи: 28.04.2022

Дата окончания рецензирования: 14.05.2022

Дата принятия к публикации: 23.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.8

Тезисы конференции

Молодая семья в условиях постпандемической реальности

А.А. Жиденко¹

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Жиденко А.А. (2022). Молодая семья в условиях постпандемической реальности. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 64–66. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.8>

Молодая семья в любом обществе представляет собой определенную зону риска, поскольку эта семейная структура неустойчива в силу различных причин.

Во-первых, этому семейному союзу еще предстоит пройти путь адаптации к семейной жизни, создать общий семейный мир, в котором будут выработаны общие семейные нормы, ценности, модели поведения, основанные на общем видении того, что представляет собой семья.

Во-вторых, молодая семья, если рассматривать ее как союз молодых людей, еще не обладает высоким социальным статусом, высокими и устойчивыми материальными доходами; зачастую супруги еще только приобретают профессиональный статус, часто не имеют своего личного жилья, что, в совокупности экономических трудностей, может сильно ударить по еще неустоявшимся в моральном плане семейным отношениям.

А если в молодой семье с таким неустойчивым материальным положением родился ребенок, то, безусловно, счастливое событие тоже может стать поводом для дестабилизации семейных отношений в случае, если до этого не были решены проблемы первого порядка – создание прочных семейных отношений на основе единого восприятия семейных ролей и ценностей, моделей семейного поведения.

Иными словами, молодую семью подстерегают различные трудности на первых этапах ее жизнедеятельности, что и определяет высокий уровень разводов именно в начальный период семейной жизни, когда различные факторы могут сформировать зону повышенной конфликтности [1].

Период пандемии, обрушившейся неожиданно на весь мир, стал еще одним поводом для осмысления проблемы семьи, как таковой, ее устойчивости и, в целом, ее предназначения для современного человека и общества. И молодую семью это касается в том числе. Какие вопросы обсуждались в этот период, а также в дискурсе постпандемической реальности, которая уже не будет прежней?

Самый главный вопрос поднимался по поводу того, как изменит период пандемии семью, когда пришло осознание того, что в любой момент может наступить очередная пандемия и кардинально изменить жизнь миллионов людей, поставить их и их семьи в ситуацию высокого риска жизни?

Надо сказать, что изменения в институте семьи, которые предшествовали пандемии, уже обращали на себя внимание и говорили о глубокой трансформации основ семейной жизни в современном мире и в российском обществе в том числе. Приведем некоторые общеизвестные факты. Изменился (и продолжает меняться по нарастающей) возраст вступления в брак. Молодые люди не стремятся быстро создать семью, а если это и происходит, то зачастую в формате гражданской семьи, без официального

оформления отношений – так называемый пробный брак. Сегодня средний возраст вступления в брак, как говорят данные, составляет 27-29 лет [2].

В данном контексте нельзя не заметить сразу же, что растет и возраст женщины по индикатору рождения первого ребенка. Женщины не спешат стать мамами, пока не почувствуют устойчивость семейных отношений и собственной позиции в системе социально-профессиональных отношений. Также наблюдается тенденция закрепления модели малодетной семьи как доминантной, что ставится во главу угла демографами при осмыслении перспектив демографического развития России. Эти перспективы и до пандемии были не очень оптимистичными, а после нее и вовсе выглядят неутешительными [3].

Гражданские (пробные) браки значительно теснят браки с официальным оформлением отношений, причем они постепенно получают распространение в различных странах, регионах, в том числе и в регионах РФ, традиционно не признававших такого рода семейные союзы в качестве нормы семейных отношений. К ним и сейчас отношение сохраняется далеко не всегда позитивное в регионах с устойчивой традиционной культурой семейных отношений, но исследователи поднимают эти вопросы, поскольку данное явление имеет место быть и распространяется среди молодежи [4].

Получает распространение такая форма семейно-брачных отношений (в том числе и в российском обществе), как брачный договор, что также говорит об изменении отношения к семье, создание которой сопровождается обозначением правил семейного поведения и распоряжения семейной собственностью в различных случаях и ситуациях.

Внушает опасения сохраняющаяся высокая динамика разводов, в том числе среди молодых семей. Жизнь семьи становится все короче. В этой связи все чаще можно услышать прогнозы катастрофического порядка – о гибели института семьи. Так ли это? Вопрос для нас важный, поскольку у основ института семьи стоит именно молодая семья – с нее все начинается, с нее все продолжается: и дальнейшие перспективы семейной жизни, и разочарования в ней.

Нам представляется, что семья как социальный институт, как ячейка общества не распадется окончательно и бесповоротно. Другое дело, что она, судя по траектории изменения, станет иной, с иными смыслами, поведенческими установками, функциональными особенностями. И, несмотря на огромный пласт научной литературы по семье в самых различных отраслях социально-гуманитарного знания, можно смело констатировать: семья снова попала в фокус самого актуального научного и общественно-дискурса, и это вполне оправдано.

От семейной организации, ее формы, сущности, доминантной модели зависит очень многое в социокультурной динамике социума. На уровне семьи, в процессе социализации молодых поколений воспроизводится социальный порядок, выстраиваются социальные отношения по тому или иному типу. Недооценивать изменения в институте семьи может слишком дорого стоить обществу.

Мы полагаем, крайне важно переосмыслить реалии и перспективы развития института семьи, в том числе и молодой, в российском обществе в условиях постпандемической реальности. Именно на адекватном уровне знания о семейных ценностях, установках, смыслах молодежи, готовящейся к семейной жизни или уже приступившей к ней, должна выстраиваться семейная и демографическая политика государства, строиться система семейного воспитания молодых поколений, формирования у них семейной культуры. В противном случае, молодая семья так и будет находиться в зоне повышенного риска.

Литература

1. Верещагина А.В., Самыгин С.И., Кикоть А.С. Молодая семья в России и проблемы ее адаптации: специфика социологического дискурса // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 11. С. 21-25
2. Когда пора по парам? Современная семья в графиках и цифрах [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/8901099>
3. Власти ухудшили прогноз по убыли населения России. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/economics/24/04/2021/60843d9b9a794775386e4b71>
4. Загирова, Э. М. Гражданский брак: отношение и оценка (на примере Дагестана) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 39-42.

Дата получения рукописи: 28.04.2022

Дата окончания рецензирования: 18.05.2022

Дата принятия к публикации: 27.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.9

Тезисы конференции

Качество среднего общего образования в современной России

А. А. Кирпилёв¹

Научный руководитель – д.с.н., доцент В.В. Ковалев
¹Южный Федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Кирпилёв А. А. (2022). Качество среднего общего образования в современной России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 67–69. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.9>

В данной работе освещается проблема снижения качества предоставления образовательных услуг в средних общеобразовательных учреждениях в Российской Федерации.

Актуальность тематики статьи и проведённого исследования, которое было направлено на подтверждение или опровержение гипотезы о том, что качество школьного образования в современной России снижается, заключается в том, что в условиях постепенной цифровизации общества и роста значимости информации как ключевого фактора социальной среды важность знаний, навыков и, следовательно, образования, повышается с каждым годом. Пандемия Covid-19 ещё больше усилила роль качественного образования в современном мире, а также создала комплекс новых проблем в образовательной среде в связи с введением дистанционного формата обучения и появившимися вследствие этого трудностей.

С помощью метода опроса и анализа данных было проведено эмпирическое исследование с целью выявления факторов снижения качества образовательных услуг.

Объектом исследования является образование в средних общеобразовательных школах Российской Федерации.

Предметом исследования выступает качество образовательных услуг в средних школах.

При изучении дискурса проблемы качества образования было рассмотрено несколько научных работ на данную или смежную тематику. Работы написаны в основном представителями педагогических и психологических отраслей знания.

А. М. Осипов в статье «Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании» рассматривает как основную причину падения качества среднего образования бюрократизацию и формализацию образовательной системы. Он отмечает, что в последние годы увеличился бумажный прессинг в школьных учреждениях и стал частью профессиональных обязанностей учителей, загружая их при этом работой, не имеющей отношения к обучающей деятельности. Приведена статистика: «Современный школьный учитель, работающий на 1,5 ставки, в среднем в неделю тратит на бумажную работу не менее 11 часов, а в течение учебного года создает в среднем 95 видов документов» [1].

Другой рассмотренной в ходе изучения тематического материала работой была статья «Анализ удовлетворенности родителей школьным образованием: ключевые проблемы и точки роста» [2], в которой приводится проделанное с помощью опроса родителей школьников исследование. В нём приводятся полученные данные: так, за последнее десятилетие (2010, 2015, 2019 гг.) оценка удовлетворённости родителей качество среднего образования упала почти на 10%.

В той же статье приведена таблица с данными по ответам на вопрос «Определите возможные причины снижения качества школьного образования». Абсолютным ли-

дером среди ответов стал вариант «Нацеленность школьного образования на сдачу ЕГЭ»: его выбрали 75% респондентов. Также более половины получили ответы «низкая заинтересованность у школьников» и «шаблонное мышление». Эти возможные причины, приведённые в готовом исследовании, стоит рассмотреть в курсовой работе на предмет того, действительно ли именно они и только ли они, в какой степени приводят к снижению качества образовательного процесса.

Ещё одна статья на тему качества образования — «Качество образования: как остановить падение, или о чём писал Л. С. Выготский» [3], написанная Л. А. Ясюковой. По её словам, ФГОС (Федеральный государственный образовательный стандарт) не подпадает под саму категорию «стандарт», так как «требования не доведены до такого уровня конкретизации, чтобы их можно было реализовать». Требования, которые предъявляет педагогам ФГОС, являются административными и не описывают конкретные методики достижения результата. Собственно, необходимый результат тоже не конкретизирован, то есть неясно, что именно должен усвоить ученик по завершении образовательной программы.

В целом можно констатировать то, что представленные в вышеупомянутых статьях подходы к проблематике снижения качества среднего образования в нашей стране вполне обоснованы и опираются на достаточную теоретическую базу. Однако в этой работе будет предпринята попытка самостоятельно выявить факторы и причины изучаемого явления, а также его специфические черты и возможные последствия, используя именно социологический подход к рассмотрению проблемы и проверку гипотезы путём социологического исследования.

В ходе исследования был проведён опрос с использованием двух разных анкет, содержащих вопросы закрытого типа.

Первая анкета предназначалась для родителей школьников, обучающихся в средних учебных заведениях города Ростова-на-Дону. В анкетировании принял участие 61 человек, среди которых 30 мужчин и 31 женщина. 21 респондент моложе 40 лет, 38 опрашиваемых находятся в возрастной категории от 41 до 55 лет и 2 — старше 55 лет.

Вторая анкета, касающаяся в том числе оценки условий работы в школе и возможности предоставления качественного обучения, предназначалась для учителей, работающих в среднеобразовательных учреждениях города Ростова-на-Дону. В опросе приняли участие 13 педагогов начальных классов и 31 учитель-предметник средней и старшей школы.

После получения результатов анкетирования был проведён анализ данных, полученных в ходе опроса родителей школьников и учителей.

Можно констатировать то, что гипотеза о снижении качества среднего образования в Российской Федерации подтвердилась. И родители, и школьные педагоги отмечают негативные тенденции в эффективности образовательной системы, ухудшение подачи материала.

Факторами падения уровня образования стали: условия работы учителей, а именно уже обозначавшаяся как одна из важнейших предполагаемых причин бюрократизация работы учителей; подстраивание всего обучения под систему затачивания навыков обучающихся под сдачу ЕГЭ и ОГЭ, не показывающих, по мнению респондентов, реальных знаний и умений выпускников; отношение к изучению непрофильных предметов как к второстепенному занятию; распространение дистанционного формата обучения.

Низкий уровень образованности может привести к сокращению культурного, научного потенциала общества, затруднить дальнейшее развитие социальных институтов, поскольку не вырабатывается умение подходить к проблемам и преобразованиям с заинтересованностью и креативными решениями.

Выводы из проведённого в ходе работы исследование нельзя назвать универсальными, поскольку было опрошено небольшое количество респондентов (105 чело-

век). Тем не менее, они отражают общие настроения по отношению к системе образования среди педагогов и родителей учеников, первые из которых являются исполнителями функций этой системы, а дети вторых — потребителями той информации и навыков, которые должна эта система давать.

Анализ полученных при анкетировании результатов показал, что качество среднего образования в нашей стране постепенно снижается, что подтверждает гипотезу, приведённую в начале статьи.

Каждый из факторов ухудшения эффективного образовательного процесса — бюрократизация работы учителей, однобокость программы и её нацеленность на сдачу ОГЭ и ЕГЭ, дистанционное обучение и другие причины — можно рассматривать как объекты отдельного исследования и изучать влияние факторов более подробно, что может создать подходящие условия для преодоления каждой из проблем путём выработки рекомендаций социологами и другими экспертами.

Литература

1. Осипов А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. С. 953–966.
2. Фролова Е.В., Рогач О.В., Воронцова И.В., Рябова Т.М., Шалашникова В.Ю. Анализ удовлетворенности родителей школьным образованием: ключевые проблемы и точки роста // Перспективы науки и образования. 2020. С. 241–253.
3. Ясюкова Л.А. Качество образования: как остановить падение, или о чём писал Л. С. Выготский // Народное образование. 2015. С. 73–80.
4. Галеева Р. Дистанционное обучение: зло или спасение? // Ватандаш. 2020. С. 62–71.
5. Матвеев И.В. Проблемы обеспечения качества среднего общего образования в условиях глобализации мирового хозяйства // Санкт-Петербургский образовательный вестник. 2017. С. 36–42.
6. Фролова Е.В., Рогач О.В. Качество среднего образования в современных российских условиях: социологический анализ // Материалы Афанасьевских чтений, 2017. С. 126–137.
7. Кузьминов Я.И., Фруммин И.Д. Российская школа: начало XXI века // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2018.
8. Недостатки современного среднего образования в России. Режим доступа: www.fulledu.ru, 2015.
9. Кравцов С. Н., Крылова Н. Б. Бюрократизация школы // Народное образование. 2010. С. 83–90.
10. Колотова К. А. Процесс бюрократизации в системе российского образования. Режим доступа: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/52050/1/klo_2014_143.pdf

Дата получения рукописи: 30.04.2022

Дата окончания рецензирования: 18.05.2022

Дата принятия к публикации: 27.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.10

Тезисы конференции

Семья в формировании ценности здоровья у современной российской молодежи

А.Г. Лукьяшко¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Лукьяшко А.Г. (2022). Семья в формировании ценности здоровья у современной российской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 70–72. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.10>

Значимость темы, связанной со здоровьем молодежи, для социологической науки и практики сложно переоценить, особенно, с учетом наблюдаемой трансформацией культуры здоровья в молодежной среде. Эта трансформация просматривается в изменении духовных оснований здоровья, в усилении роли прагматических установок в отношении здоровья, росте значимости телесного фактора. И происходит это далеко не случайно, а в логике ценностной трансформации самого российского общества, если мы говорим о российской молодежи. Эта трансформация своим источником имеет смену социально-политического и экономического порядка, которая привела к рыночным отношениям и иным ценностным основаниям общественного и личностного бытия. Изменения непосредственно отразились на социализации молодежи, на механизмах воспитания молодежи ключевыми акторами, на их роли.

На фоне глобальной цифровизации, формирования виртуального пространства как пространства социализации молодежи актуализируется вопрос об акторах формирования ценности здоровья в молодежной среде [1, 2]. Очевидно, традиционные институты и агенты социализации молодежи, формирования ее духовного облика, ценностного мира уже перестали оказывать определяющее воздействие на сознание и поведение молодого поколения. Пожалуй, только семья сохраняет статус незыблемого агента социализации, под влиянием которого продолжает формироваться облик молодых россиян, пусть и в совокупности с влиянием иных агентов (образования, СМИИ, сети Интернет и т.д.).

В подобной ситуации к семье, конечно же, привлекается особое внимание. От нее зависит многое, как и прежде, но надо понимать, что и семья развивается в логике современных реалий, также меняя свой облик, парадигму развития, ценности, установки, что отражается на траектории формирования ценностных установок и моделей поведения молодежи [3].

Сегодня часто можно услышать, что в молодежной среде распространяется культура нездоровья [4], но эта тенденция носит всероссийский характер при всем том, что именно молодежь, по мнению исследователей, является наиболее рискогенной группой с точки зрения ее состояния здоровья [5]. Если данная тенденция носит всероссийский характер, следовательно, она не может не соотноситься с семейной организацией общества, с институтом семьи, с отношением семьи к здоровью. Семья в России, как и все общество, попала в ситуацию выживания, когда здоровье превратилось в основной ресурс выживания, а, соответственно, потеря здоровья стала ассоциироваться со страхом бедности, беззащитности перед жестокостью рыночного общества с разрушенной системой социальной защиты населения.

Сегодня доступ к качественным медицинским услугам, качественному образованию и иным услугам определяется материальным благосостоянием, и ценность ма-

териального благополучия априори становится важной – для всего общества. Ради его достижения от многого приходится отказываться – полноценного отдыха, досуговых практик оздоровительного характера, так как эти практики требуют и времени, и финансовых затрат. И данные 2021 года о времени, которое современные россияне уделяют спорту в своей жизни, говорят сами за себя – большинство занимается им дома, делая физические упражнения, и только порядка 16% посещают спортивные комплексы [6]. Культура спорта, как и культура здоровья формируется в семье. В семье закладываются ценности здорового образа жизни, двигательной активности, уважения к спорту как значимой деятельности, формирующей не только физический, но и духовный мир человека.

Жизненный успех у молодежи современной России связывается, прежде всего, с достижением высокого материального благополучия, которое определяет жизненную самореализацию в различных сферах жизнедеятельности – в профессии, в семье [7]. Неудивительно, что формируются подобные страхи относительно здоровья, ценность которого в подобной проекции жизненного успеха приобретает очертания ресурса, который также используется для достижения жизненных целей, как и другие ресурсы.

При этом, если мы обратимся к данным социологических опросов, то увидим, что ценность здоровья, несмотря на реальные практики, у многих не сочетающиеся с понятием здоровья, очень высока – и в среде старшего поколения, и молодого. Здоровье как ценность занимает очень значимое место в системе базовых ценностей россиян, находясь в тройке главных мечтаний жителей страны, что, вероятно, связано с невысоким уровнем здоровья российского населения [8]. Можно предположить, что ценность здоровья, достаточно высокая на уровне ее восприятия, но не обеспечивающаяся соответствующими практиками в области здоровьесбережения, является абстрактной для многих россиян и декларативной, некой идеальной конструкцией [9].

В реальности же мы наблюдаем, как интенсивно развивается во всем мире и в российском обществе культ телесности, который не является новым для человечества, но на современном этапе имеет свои особенности. Теперь тело для человека стало ресурсом жизненной самореализации – его можно менять, подстраивать под стандарты, которые меняются очень стремительно. Иными словами, телесность поставлена на службу человеку, который с помощью тела демонстрирует то, что в данный момент необходимо для поддержания статуса успешного человека, живущего в ногу со временем, соответствующего духу эпохи [10].

И, безусловно, эти новые смыслы здоровья, здорового человека активно принимаются молодежью, всегда более мобильно реагирующей на любые инновации, подхватывающей их и апробирующей на себе. В итоге, в молодежной среде формируется определенный тренд здоровья, в котором видимость здоровья зачастую не отражает реального уровня здоровья. В эпоху демонстративного потребления именно демонстрация чего-либо становится важным фактом, более важным, нежели реальное состояние, реальные практики, реальные ощущения [11].

Что может изменить семья? Может ли? В каких семьях ситуация с формированием ценности здоровья, культуры здоровья складывается более благоприятно? Этими вопросами должны заниматься исследователи для того, чтобы понимать, какие акторы и как влияют на молодежь, ее отношение к здоровью, и что они могут изменить.

Очень многое зависит от того, в какой микросоциальной среде воспитывается молодежь, каково ее окружение. Как показывают социологические исследования, отношение к здоровью у российской молодежи значительно дифференцируется в зависимости от образовательного уровня родителей и их социально-экономического статуса – лучше оно у детей из семей с более высоким статусом образования и материального благосостояния [12].

1. Арина Г.А., Иосифян М.А., Николаева В.В. Осознаваемые и неосознаваемые ценности и реше- ние дилемм, связанных со здоровьем // Национальный психологический журнал № 4(32) 2018. С. 77-85.
2. Русанова Н.Е. Здоровье населения: от индивидуальной ценности до базового фактора обще- ственного развития // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 1. С. 109-121.
3. Верещагина А.В. Архаическое, традиционное и современное в пространстве семейно-брачных ценностей и установок молодежи на Юге России. С. 513-514 // Молодежь XXI века: образ будущего / Ма- териалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14-16 ноября 2019 года. / Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2019. 876 с.
4. Мавропуло О.С. Факторы кризиса культуры здоровья в современной России // Социально- гуманитарные знания. 2017. № 7. С. 131–137.
5. Гафиатулина Н.Х., Верещагина А.В., Самыгин С.И. Социальное здоровье российской молодежи: риски разрушения в условиях глобализации // Гуманитарные, социально-экономические и обществен- ные науки. 2017. № 10. С. 26-31.
6. Половина россиян занимаются спортом несколько раз в месяц или чаще. Режим доступа: <https://nafi.ru/analytics/polovina-rossiyan-zanimayutsya-sportom-neskolko-raz-v-mesyats-ili-chashche/>
7. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодёжной политики: результаты исследования: монография / Государственный университет управления; [под общ. ред. С.В. Чуева]. М.: Издательский дом ГУУ, 2017. 131 с.
8. Немова О.А., Кутепова Л.И., Ретивина В.В. Здоровье как ценность: мечта и реальность // Здо- ровье в XXI веке. 2016. № 11. С. 155-157.
9. Рыбаковский Л.Л., Кожевникова Н.И. Депопуляция в России, ее этапы и их особенности // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 2. С. 4-17.
10. Антонова Н.Л., Меренков А.В. Тело как проект: практики конструирования // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 8-20.
11. Vereshchagina A. V., Gnatyuk M.A., Pechkurov I. V., Gegel L.A., Kazakova E. O. The Sociocultural De- terminants of Conspicuous Consumption in Russian Society in the Context of Spiritual Crisis // The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication. 2018. Vol. 8. September. P.2244-2251.
12. Журавлева И.В., Лакомова Н.В. Роль семьи в формировании отношения к здоровью и окружа- ющей среде // Социология медицины. 2020. Т. 19. №1. С. 32-42.

Дата получения рукописи: 28.04.2022

Дата окончания рецензирования: 14.05.2022

Дата принятия к публикации: 23.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.11

Тезисы конференции

Молодежные организации в странах Латинской Америки

Н.С. Максимов¹

Научный руководитель – к.п.н., доцент Емельянов А. И.

¹Московский государственный лингвистический университет, г. Москва

Для цитирования

Максимов Н.С. (2022). Молодежные организации в странах Латинской Америки. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 73–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.11>

За последние несколько десятилетий молодежь как социально-демографическая группа получает постепенное развитие и на современном этапе применяются все более равноправные подходы к изучению молодого поколения. Данный интерес отмечается не только исследованиями государственных и неправительственных структур, но и непосредственным участием университетского сообщества, включая обучающихся [1].

История становления Латинской Америки как социально-ориентированного региона включала развитие роли молодежи в государственной политике многих стран. Приоритет молодежи в политике также основан на демографической структуре региона, поскольку по данным Фонда ООН в области народонаселения доля молодых людей в возрасте от 15 до 29 лет составляет порядка 25% от общей численности населения региона Латинской Америки и Карибского бассейна [2].

Так, например, в начале XX в. в Аргентине произошел бунт кордовских студентов, которые заявили о необходимости реформы образования. Для региона данное событие имело важные последствия, среди которых отмечают не только качественные изменения в системе высшего образования, но и политические преобразования, а также омоложение политических элит Латинской Америки [3].

Участие в акциях протеста против существующей политической системы или её отдельных элементов является довольно распространённой формой политического участия молодёжи. Так, за последние десятилетия студенческие протесты были распространены в Венесуэле, Чили и ряде других стран Латинской Америки. В ситуации отсутствия развитых институтов гражданского общества молодёжь предпочитает наиболее простой и в меру эффективный [4, С. 6-7] способ выражения своих интересов.

Среди прочих активных форм участия молодого поколения в жизни страны также выделяются молодежные организации и непосредственное участие в их деятельности [5]. Молодежные общественные организации выступают связующим звеном во взаимоотношении государства, общества и молодого поколения. Плюсы участия в молодежи в общественных организациях заключается в том, что в них происходит воспитание личностных качеств, необходимых для принятия различных решений, а также обретается опыт самореализации посредством социального взаимодействия между сверстниками.

В Латинской Америке более 20 государств, каждое из которых отличается в политическом укладе и в историко-культурном развитии, и старается проводить независимую внутреннюю и внешнюю политику. Вместе с тем, «формирование цивилизационной идентичности в Латинской Америке имеет своим результатом не только формирование интеграционных образований на различных уровнях, но и создает предпосылки выработке единого курса стран определенного региона» [6, С. 28].

В этой связи молодежные организации в Латинской Америке можно классифицировать в соответствии с их уровнем функционирования: международные (учрежденные международными акторами), региональные (функционирующие только в рамках Латинской Америки), государственные (созданные для улучшения положения молодежи в конкретном государстве) и местные (действующие на разном уровне в конкретном субъекте государства или образовательной организации).

Международные организации. Прежде всего, стоит выделить Региональное отделение ЮНИСЕФ в Латинской Америке и Карибском бассейне, которое координирует и контролирует работу организации в 36 странах и территориях в рамках 24 национальных программ по поощрению прав и благополучия всех детей и подростков в регионе, руководствуясь Целями устойчивого развития. Сферами работы организации в Латинской Америке являются социальная политика, образование, защита от насилия, последствий стихийных бедствий, инклюзивность, гендерное равенство и др.

Также можно отметить Всемирную федерацию демократической молодежи, организации – члены которой под названием «Коммунистическая молодежь» есть в Венесуэле, Колумбии, Мексике, Чили и ряде других стран региона. Данные организации придерживаются марксистско-ленинской идеологии, зачастую связаны с Коммунистической партией государства и являются её молодежным крылом. Данные молодежные организации играют важную роль в мобилизации молодежи и в студенческом движении.

На регион Латинской Америки распространяется деятельность Всемирной Ассамблеи Молодежи – международного координационного органа национальных молодежных советов и национальных молодежных организаций. В данном органе регион представлен молодежными организациями из более чем десяти государств (Аргентина, Бразилия, Мексика, Чили и др.). Цели данной организации – представительство интересов молодежных организаций перед международными организациями и содействие работе добровольных молодежных организаций во всем мире.

Кроме того, в регионе также реализуются проекты Глобального союза «IndustriALL», целью которых является содействие активному участию молодежи и женщин на рынке труда. Молодежный проект финского Центра профсоюзной солидарности (SASK Youth) и Молодежный проект Фонда им. Ф. Эберта (FES Youth) включают в себя программу обменов и профсоюзное обучение для молодых работников из членских организаций.

В рамках Латинской Америки также существует несколько **региональных организаций**. В качестве одной из таких организаций является Латиноамериканский молодежный форум (El Foro Latinoamericano de Juventud), который служит координационным органом для 8 национальных молодежных платформ и 12 международных молодежных организаций континента. Цель Форума – стать средством представительства, координации и сотрудничества между молодежными организациями региона.

В 2008 г. в ходе студенческой конференции Колумбийского университета (США) сформировалось студенческое объединение «Студенты за свободу» (Estudiantes por la Libertad), которое вскоре распространилось на многие страны региона Латинской Америки. В качестве цели организации выступали экономические, индивидуальные и академические свободы студентов, выражающиеся в невмешательстве государства в данные сферы. Сегодня существует международная сеть «Студенты за свободу», целями которой помимо прочих являются обучать, развивать и расширять возможности следующего поколения лидеров за свободу.

Для региона Латинской Америки и Карибского бассейна также функционирует Карибский молодежный научный форум (Caribbean Youth Science Forum) – региональное мероприятие, в котором участвуют студенты со всего региона, проводя целую неделю образовательных, социальных и культурных мероприятий. Форум направлен на

формирование нового поколения специалистов в области науки и техники из региона, чьи знания и навыки способствуют совершенствованию общества.

«Educación 2020» (Образование двадцать-двадцать) – организация гражданского общества, которая работает для обеспечения качественного, справедливого и инклюзивного образования для детей и молодежи Латинской Америки. В 2008 году организация зародилась в Чили как общественное движение и основывается на принципе, что хорошая система образования является краеугольным камнем более демократичного и справедливого общества, основанного на участии. В дальнейшем её деятельность распространилась на другие государства региона.

В Латинской Америке существует немалое количество **молодежных организаций**, действующих в рамках **конкретного государства**, большинство из них связаны со студенческими движениями. Так, например, можно выделить Конфедерацию студентов Чили (La Confederación de Estudiantes de Chile). Конфедерация объединяет студентов из университетов Чили, которые организованы в демократически избранные федерации. Это единственная студенческая организация с национальным характером, которая существует уже более тридцати лет.

Также в качестве примера молодежной организации, распространённой в Мексике, можно привести «Wikipolítica», организаторы которой характеризуют движение как попытку восстановить центральную роль коллектива в политическом процессе. Программа движения «Wikipolítica» определяется как «муниципальный глобализм» и включает в себя план социально-экономических преобразований на местном уровне, которые в то же время способствуют решению глобальных проблем без вмешательства национальных государств [7].

В качестве **местных организаций** можно привести Студенческие Федерации Университетов, как, например, в Университете Чили (La Federación de Estudiantes de la Universidad de Chile) или в Университете Сантьяго (Federación de Estudiantes Universidad de Santiago de Chile). Организации являются представительным органом студенческого самоуправления и по функционалу соответствуют первичным профсоюзным организациям обучающихся Общероссийского Профсоюза образования.

Таким образом, можно отметить развитый уровень молодежных организаций Латинской Америки. Деятельность организаций в основном направлена на координацию усилий и совместную деятельность молодежи, направленную на улучшение её положения и отстаивание её прав.

Весомая часть молодежных организаций направлена на решение проблем молодого поколения людей. Одной из таковых является невысокий уровень образования в Латинской Америке и его высокая стоимость, поэтому в регионе сложилась тенденция создания организаций в сфере образования.

Опыт Чили демонстрирует способность студенческого движения стать мощной политической силой, которой под силу инициировать социальные и политические преобразования. Поэтому правительства государств должны сделать акцент на молодежной политике и развивать молодежные организации как альтернативу противоправному поведению молодежи.

Литература

1. González G.M., Pinilla V.E. Youth studies in Colombia: State of the art // Young. -L., 2012. Vol. 20, N 4. P. 399-414.
2. Condiciones de vida de la juventud latinoamericana. — Available at: <https://www.joveneslideres.org/single-post/2017/11/04/condiciones-de-vida-de-la-juventud-latinoamericana>.
3. Balardini S. Córdoba, «cordobazo» y después: Mutaciones del movimiento juvenil en Argentina (Córdoba, cordobazo and aftermath: Mutations of the youth movement in Argentina) // Movimientos juveniles: De la globalización a la antiglobalización (Youth movements: From globalization to antiglobalization) / Ed. por C. Feixa, J.R. Saura, C. Costa. Barcelona: Ariel, 2002. P. 37-58.

4. Батяев Р. А., Мальченков С. А. Латинская Америка на рубеже 2010-2020-х годов: протесты и смена власти // Огарев-online. 2021. №7. Режим доступа: <http://journal.mrsu.ru/arts/latinskaya-amerika-na-rubezhe-2010-2020-x-godov-protesty-i-smena-vlasti>.
5. Селиванова А.О. Формы политического участия: проблема типологизации // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. №3. С. 354-357.
6. Емельянов А. И. Латинская Америка: зарождение нового геополитического центра силы / А. И. Емельянов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2017. № 2(786). С. 21-32.
7. Que es la Wikipolítica? Available at: <https://medium.com/el-hub-de-Wikipolítica/qué-es-la-Wikipolítica-b385e4716677>.

Дата получения рукописи: 30.04.2022

Дата окончания рецензирования: 22.05.2022

Дата принятия к публикации: 27.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.12

Тезисы конференции

Харизматическое лидерство в социологии Макса Вебера

П.П. Мангасаров¹

Научный руководитель – к.и.н., профессор П.В. Заяц

¹Южно-Российский институт управления – ф. РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Мангасаров П.П. (2022). Харизматическое лидерство в социологии Макса Вебера. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 77–78. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.12>

На сегодняшний день харизма – это одна из тех категорий в социологии и политологии, о которой современные исследователи ведут практически постоянные дискуссии. В них можно встретить много аргументов «за» и не меньше аргументов «против». Одни ученые говорят о нецелесообразности использования данного понятия в науке, другие широко используют его при проведении исследований политических институтов и процессов.

Большинство объяснительных моделей феномена харизмы основано на социологии Макса Вебера, и это вовсе не удивительно, поскольку именно он ввел термин «харизма» в научный оборот. В своей главной работе «Хозяйство и общество» Макс Вебер пишет, что харизма – это личностное качество, благодаря которому человек (харизматик) воспринимается другими людьми как обладатель уникальных, можно сказать, сверхъестественных способностей [1, С. 5], не свойственных обычным людям. По мнению Вебера, массы воспринимают эти «сверхспособности» как образцовые качества и зачастую ошибочно приписывают их обладателю божественное происхождение, вследствие чего харизматичный человек имеет большие шансы стать лидером.

Таким образом, харизма – это необычайное качество, благодаря которому один человек может легко произвести хорошее впечатление на массы и заслужит доверие и почет с их стороны, что, соответственно, значительно повышает его шансы занять ведущую роль в малой или большой социальной группе.

В работе «Политика как призвание и профессия» Макс Вебер рассматривает харизму как социальный феномен, лежащий в основе харизматического лидерства, которое возникает в процессе персонификации идеалов, происходящем во время объединения и сплочения людей, входящих в одну социальную группу, вокруг одного человека [2, С. 160]. Другими словами, в концепции Макса Вебера механизм харизматического лидерства базируется на проекции эмоциональной энергии социальной группы на харизматика, который в определенном смысле становится живым воплощением всех коллективных чувств и ожиданий участников этой социальной группы. Примечательно, что наличие харизмы только повышает шансы индивида (харизматика) стать лидером, но никак не может гарантировать ему победу над соперниками, которые также претендуют на ведущую роль в той или иной социальной группе.

С точки зрения Макса Вебера, харизматиком является любой человек, способный воздействовать на массу с большой эмоциональной силой, а харизма никак не зависит от рода деятельности ее носителя или от того, есть ли у него добродетели (достоинства) или нет. Таким образом, в концепции Макса Вебера харизматичным лидером с равным успехом может стать как святой человек, так и особо опасный преступник [3, С. 132]. Например, Махатма Ганди был честным и добропорядочным человеком, встав-

шим во главе движения за восстановление независимости Индии, а Бенито Муссолини был очень жестоким человеком с манией величия, который смог стать дуче (вождем) Италии в результате так называемого «Похода на Рим» – государственного переворота 1922 года.

Согласно концепции Макса Вебера, харизматическое лидерство – это весьма амбивалентный феномен. С одной стороны, харизма – это необычайный дар, не требующий внешнего подкрепления, с другой стороны, харизматичному лидеру, независимо от такого, насколько велика его харизма, необходимо периодически ее подкреплять [4, С. 8], то есть поддерживать созданный образ человека с экстраординарными способностями. Другими словами, по мнению Макса Вебера, харизматичный лидер должен периодически преодолевать трудные испытания, достигать больших побед и таким образом демонстрировать свои силы, доказывать свою «исключительность» не только массам, но и ближайшим сподвижникам.

В социологии Макса Вебера харизматическое лидерство представляет собой один из трех типов идеального господства, наряду с традиционным лидерством и бюрократическим лидерством. Харизматическое лидерство не редко противоположно повседневной рутине, которая часто ассоциируется с двумя другими типами господства. Оно базируется на новых и неординарных идеях, ранее не признававшихся, и в определенном смысле выступает антиподом традиционному лидерству, которое держится на многовековых традициях и обычаях [5, С. 102]. В то же самое время, и традиционный тип господства, и харизматический тип господства основываются на личностных отношениях между лидером и его последователями, и в этом смысле они оба противоположны безличному (бюрократическому) типу господства.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать несколько выводов.

Во-первых, в социологии Макса Вебера харизма представляет собой личностное качество, которое позволяет одному человеку произвести хорошее впечатление на других людей и, тем самым, повышает его шансы стать лидером. Во-вторых, харизма лежит в основе харизматического лидерства, которое, по мнению Вебера, складывается в процессе персонификации идеалов в социальной группе и сплочения ее участников вокруг одного человека, который становится живым воплощением всех коллективных чувств и ожиданий людей из этой социальной группы. В-третьих, харизма – это очень сложный и амбивалентный феномен, встречающийся как в малых, так и в больших социальных группах, и, несмотря на дискуссии, продолжающиеся практически постоянно, современные ученые до сих пор не смогли прийти к единому мнению о данном феномене.

Литература

1. Фреик Н.В. Политическая харизма: обзор зарубежных концепций // Социологическое обозрение. 2001. № 1. С. 5-24.
2. Гениндоржиева Д.Б. Концепция харизмы Макса Вебера // Вестник Бурятского государственного университета. 2013. № 5. С. 131-135.
3. Вебер М. Политика как призвание и профессия. М.: РИПОЛ классик, 2021. 292 с.
4. Горбунова О.А. Харизма как ведущий аспект личности руководителя // Формула менеджмента. 2019. № 2. С. 5-12.
5. Моисеенко М.С. Харизма в морфологии лидерства: концептуализация идеи // Векторы благополучия: экономика и социум. 2021. № 4. С. 100-106.

Дата получения рукописи: 29.04.2022

Дата окончания рецензирования: 11.05.2022

Дата принятия к публикации: 20.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.13

Тезисы конференции

Условия становления социально-инвестиционной модели регионального управления в современной России

Б.Б. Месхи¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Месхи Б.Б. (2022). Условия становления социально-инвестиционной модели регионального управления в современной России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 79–83. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.13>

Основными элементами регионального пространства выступают социально-политическое, социально-экономическое и социокультурное. Соответственно, именно эти подпространства региона являются наиболее значимы для оценки условий становления и развития социально-инвестиционной модели регионального управления.

Этим целям может служить эффективная политика стратегического планирования, реализуемая российскими регионами в рамках Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации», причем, что примечательно, если говорить о новой стратегии социально-экономического развития на региональном уровне (Стратегии-2030), то ее разработка в регионах страны началась в отсутствие федеральной стратегии развития до 2030 года, а также каких-либо единых методических и концептуальных установок, ориентиров [1].

Иными словами, каждый регион был вынужден разрабатывать свою собственную стратегию развития, исходя из особенностей регионального социума, потребностей населения, социально-экономических реалий, ресурсов. В итоге, как показал проведенный исследователями анализ стратегий социально-экономического развития регионов РФ, принятых самостоятельно, без опоры на федеральный проект, значительная часть регионов (в основном, это национальные региона, представленные республиками и автономными округами) в приоритет поставили такие элементы целеполагания, как повышение качества жизни населения региона, его безопасность, межнациональное согласие и единство многонационального народа, гармоничное развитие личности и развитие человеческого капитала [1, С. 582].

Можно сказать, что регионы со значительным этнокультурным кластером, с устойчивой традиционной культурой в большей мере ориентированы на сохранение и поддержание национально-культурных ценностей, воспроизводство традиций, а потому стратегическое планирование для этих регионов и сама миссия регионального управления базируется на этом социокультурном принципе, на значимости человеческого капитала, что предполагает необходимость вложений в социальную сферу, в сферу общественных отношений.

В других регионах, имеющих более высокий рейтинг экономического развития, задачи повышения конкурентоспособности, экономического роста стоят на первом плане, но, тем не менее, задачи, связанные с развитием социального капитала региона, с ростом его качества, также значатся, как важные.

Так, в целях Стратегии социально-экономического развития Ростовской области до 2030 года наряду с повышением эффективности экономики, в том числе «цифровой», повышением конкурентоспособности региона, заявлены «рост качества человеческого

капитала», «реализация программ развития молодых талантов, направленных на обеспечение глобального технологического лидерства» [2], что свидетельствует о включении в систему регионального управления на нормативно-правовом уровне задач по капитализации человеческих ресурсов региона.

Немаловажным фактором в оценке институциональных условий становления социально-инвестиционной модели регионального управления выступает уровень доверия органам региональной власти со стороны населения. Между тем, доверие выступает индикатором нормативного согласия или консенсуса в обществе в отношении установившегося социального порядка. Сразу следует отметить, что динамика последних десятилетий в этом оценочном направлении не дает возможности положительно оценить уровень доверия региональным властям РФ. Данные социологических замеров демонстрируют нам ситуацию, при которой органы региональной власти не входят в число институтов, которым граждане России оказывают полное доверие. Так, опрос населения, проведенный Левада-Центром в российских регионах в 2020 году, определяет в качестве институциональных лидеров по шкале доверия со стороны населения вооруженные силы РФ, президента и органы госбезопасности [3].

Таким образом, мы видим, что в современной России только три социальных института характеризуются положительным балансом доверия со стороны россиян, в то время как все остальные, в том числе и региональная власть, не включены в зону доверия.

Пандемия внесла свои коррективы в жизнь регионального социума, и, как отмечают эксперты, за время эпидемии коронавируса россияне больше стали доверять только общественным организациям и собственным силам (данные получены в ходе опроса компанией Online Market Intelligence (OMI) и центра социального проектирования «Платформа») [4].

Опрос Левада-Центра в 2021 году также фиксирует эти тенденции: наибольшим доверием среди жителей российских регионов, по-прежнему, пользуются армия (61%), президент (53%), спецслужбы (45%), но уровень доверия региональной власти, по сравнению с 2020 годом стал еще ниже (с 36% он снизился до 31%), и, в целом, мы видим крайне низкий уровень доверия политическим институтам со стороны россиян [5].

Но нельзя не отметить еще одну тенденцию, скорее, положительного свойства. Отмечается рост доверия к главам регионов, что немаловажно с точки зрения управленческой эффективности регионов. Так, согласно социологическим замерам, 54% россиян сейчас доверяют главам своих регионов против 26%, которые не доверяют [6]. В 2021 году стали известны аутсайдеры по уровню доверия губернаторам - это Владимирская область, Хакасия и Хабаровский край, в то время как список лидеров по уровню доверия главе региона возглавили Чечня, Адыгея, Курганская, Курская области и Ямало-Ненецкий автономный округ [7].

Очевидно, что на доверие институтам региональной власти, как исторически сложилось в России, влияет степень их персонификации, фактор личности, авторитет опытного губернатора-хозяйственника и патриота своего края, но мы согласны с социологической оценкой и позицией Я.А. Никифорова, который выявил тенденцию зависимости уровня доверия к региональной власти в зависимости от уровня власти: чем он выше, тем выше доверие [8]. Данная тенденция была выявлена им процессе социологического замера уровня доверия населения органам власти в Саратовском регионе, но, судя по данным всероссийского и регионального характера других источников, выявленная тенденция носит, во многом, универсальный для страны характер.

Так, в Ростовской области, согласно данным репрезентативного опроса, проведенного ЮРФИС РАН, наибольший уровень доверия среди жителей области заслуживают федеральные органы власти, а оценки, высказанные в отношении главы региона,

содержат в себе заметно большую долю негативных коннотаций – 37,6%. Однако наибольший градус недоверия зафиксирован в отношении органов местного самоуправления (45%), решения которых непосредственно влияют на повседневную жизнь граждан [9, С. 95-112].

Как видим, тенденция та же, что и в Саратовском регионе. Похожая ситуация в Республике Адыгея. Согласно данным социологического опроса, проведенного в сентябре 2021 года в данной республике, порядка 60% населения доверяют главе региона, а органы местной власти испытывают достаточно большой дефицит доверия со стороны жителей Адыгеи [10]. Схожая ситуация, согласно данным социологического опроса, наблюдается в Омске, где доверие местным органам власти по сравнению с федеральной властью носит крайне дефицитный характер (8%) [11].

Если говорить о дифференциации ответов по возрастным группам, то, отталкиваясь от данных по Ростовской области, а также всероссийских данных можно констатировать более низкий уровень доверия к большинству государственных институтов со стороны молодежи. С одной стороны, это можно объяснить тем, что, находясь в силу возраста в уязвимом социальном положении, большинство молодых людей не чувствуют поддержки со стороны государства; в то же время в этой группе респондентов наиболее высока доля ответов «затрудняюсь ответить», что может свидетельствовать о достаточно низком уровне информированности о деятельности перечисленных институтов. И эту проблему – низкий уровень информированности населения о деятельности региональных органов власти, непрозрачность управленческих решений на уровне регионов отмечают многие исследователи, эксперты, аналитики [12].

Будучи неотъемлемым элементом социального капитала, доверие отражает готовность к сотрудничеству и способность к конструктивному взаимодействию. Как подчеркивают В.И. Мукомель и С.В. Рыжова, высокий уровень доверия, в том числе и к основным для данного общества социальным институтам, является неременным условием длительных и стабильных социальных отношений [13].

Специалисты пишут о том, что в обществах с высоким уровнем доверия транзакционные издержки также снижаются: «При низком доверии в обществе люди вынуждены тратить дополнительные ресурсы на непродуктивные виды деятельности, ограничивающие оппортунизм окружающих. Это и подробная регламентация деятельности, и заключение формальных контрактов в тех случаях, когда можно было бы обойтись без них, и меры по защите контрактов и охране своей собственности и др. Доверие стимулирует развитие финансовых рынков, торговли, повышает эффективность рынка труда, способствует инновационному развитию» [14]. В качестве примера приводятся Скандинавские страны, имеющие высокие позиции в рейтингах инновационности, которые объясняются, в том числе, высоким уровнем доверия. Иностранные эксперты даже вывели связь между доверием и ВВП на душу населения, и на уровне моделирования разных уровней доверия показали, что при высоком уровне доверия (к примеру, как в Швеции) ВВП на душу населения в России превышал бы существующий более чем на 60% [14].

Иными словами, доверие детерминирует все ключевые сферы регионального развития, определяя тенденции социально-экономического развития и качество жизни регионального социума.

В условия, как было показано выше, острого дефицита доверия населения российских регионов политическим институтам (в частности, региональной власти), а также экономическим основным социальным институтам, среди которых относительно положительны балансом доверия пользуются малый и средний бизнес по сравнению с крупным [3], можно предположить, что социально-экономические условия становления социально-инвестиционной модели регионального управления в России также не являются благоприятными.

Немаловажным для оценки условий становления социально-инвестиционной модели регионального управления является расширенное воспроизводство профессиональных и образовательных ресурсов. Наблюдаемые в региональном социуме процессы массовизации образования и соответствующего повышения минимальных требований к рабочей силе вынуждают говорить о том, что есть связь между экономической привлекательностью региона и квалифицированными человеческими ресурсами. Из данных социологических исследований явствует, что система регионального управления фиксирует рост заинтересованности управленцев в повышении образовательного и профессионального навыков. Причем в системе регионального управления ситуация отличается большей вариативностью в социально-депрессивных регионах. Запрос управленцев на повышение профессионального и образовательного ресурсов в 1,5-2 раза ниже, чем в регионах-среднячках [15, С. 56].

В то же время в системе регионального управления пока еще не сложилась мотивация к повышению обучения, так как базовыми критериями для управленческой эффективности остаются исполнение административных функций, уровень служебной дисциплины [16]. Этим можно объяснить низкую долю в системе регионального управления специалистов, обладающих квалификацией в сфере социально-гуманитарного образования. Российские исследователи полагают, что в качестве критерия изучения институциональных факторов регионального развития актуально определение генезиса образования в развитии региона: исторического, политико-управленческого, социально-экономического, национально этнического, физико-географического и др. Важно подчеркнуть особенности взаимодействия институциональных акторов на территории региона и включенность регионального сообщества в общероссийское социальное пространство [17, С. 18].

Дефицит социально-инвестиционной деятельности в системе регионального управления поддерживает апатичное отношение к проблемам социального развития регионов, которое может тиражироваться и перениматься системой регионального управления. Все упирается в вопрос о том, где концентрируется человеческий капитал: в столицах, или регионах [15, С. 31]. Неравномерность распределения человеческого капитала приводит к тому, что реальное внимание к его проблемам переносится на столицы, а социально-инвестиционная модель регионального управления рассматривается как второстепенный показатель деятельности. Регионы в этом смысле становятся донорами столицы и не прилагают усилия к активному освоению социально-инвестиционной модели регионального развития.

Литература

1. Шеломенцев А.Г., Дорошенко С.В., Трушкова Е.А., Шихвердиев А.П. Стратегии-2030: подходы к разработке в регионах России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 4. С. 570–592.
2. Стратегия социально-экономического развития Ростовской области на период до 2030 года. Режим доступа: <https://www.donland.ru/activity/2158/#pril32>.
3. Доверие институтам. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2020/09/21/doverie-institutam/>
4. За время пандемии уровень доверия к государству упал у 61% россиян. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/society/26/05/2020/5eccff7b9a794728f8f0f327>
5. Доверие общественным институтам. Режим доступа: <https://www.levada.ru/2021/10/06/doverie-obshhestvennym-institutam/>
6. Опрос: индикатор доверия россиян к губернаторам вырос в два раза. Режим доступа: <https://tass.ru/obschestvo/7105490>
7. В Кремле назвали лидеров и аутсайдеров по доверию среди губернаторов. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/politics/25/01/2021/600d9c409a7947b38e05870a>
8. Никифоров Я.А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2018. Т. 18, вып. 2. С. 120–123.
9. Двадцать пять лет новой России: Ростовская область: Монография / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: Фонд науки и образования, 2018. 174 с.

10. Жаде З. А. Укрепление доверия к власти как фактор повышения имиджа региона: на примере Республики Адыгея // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 178-183.
11. Петрук И.В. Доверие к институтам власти // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 39. С. 846–850.
12. Отвагина И.Е., Брокерт А.В., Гончарова А.В. Пути повышения уровня доверия к власти на региональном уровне // Экономика и предпринимательство. № 8. 2019. С. 342-346.
13. Мукомель В.И., Рыжова С.Е. Доверие и недоверия в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1.
14. Россия Европейская. Как повысить доверие людям и государственным институтам в России? Режим доступа: <http://www.eedialog.org/ru/2018/10/18/rossiya-evropejskaya-kak-povysit-doverie-lyudyam-i-gosudarstvennym-institutam-v-rossii/>
15. Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя / Отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М., 2018.
16. Дятлов А.В., Чигрин В.А. Социокультурные основания для модели "сити-менеджмента" в системе российского муниципального управления // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. Т. 4 (70). № 1. С. 3-9.
17. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства России / отв. ред. В.В. Маркин. Ред. коллегия: М.К. Горшков, В.В. Маркин, В.В. Воронов, чл.-корр. РАН А.В. Дмитриев, Н.И. Лапин, А.В. Тихонов, А.Н. Чумиков., Бийжанова Э.К. М., 2015.

Дата получения рукописи: 27.04.2022

Дата окончания рецензирования: 13.05.2022

Дата принятия к публикации: 20.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.14

Тезисы конференции

Старообрядцы на Дону

М.Р. Мирончук¹

Научный руководитель - доцент, к.и.н., Е.Л. Щукина
¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Мирончук М.Р. (2022). Старообрядцы на Дону. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 84–89.
<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.14>

В настоящее время феномен старообрядчества находится в бедственном положении, несмотря на духовную стойкость и многолетний опыт борьбы за особое духовное существование. Наблюдается тенденция к отказу от эсхатологических идей, отход от следования ряду архаичных обычаев, а также размывание рамок между старообрядцами и новообрядцами. К тому же наблюдается численное уменьшение старообрядческих общин. Тема старообрядчества на Дону имеет высокую степень актуальности, поскольку сохраняющиеся на протяжении столетий различия в религиозной православной обрядности обогащают религиозную жизнь региона и сохраняют его конфессиональное многообразие.

Интерес к исследованиям старообрядчества существенно усилился в последние годы, внимание проблеме уделяли такие исследователи, как А.В. Шадрина, О.С. Кротов. Авторами фундаментальных трудов о появлении старообрядчества на Дону являются В.Г. Дружинин, Н.А. Мининков, В.Д. Сухоруков. Д.В. Сень. Большой вклад в просветительскую деятельность вносит представитель старообрядческой общины и, по совместительству, директор старообрядческого музея г. Ростова-на-Дону Иван Распопин.

В данной статье предпринимается попытка рассмотрения жизнедеятельности старообрядчества на Дону от зарождения до наших дней.

Первые сведения о появлении старообрядцев на территории Войска Донского датируются 1672 годом, немного позднее Иов Львовский образовал первое поселение на реке Медведице, затем появились и другие поселения, помимо этого были случаи пещерничества - тяжелой формы аскезы. Первое время казаки были настроены против чужаков, поэтому все старообрядческие поселения жили обособленно. К 1686 году наблюдалось стремительное увеличение численности беглых приверженцев старой веры, на Медведице уже находилось 17 поселений и всего насчитывалось около двух тысяч человек. В связи с увеличением численности старообрядческой общины, постепенно началось сближение казаков и раскольников.

По утверждению В. Г. Дружинина, «истинные проповедники старой веры» не преследовали политических целей, которые в свою очередь появились у казачества, потому как часть из них стремилась к независимости, по своей сути они не имели «искренней привязанности к старой вере и религиозного побуждения» [1]. В итоге, появилось единое оппозиционное движение на основе религии и политики.

Из писем в архивных документах о донских старообрядцах, а именно три письма черкасских казаков, которые были адресованы московскому священнику, можно понять настроения непосредственных участников событий. Следует отметить их заинтересованность в том, чтобы представить беглых старообрядцев в негативном свете, так как в 1686 г., недалеко от города появился небольшой старообрядческий центр с ата-

маном-раскольником Самойло Лаврентьевым, что было угрозой ослабления власти для казачьих старшин. Их появление описывается как кара, наказание за грехи: «пожар, что чють и самих не пожгло» [6, С. 3], который произошел в г. Черкасске. Наиболее резко авторы письма отзывались о Кирее Чурносове, который убеждал народ в правильности старой веры, а они в свою очередь следовали его словам. К тому же, он являлся угрозой для правительства, так как часто выступал против правительственных решений. Стоит заметить, что письма иллюстрируют перемены в политическом мышлении части казаков и ориентацию на автономию Области Войска Донского.

В 1687 году Кирей Чурносов занялся установлением прочных связей с верховыми городками казаков старой веры. По возвращении был проведен Войсковой круг, где было принято следовать старой вере, она стала официальным исповеданием Дона.

Таким образом, большинство казаков хотело независимости Дона, сохранения сложившихся прав, чего они могли добиться благодаря противникам нынешней политики, то есть раскольникам, однако другая часть казачества, преимущественно верхушка, видела угрозу в старообрядцах, так как стремилась к усилению роли московского правительства на территории Войска Донского.

Желание старообрядческих поселений объединиться привело к внутреннему расколу. Предводитель старообрядцев на Медведице Кузьма Косой был приглашен в Черкасск с целью укрепления положения. Его мысли по поводу вероучения не понравились как противникам старообрядчества, так и самим староверам, так как они видели в нем конкурента в главенстве над всем старообрядческим движением. Казацкая раскольничья верхушка не могла допустить, чтобы чужак управлял казаками на Дону. Поэтому он был арестован. Очевидно, что цель не была оправдана, напротив движение ослабило свои позиции с потерей одного из глав донского старообрядчества.

Арест и гибель Крия Чурносова, Самойло Лавреньева и других ключевых личностей нанесло еще один удар. Часть выживших староверов мигрировала на Медведицу, где впоследствии были убиты, а другая вовсе покинула территорию Войска Донского. Многие из старообрядцев прибегали к саможжению, чтобы не попасть под власть правительства.

Конечно, вышеупомянутые события сыграли большую роль в укреплении позиций московского правительства, однако такой результат не свидетельствовал о духовном поражении движения, более того оставалась часть казачества готовая бороться за свои идеи.

Важным феноменом для понимания идеологии казачества являются казаки-некрасовцы. Новое столетие началось с массовых волнений и народной войны под предводительством Кондратия Булавина, который звал к войне «за истинную веру», «не молчать и не спущать ради того, что они вводят всех в еллинскую веру и от истинной веры христианской отвратили своими знаменьями и чудесы прелестными» [9, С. 115]. Во время этого восстания, по мнению исследователя О.П. Апанасенко, произошло формирование движения некрасовцев, которые были потомками преимущественно донских казаков, а также появление атамана Игната Некрасова. У казаков-некрасовцев в приоритете стояла концепция казацкой вольности. Можно сделать вывод, что старообрядчество в мышлении казаков сделало переход от политического инструмента к неотъемлемой части казацкой жизни. В основе их идеологии стоял принцип, который заключался в том, что старое вероисповедание, история казачества, их особенности, исторические права выше, чем требования остальной части России.

С приходом к власти Петра III был сделан первый шаг к веротерпимости в Сенатском указе: «возбранения не чинить, ибо во Всероссийской его императорского Величества империи и иноверцы, яко магометане и идолопоклонники, состоят. А раскольники же христиане, только в едином застарелом суеверии и упрямстве состоят, что от-

вращать должно не принуждением и огорчением их» [4, С. 289]. Как отмечал П.И. Мельников, это был первый положительный жест в сторону старообрядческого движения.

Ввиду недолгого царствования идеи Петра III не были реализованы, но уже с приходом Екатерины II начались реальные действия по отношению к староверам. По её словам, реформы Никона в церковном порядке были аморальны, они направили народ против государства и не принесли ничего хорошего, кроме разлада в православной среде. При этом такие действия имели и утилитарную направленность, а также сыграл роль тот факт, что старообрядцы составляли значительную часть населения.

Таким образом, была объявлена амнистия уже заключенных староверов и решение вернуться в Россию сбежавшим (хотя идеи о возвращении Казаков-некрасовцев выдвигались В.Н. Татищевым еще в 1740-х годах). Раскольники облагались двойным налогом, казакам разрешалось переходить в старообрядчество при уплате двойной подати. Конечно, реформы были встречены с подозрением, но, несмотря на это, действия Екатерины II значительно облегчили положение людей, которые подвергались гонениям около века.

В целом, можно говорить о широком распространении ареала проживания старообрядцев на Дону, и в различных источниках говорится о том, что практически в каждой станице они вели свою деятельность. Всего старообрядческих церквей на Дону было 114 на период с 1763-1764 гг. В результате активного взаимодействия православных казаков и старообрядцев известны случаи заключения браков между ними. После реформ они составляли значительную часть населения и считались не бедной частью населения.

Конец века связан с концепцией единоверия. Это было необходимо, чтобы иерархизировать чины в старообрядчестве и убедить архиереев в правильности старых обрядов, а выдвинул это идею инок Никодим. С одной стороны, это шаг к избавлению от имевшейся негативной репутации старообрядцев как раскольников и еретиков, но, с другой, как представители РПЦ, так и ярые староверы, не хотели идти на уступки противнику по тому или иному вопросу.

Первая половина XIX века — это, прежде всего, создание 16 пунктов единоверия и его внедрение. По сути, для старообрядцев это означало, что они присоединяются к никонианской системе; при этом господствующая церковь тоже пошла на большие уступки.

В 1842 году образовался первый единоверческий приход в ст. Верхне-Каргальской, и, в то же время были образованы Донская и Новочеркасская епархии.

По статистическим данным, на территории Войска Донского к 1855 году старообрядцев насчитывалось около 66 395 человек [10, С. 596], затем к 1873 - 80 261 тыс., а в 1882 было 100 676 староверов и сектантов, при этом единоверцев было 4408 человек [8, С. 58]. Соответственно, можно констатировать, что несмотря на предпринимаемые меры по вовлечению в единоверие, численность старообрядцев и сект, причисляемых к раскольничьим, только росла. Однако многие исследователи это связывают и с увеличением естественного прироста населения.

Новым этапом считается деятельность миссионеров на Дону в 1870-е годы, и это связано с деятельностью единоверческого миссионера Павла Леднева. За все время ему удалось присоединить более 100 человек. Также, существенную роль сыграл донской казак Калинин Картушин, который при том, что был потомственным старообрядцем, стал видным миссионерским деятелем и распространителем единоверия. По данным 1890 года, к единоверцам присоединились 223 человека, а к 1903 перешло 425 человек. [3, С. 214]

В целом, в конце XIX века старообрядческое движение встречало на своем пути немало преград, например, проблематично было открыть молитвенный дом, для этого требовалось официальное разрешение, при этом за «нелегальную» деятельность следовало уголовное наказание, им не разрешалось иметь типографии для печати религи-

озных книг, метрические книги должны были вести в полиции. Следует обозначить тенденцию к ограничению прав староверов, шла активная пропаганда нового компромиссного порядка вероисповедания не только со стороны пришлых миссионеров, но также и со стороны потомственных старообрядцев, принявших единоверие. Ввиду того, что на Дону был ряд правовых особенностей управления, а также большое количество старообрядцев, периодизация проникновения единоверия отличается от всероссийской. Исходя из статистических данных, новая концепция, призванная объединить новообрядцев и старообрядцев, не была успешной.

По мнению исследователя Е.М. Овсянникова, в начале XX века территория Дона была лидером по количеству старообрядцев. Положение облегчалось за счет реформ, проводимых Николаем II, который издал манифест «О предрасположении к усовершенствованию государственного порядка» [5, С. 113-114], где предполагалась свобода вероисповедания, а следующий манифест «Об укреплении начал веротерпимости» [7, С. 258-262] окончательно отменил какие-либо ограничения по отношению к старообрядцам. Благодаря этим изменениям, старообрядчество стало полноценной религией. Началось строительство храмов при поддержке государства, открыто совершались обряды, в журналах публиковались статьи о жизни старообрядцев. В 1912 году началось активное просвещение, в частности школьное образование, открылся ряд училищ на территориях общин и приходов.

В 1905 году действовала православная оппозиция, которая всячески преследовала и доносила на старообрядческие общины, более всего это проявлялось и на Дону. Старообрядцы описывали свою взаимоотношения с церковью следующим образом: «...Что же касается ведомства господствующей церкви ... то все они, за редкими единичными исключениями, живут острой ненавистью и непримиримой враждой к старообрядчеству» [2, С. 340]. Следовательно, несмотря на толерантную политику государства в отношении старообрядцев, оппозиция в лице РПЦ все еще была направлена на борьбу с ними, а ввиду того, что Область Войска Донского находилась на первом месте по числу старообрядцев, здесь это проявлялось наиболее активно.

С октябрьским переворотом был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», это означало регламентацию жизни старообрядцев, также лишение их собственности и прав, запрещал политическую деятельность внутри общин и религиозную направленность в школах.

Во время гражданской войны старообрядцы понесли большой ущерб: многие погибли в борьбе с красной армией, от голода, большая часть была вынуждена покинуть территорию Дона, также было национализировано имущество. Старообрядцы с большим подозрением и настороженностью относились ко всему происходящему, с приходом к власти красной армии, они были вынуждены налаживать отношения с властями. В целом, правительство поддерживало их деятельность, и об этом свидетельствует тот факт, что в 1925 было возвращено здание Покровского молитвенного дома.

В 30-е годы политика государства в отношении религии ужесточилась, т.к., по мнению большевиков, она влияла на мышление рабочего класса. Молитвенные дома закрывались и переделывались под нужды государства, из-за нехватки финансирования старообрядческие культовые здания приходили в упадок. К концу 30-х годов в г. Ростове-на-Дону действовала только Покровская старообрядческая церковь, которая вскоре тоже была национализирована.

В годы Великой Отечественной войны произошло ослабление атеистической позиции государств. Правительство призывало старообрядцев к вступлению в ряды партизан, также разрешалось проводить богослужения. Что касается военных действий, то несмотря на то, что немецкие оккупанты возобновляли ряд прав, утраченных при советской власти, старообрядцы принимали активное участие, сражались в составе Красной Армии, собирали средства на нужды армии. Более того, был возобновлен

строгий пост в надежде на возвращение родственников с поля боя, соблюдались и другие обеты. Исследования показывают, что казаки-старообрядцы безупречно несли службу, имели крепкие семьи, отличались честностью и домовитостью. Для них важнее была вера в Бога, нежели внешняя сторона обрядности с ее периодическими изменениями. Это во многом объясняет сохранение прочных позиций старообрядчества на Дону вплоть до Октябрьской революции 1917 года.

В послевоенное время наблюдалась острая нехватка кадров в старообрядческих общинах. Новым этапом в развитии старообрядства на Дону является решение об открытии кафедрального храма в г. Ростове-на-Дону. Люди жертвовали деньги, иконы, религиозные книги лично участвовали в ремонте и к апрелю 1946 года храм был готов к эксплуатации. В апреле 1948 года создается единая епархия на Дону и Кубани с центром в г. Ростове-на-Дону. Основным направлением деятельности епархии становится заполнение пробелов в кадровом составе старообрядчества, а также повышение уровня образования духовных деятелей.

С 50-х годов политика в отношении старообрядцев была нестабильной, послабления сменялись ужесточениями и, наоборот, также оставалась насущной кадровая проблема, в том числе и в Ростовской области.

Важной датой является 1988 год - празднование тысячелетия Крещения Руси, и именно эта дата считается началом «примирения» двух церквей.

В постсоветский период главной задачей государства было найти баланс в отношении двух церквей. В целом же политика резко изменилась, так как государственное влияние на религию снизилось, стереотипы постепенно исчезали из сознания людей, начала появляться конфессиональная толерантность.

Для реализации поставленных целей было проведено интервью с председателем старообрядческой общины Покровского кафедрального собора. Вопросы были направлены на выявление современного положения старообрядческой общины г. Ростова-на-Дону, оценку взаимоотношений старообрядческой церкви с государством и РПЦ.

Первый вопрос был посвящен численности общины; по оценкам респондента она составляет 1500 человек, при этом есть прихожане и из Ростовской области, так же отмечается негативное влияние Covid-19 на активность членов общины.

Что касается роста количества новых прихожан, то примерно треть общины — это новоприбывшие люди. Большую роль играют СМИ, социальные сети, откуда люди узнают о старообрядчестве и общине. По словам респондента, у каждого человека свой путь к данной вере, но приблизительно одна причина, почему они приняли такое решение: *«Что-то пробудилось в сердце», «Чувствую присутствие здесь Христа»*. Однако проблема привлечения молодежи в общину является центральной на данный момент. По оценочным взглядам респондента, на общецерковном уровне нет генеральной линии просвещения молодежи, несмотря на наличие детских лагерей, слетов и крестных ходов.

Сотрудничество с государством имеет нейтральный, в целом, дружественный характер. Ежегодно митрополит посещает Кремль, а в 2015 году ему был вручен орден Дружбы. Интересно отметить, что основное направление взаимодействий описывается как *«Вы нам, а мы вам»*. Это проявляется в лояльности к правительству со стороны церкви и в поддержке со стороны государства. При этом респондент обращает внимание на то, что государство поддерживает русскую православную церковь больше, она стоит в приоритете, однако здесь он видит свои плюсы: *«зато от нас требований меньше»*. Своего рода аполитичность проявляется в политической ориентированности членов старообрядческого движения, так как у них нет явного лидера в политической сфере, за которого бы выступало подавляющее большинство. Таким образом, можно наблюдать политическую отрешенность ростовской старообрядческой общины и ее относительную автономность.

Отвечая на вопрос об отношениях между старообрядцами и новообрядцами, ре-спондент описывает их как «не прям дружеские, но нормальные», сохраняется своего рода нейтралитет, но в то же время можно говорить о присутствии обоюдной конкуренции.

Таким образом, перед современными старообрядческими общинами стоит ряд проблем следующего характера: сокращение количества прихожан в старообрядческих церквях, слабая поддержка государства в финансировании, отход молодежи от религии, противотечения между требованиями данной веры и современной жизнью людей. Старообрядческая церковь претерпевает кризис, однако, в любом случае, существует пласт глубоко верующих и активных людей, которые стремятся сохранить старообрядческую культуру.

В целом, можно констатировать, что донское старообрядчество пережило годы притеснений, гонений, репрессий со стороны государства и православной никонианской церкви вплоть до 1905 года. Оно было обособленной частью православного христианства, которая имела крепкую веру в Бога и верность своим принципам на протяжении нескольких веков. Сегодня мы ясно видим, что несмотря на ряд проблем, старообрядчество не исчезло как явление христианской церкви. В социокультурном пространстве старообрядческие общины ведут открытый диалог с государством, а их активная деятельность в духовной и социальной сфере имеет тенденции к развитию. Всего в регионе 6 старообрядческих церквей.

Литература

1. Дружинин В.Г. Раскол на Дону в конце XVII века/ исследование В. Г. Дружинина// Санкт-Петербург: Тип. И. Н. Скороходова, 1889.
2. Журнал «Церковь» 1913. № 14.
3. Кальниченко В. Н. Единоверие на территории Области Войска Донского в 1840–1905 гг.: от образования к функционированию в регионе//Санкт-Петербург, Институт истории СПбГУ. 2021.
4. Левашова А. В. Законодательная политика Екатерины второй в отношении старообрядцев // Пробелы в российском законодательстве. 2009. №1.
5. Манифест «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» 26 февраля 1903 г./ Полное собрание законов Российской Империи-СПб: Государственная типография, 1905.
6. Мининков Н. А. Письма в архивных документах о донских старообрядцах конца XVII в. // Caucasian Science Bridge. 2020. №2 (8).
7. Положение комитета министров «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г Полное собрание законов Российской Империи-СПб: Государственная типография, 1908.
8. Сборник областного Войска Донского статистического комитета. Вып. 2. Новочеркасск, 1901 г.
9. Соловьев С. М. Царствование Петра I Алексеевича. 1703–1709 гг// История России с древнейших времен. Том 15.
10. Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884. 596 с.

Дата получения рукописи: 27.04.2022

Дата окончания рецензирования: 13.05.2022

Дата принятия к публикации: 26.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.15

Тезисы конференции

**Мобильность молодежи в современном мобильном мире:
проблемы и перспективы**

Д.Н. Мищенко¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Мищенко Д.Н. (2022). Мобильность молодежи в современном мобильном мире: проблемы и перспективы. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 90–92. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.15>

Понятие «мобильность» в свете динамичных изменений в современном информационном мире также трансформируется, занимая значительную часть научного дискурса. Мир кардинально изменился с момента перехода в информационную эпоху, в эпоху цифровых технологий. Эти изменения в науке получили название «мобильного поворота» (mobility turn), который связывается учеными со способом организации жизни людей, соответствующим модели человека-номада, приобретающего различные облики в условиях современного общества и предоставляемых им возможностей [1, С. 104].

Мобильность приобретает первостепенное и самостоятельное значение, причем во всех социальных процессах современного мобильного мира [2, С. 52], в котором все более отчетливо вырисовывается конфигурация черт и свойств нового типа человека - Homo mobilis [3]. Этот тип человека как порождение информационного общества и продукт глобальной информатизации впитал в себя все свойства и проявления техногенной эволюции с доминантной ролью мобильных технологий, постепенно приобретающих модус определителя самой сущности человеческого облика, уже немыслимой без мобильной телефонии и (мобильного) Интернета как активных посредников в повседневной реальности современного человечества. Сознание Homo mobilis, по сути своей номадическое, базируется на приоритете таких ценностей, как алокальность, высокая динамика изменений, новизна эмоций, чувств, наличие свободы выбора, но выбора легкого при наличии имеющихся альтернатив.

Для Я.Ю. Моисеенко мобильность – одно из свойств постиндустриального массового конформистского сознания, которое раскрывается в двух измерениях – движения и его образа, поскольку первое отражает лишь процесс преодоления пространства, перемещения в нем, в то время как смысловое наполнение мобильность получает только с учетом образной составляющей (репрезентация мобильности) [4, С. 41]. Такой взгляд на мобильность укладывается в методологический арсенал феноменологического подхода, где само явление еще не есть феномен, а лишь обозначает его (подобно тому, как движение, практики движения – суть явление мобильности как феномена [5, С. 39]).

В научном лексиконе понятие «мобильность» ученые также связывают с осмыслением вопросов адаптивности индивида к внешней среде, что наибольшее выражение находит в случае анализа профессиональной мобильности. В современных реалиях она зачастую связана со сменой профессии. И эту тактику часто реализует молодежь, за что ее часто критикуют, апеллируя к такому явлению, как депрофессионализация.

Следует заметить, что в научном дискурсе по этому вопросу однозначной точки зрения не сложилось. Смена профессии может сыграть как положительную, так и отрицательную роль в жизни работника – многое зависит от того, чем продиктовано решение о смене профессии: при добровольно принятом решении об этом индивид ориентирован на максимальную самореализацию в новом профессиональном поле, на до-

стижение более высокого социального статуса, нежели в ситуации вынужденного ухода из профессии [6].

По понятным причинам вынужденная смена профессии несет негативный оттенок последствий данного действия, поскольку работнику приходится вынужденно (в силу жизненных (личных) обстоятельств или ситуации на производстве (сокращение персонала, низкая оплата труда и т.д.) осваивать новое профессиональное поле, в которое он, возможно, никогда бы не попал в более благополучной ситуации [7, С. 107].

Социальная ситуация оказывает значимое влияние на весь процесс профессиональной мобильности молодежи, и социологи здесь оперируют, как правило, термином «факторы», масштаб и специфика которых в современной российской действительности породили как множество проблем в профессиональном становлении и развитии молодежи, так и исследовательских перспектив их изучения. Среди наиболее влиятельных факторов социологи выделяют такие факторы, как: нестабильная занятость, рост прекариата и, в целом, изменения в формах и характере труда; роботизация как угроза занятости населения; отраслевые изменения и увеличивающееся несоответствие между профессиональным образованием и запросами рынка труда, характера занятости [8, С. 40].

В свою очередь, А.И. Ковалева, акцентируя внимание на индивидуализированном характере профессиональной мобильности, выделяет в качестве важных факторов личностные особенности человека, его способности, социальные качества, оказывающие влияние на профессиональную деятельность, а также уровень профессиональной подготовки, квалификации, способность реализовать личностный и профессиональный потенциал, а также осваивать новые профессиональные умения и компетенции [9, С. 298-299].

Иными словами, в современных условиях профессиональная мобильность молодежи определяется не только и не столько институциональными факторами, сколько «внутренним диалогом или разговором» («inner conversation» - термин М. Арчер) [10], который отражает восприятие социальной ситуации индивидом, в каждом отдельном случае имеющее свои особенности в зависимости от индивидуальных приоритетов, интересов, ценностей, целей и желаний, критериев самооценки социального успеха. Принятое во время внутреннего разговора решение предвещает результат совершаемого индивидом социального действия.

Безусловно, этот внутренний диалог формируется в условиях определенной институциональной среды, но динамика институциональных изменений значительно сказывается на самой социальной ситуации, которая и порождает внутренний диалог, закладывающий траекторию мобильности личности. Социологическая теория, разработанная М. Арчер, во многом, вобрала в себя психологические теоретические сюжеты и посылы, что не противоречит общей тенденции смещения методологического фокуса в сторону междисциплинарности как расширяющей границы научного познания.

Именно поэтому ученые говорят об изменении повестки дня в свете новых подходов к изучению мобильности [11, С. 21], в том числе и профессиональной, в отношении которой отмечается разнообразие проблематики при отсутствии сформированного общего подхода к исследованию [8, С. 40].

Очевидно одно: новые реалии, в которых осуществляется профессиональное развитие российской молодежи, определяют необходимость методологического выбора с учетом не только классического социологического наследия (теория социальной мобильности П. Сорокина, к примеру, не утратила своей актуальности и по сей день и даже привлекла еще более сильное внимание исследователей как содержащая потенциал для изучения современного общества [11, С. 21]), но и современных теоретических разработок, указывающих на широкий контекст мобильности, ее множественный характер.

1. Невелева В.С., Мордовина Д.А. Новые формы Я-документов – репрезентация феномена мобильности // Вестник культуры и искусств. 2017. № 4.(52).
2. Веселкова Н.В. Новые исследования мобильностей: совпадающие и несовпадающие потоки и социальная компетентность // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. № 3.
3. Петренко-Лысак А.А. Номо Mobilis в транзит(ив)ном потоке мобильных коммуникаций. Режим доступа: <https://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2015/10/3/Petrenko-Lysak.pdf>
4. Моисеенко Я.Ю. Мобильность как свойство массового конформистского сознания // Дискурс-Пи. 2015. № 2.
5. Моисеенко Я.Ю. Феноменология мобильности: методологический аспект // Дискурс-Пи. 2016. № 2.
6. Горбунова Г.А. Анализ причин смены профессионального профиля взрослыми людьми // Сибирский педагогический журнал. 2009. № 13. С. 46-50.
7. Попова Е.С. Горизонтальная профессиональная мобильность в современных социологических исследованиях // Социологический журнал. 2018. Том 24. № 3.
8. Многомерная социальная мобильность в современной России: монография / [Ю. Б. Епихина и др.]; отв. ред. М. Ф. Черныш, Ю. Б. Епихина. Электрон. текст. дан. (объем: 1,15 Мб). М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 112 с. 1 электрон. опт. диск 12 см. (CD-ROM).
9. Ковалева А.И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1.
10. Archer M. Making our Way through the World: Human Reflexivity and Social Mobility. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 143-158.
11. Черныш М. Ф. Концепт социальной мобильности в меняющихся обществах // Социологические исследования. 2018. № 7.

Дата получения рукописи: 28.04.2022

Дата окончания рецензирования: 14.05.2022

Дата принятия к публикации: 23.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.16

Тезисы конференции

Геополитика Российской Федерации в Черноморско-Каспийском регионе в контексте обеспечения собственной национальной безопасности

М.П. Мындру¹

Научный руководитель – д.ф.н., доцент И.П. Добаев
¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Мындру М.П. (2022). Геополитика Российской Федерации в Черноморско-Каспийском регионе в контексте обеспечения собственной национальной безопасности. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 93–97. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.16>

Амбиции США и коллективного Запада создать основанный на «однополярной глобализации» мир [1], игнорирование и неуважение чужих интересов, разрастание военно-политического блока НАТО вокруг России, – достигли критической отметки в 2022 году. Но Российская Федерация гораздо раньше стала шаг за шагом решать создаваемые Западом проблемы вблизи собственных границ в ключевом – Черноморско-Каспийском регионе, последовательно проводя геополитический курс в данном регионе с целью защиты собственных национальных интересов.

Необходимо отметить, что реализация интересов РФ в ЧКР позволяет: –сохранить независимость и территориальную целостность государства; – защитить миллионы людей, историческую память и собственное цивилизационное пространство; – ликвидировать очаги напряженности вблизи собственных границ; – отстоять свой статус сверхдержавы.

В рамках геополитической деятельности РФ в Черноморско-Каспийском регионе целесообразно рассмотреть следующие направления: – кавказское направление; – каспийское направление; – черноморское направление.

Важной вехой по реализации геополитических интересов РФ на Южном Кавказе стало подписание 15 мая 1992 г. Договора о коллективной безопасности в Ташкенте с последующим созданием Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) – региональной международной организации, задачей которой является защита территориально-экономического пространства государств – членов организации совместными усилиями армий и вспомогательных подразделений от действий внешних военно-политических агрессоров. Из государств Закавказья, каждое из которых проводит многовекторную внешнюю политику, лишь Армения сохранила свое членство в ОДКБ, что связано с уверенностью армянской стороны в защите территориальной и государственной целостности со стороны РФ, так как ОДКБ, в отличие даже не от НАТО, а от натовской программы «Партнерство ради мира», нацелено не на защиту интересов сторонних государств, а на обеспечение безопасности непосредственно государств – членов ОДКБ, то есть РФ видится и как надёжный защитник, помимо хорошего экономического партнера.

Другой важный момент связан с Южной Осетией и Абхазией. Вооружённый конфликт в Южной Осетии 2008 г. забрал множество невинных жизней и стал «точкой невозврата» в отношениях между Грузией и Южной Осетией. В это же время произошла эскалация конфликта между Абхазией и Грузией, а также последовал разрыв дипломатических отношений между Россией и Грузией. С учетом особенностей международного права и косовского прецедента последовало признание Россией Южной Осетии и Абхазии как независимых суверенных государств [2]. Осенью 2008 года были

подписаны и ратифицированы договоры о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи РФ с Абхазией и Южной Осетией. 5 марта 2015 года вступил в силу договор между Республикой Абхазия и Российской Федерацией о союзничестве и стратегическом партнерстве. А уже 18 марта 2015 года Россией и Южной Осетией был подписан Договор о союзничестве и интеграции. С учётом изначальной при распаде СССР антироссийской риторике со стороны Грузии, воздействия «сил вне региона», России было важно сохранить позиции в Закавказье. Вопреки всему, Грузии немаловажны экономические отношения с Россией, но ещё более важна незыблемая позиция России по отношению к Южной Осетии и Абхазии, а также воссоединение разделенного осетинского народа и укрепление российского культурного (цивилизационного) кода.

В свою очередь, Вторая Карабахская война (27 сентября – 10 ноября 2020 г.), охарактеризовалась, с одной стороны, отрезвлением армянских властей относительно перспектив сотрудничества со своими западными партнерами, осмыслением обратной стороны медали ведения недостоверной информационной деятельности, когда армянские СМИ сообщали о череде побед, итогом которых стало разгромное поражение, а также пониманием того, что Россия выполнит возложенные по ОДКБ обязательства при непосредственной угрозе суверенитету самой Республики Армения. С другой стороны, Азербайджан, окрыленный победами, поддержкой Турции и дискредитацией властей и СМИ Армении, вернул занятые Арменией «для обеспечения безопасности Карабаха» во время войны в 1990-е азербайджанские районы, не принадлежавшие советской Нагорно-Карабахской области, но вместе с тем Азербайджан взвешенно оценил ситуацию и не пошёл на возможную конфронтацию с Россией.

10 ноября было опубликовано совместное заявление Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева, Премьер-министра Республики Армения Никола Пашиняна и Президента Российской Федерации Владимира Путина о полном прекращении огня и всех военных действий в зоне Нагорно-Карабахского конфликта. 11 января 2021 года в Москве прошли переговоры между лидерами трёх государств, важным результатом которых стала договоренность относительно развития транспортных коммуникаций. Ведь после более чем 30 лет Азербайджан посредством транспортных коммуникаций через территорию Армении сможет иметь сообщение с Нахичеванской автономной республикой, в то время как Армения сможет через территорию Азербайджана иметь железнодорожные выходы на Россию, Иран и Турцию.

Посреднические действия Российской Федерации, когда наше государство выступило медиатором в конфликте между Азербайджаном и Арменией по поводу Нагорного Карабаха, указали на то, что Россия своевременно и соответствующе оценила европейскую политику соседства на Южном Кавказе, политику США и Турции, будет твердо проявлять свою политическую волю относительно национальных интересов и не допустит развития угроз национальной безопасности. Отчётливо это наблюдается и в 2022 году, когда миротворческий контингент РФ не позволяет азербайджанским ВС активно действовать на карабахском направлении, пока Россия проводит специальную военную операцию на Украине.

Рассматривая каспийское направление, важно отметить, что внешняя политика Казахстана, как и Закавказских республик, тоже характеризуется многовекторностью. С одной стороны, президент Токаев 6 марта 2020 утвердил новую Концепцию внешней политики РК на 2020–2030 гг., в которой отношениям с РФ придан особый статус. Впервые в основополагающем внешнеполитическом документе было указано на необходимость «дальнейшего развития союзнических отношений с РФ». Токаев занял принципиальную позицию и по другому важному вопросу – в отношении Великой Победы советского народа над фашистской Германией. Так, на встрече с президентом Владимиром Путиным в Сочи 3 октября 2019 глава Казахстана заявил, что победа в Ве-

ликой Отечественной войне - общий праздник двух государств. Позиция главы Казахстана пользуется поддержкой большинства населения страны.

С другой стороны, в 2017 году первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев начал процесс перехода с кириллицы на латиницу. А уже в конце марта 2022 года первый заместитель руководителя администрации президента Казахстана Тимур Сулейменов выступил с заявлением о том, что республика хочет продемонстрировать европейским партнёрам, что не будет инструментом для обхода санкций США и ЕС против России и Беларуси, и будет их соблюдать. Кроме того, Сулейменов отметил, что в Казахстане не согласны с обозначением действий России на Украине как специальной военной операции. По его словам, в Нур-Султане также «не признавали и не признают ни ситуацию с Крымом, ни ситуацию с Донбассом, потому что их не признает ООН» [3].

И здесь важно отметить, что Казахстан является самой стабильной из постсоветских республик Центральной Азии и ЧКР не за счёт своей многовекторности, но благодаря поддержке со стороны России. Попытка проведения Западом цветной революции в Кыргызстане в октябре 2020 года и раскола на «Север-Юг» была успешно предотвращена при содействии РФ, что стабилизировало обстановку непосредственно у границ Казахстана.

2 января 2022 года в Казахстане начались акции протеста на фоне повышения цен на сжиженный нефтяной газ. При активном соучастии «внешних сил» протесты переросли в беспорядки, активизировались мародеры, радикалы и боевики. После обращения властей Казахстана в ОДКБ был впервые применён миротворческий контингент данной организации, цветная революция в Казахстане была предотвращена при решительных мерах России. Таким образом, РФ подтвердила, что ОДКБ – боеспособная и эффективная организация, предотвратив цветную революцию на крупнейшей (после собственной) территории постсоветского государства, а также не в лишний раз продемонстрировав Армении, что готова ей помочь в случае посягательства других государств на её суверенитет и территориальную целостность. А действующей власти Казахстана предстоит сделать серьёзный выбор относительно многовекторности после случившегося на собственной территории, а также после успешного завершения Россией специальной операции на территории Украины, в результате которой желаемому США и Западу однополярному миру придёт окончательный конец.

Переходя к черноморскому направлению геополитики РФ, необходимо прежде всего отметить Референдум о статусе Крыма 2014 года, когда жители Автономной Республики Крым и города Севастополь путём общенародного голосования приняли решение войти в состав Российской Федерации. По результатам голосования, 96,77% граждан (1 млн 233 тыс. 2 человека) в Крыму и 95,6% (262 тыс. 41 человек) в Севастополе высказались за воссоединение с Россией. Явка в Крыму составила 83,1%, в Севастополе - 89,5%. В отличие от отчужденного от Сербии Косово, Крым вошёл в состав РФ за счёт особого правового статуса автономии. Вдобавок, отмечая военно-стратегическое значение полуострова, стоит отметить, что Крым глубоко вдаётся в Азово-Черноморский бассейн с севера, а его юго-западная оконечность находится на оптимальном расстоянии от проливов, связующих Черное море со Средиземным. Ещё одно достоинство полуострова - бухты Крыма, представляющие собой удобные места для базирования кораблей практически всех классов.

Другой результат цветной революции на Украине 2014 – неонацисты, русофобы, олигархи и подобный «сброд», угодный коллективному Западу, значительно укрепили свои позиции, давя на русскоязычное население. В апреле 2014 года начался вооружённый конфликт на востоке Украины – боевые действия на территории Донецкой и Луганской областей, фактическое начало геноцида украинскими властями собственного населения. Были надежды на Минские соглашения 2014 и 2015 гг., которые последовали вслед за попаданием украинской армии в «Иловайский котёл», и на ОБСЕ, но

киевский режим и Запад использовали 8 лет для нового полномасштабного наступления на ДНР-ЛНР и предоставления летальной помощи Украине (в соответствии с рекомендациями близкого к Пентагону и ЦРУ исследовательского центра RAND, опубликованными в докладе «Extending Russia: Competing from Advantageous Ground» («Перенапряжение России: конкуренция с выгодных позиций»).

РФ совершенствовала собственное миграционное законодательство, с целью поддержки населения ДНР-ЛНР были изданы: Указ Президента РФ от 29 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке»; Указ Президента РФ от 27 марта 2020 г. N 214 «О внесении изменений в Указ Президента РФ от 24 апреля 2019 г. N 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство РФ в упрощенном порядке», - вследствие чего можно говорить об эффективной реализации ключевого посыла Концепции 2019-2025 гг. по части цивилизационного пространства.

Россия делала особую ставку на дипломатию, но продолжающееся методичное истребление мирного населения Донбасса, заявление экс-президента Украины Порошенко о 1 сентября и детях ДНР-ЛНР в подвалах, разжигание ненависти к русскому языку и населению, факельные шествия бандеровцев, издевательства над ветеранами Великой Отечественной войны, осквернение и уничтожение исторической памяти, нарушение обещания НАТО не расширять свои силы на восток [4], провокации президента Зеленского относительно ядерного оружия, а также оперативные данные отечественных спецслужб, привели к тому, что 24 февраля 2022 года президент России Владимир Путин в ответ на обращение руководителей республик Донбасса принял решение о проведении специальной военной операции по демилитаризации и денацификации Украины.

Спецоперация вскрыла: – русофобию колоссальных масштабов на Западе, которая тщательно прикрывалась ввиду распада СССР, после чего россиян считали уже побежденными, и предрасположенность «западных господ» была своего рода подаянием; – перевес США и Запада в информационной войне, когда те, располагая информационным инструментарием и ресурсами, распространяют фейки и призывы к насилию в адрес российских военнослужащих и граждан; – поддержку и финансирование нацизма Западом; – преступность киевского режима, при котором нацисты убивают или используют в качестве «живого щита» мирное население Украины, а также истязают военнопленных под видеозапись; – готовность России в высшей степени достойно отвечать на санкции, делая их крайне болезненными для недружественных стран (перевод оплаты за газ в рубли, солидарность государств-членов ОПЕК); – обширную сеть биологических лабораторий на Украине (подтвержденную заместителем госсекретаря США Викторией Нуланд), действующую как минимум десятилетие, существование которой вступает в противоречие с «Конвенцией ООН о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» от 16 декабря 1971 г. [5]; – грамотное выстраивание отношений Россией с такими крупными акторами ЧКР, как Турция и Иран: Иран с санкционным опытом в десятки лет выразил готовность поддержать Россию, в том числе действуя с РФ заодно и в сирийском конфликте; Турция отказалась присоединиться к антироссийским санкциям и не будет поставлять российские же С-400 на Украину.

И здесь важно подчеркнуть, что специальная военная операция будет иметь следующие последствия: – поддержание и утверждение РФ собственного культурного (цивилизационного) пространства, когда русских, белорусов и украинцев никто не сможет разъединить; – уничтожение нацистов и бегство их в страны Западной Европы; – обретение Украиной нейтрального статуса и её невступление в военные блоки; – фактический конец однополярного мира, неприемлемость которого отмечал Владимир

Путин во время Мюнхенской речи 2007 года; – утверждение позиций РФ в статусе сверхдержавы.

Таким образом, Россия самым решительным образом проводила и будет проводить свой геополитический курс в ключевом для обеспечения собственной национальной безопасности регионе – Черноморско-Каспийском регионе. Российский народ всегда будет защищен, ведь ему не всё равно на собственную историческую память и самосознание, и ему важна судьба своих соседей.

Литература

1. Черноморско-Каспийский регион в фокусе геополитических интересов мировых держав. Игорь Добаев. Режим доступа: <https://www.geopolitica.ru/article/chernomorsko-kaspiyskiy-region-v-fokuse-geopoliticheskikh-interesov-mirovyh-derzhav>.

2. Хасанов А.А. Международно-правовые аспекты признания Южной Осетии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. №1 (68). С. 140-146.

3. «Казахстан будет соблюдать санкции ЕС против России». Режим доступа: <https://news.rambler.ru/conflicts/48400862-kazahstan-budet-soblyudat-sanktsii-es-protiv-rossii-ekspert-otsenil-zayavlenie-nur-sultana/>.

4. «Это было давно»: США объяснили невыполнение обещания о нерасширении НАТО. Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2021/12/07_a_14287213.shtml.

5. Биооружие США: раскрыты данные секретных лабораторий на Украине. Режим доступа: https://tsargrad.tv/investigations/biooruzhie-ssha-raskryty-dannye-sekretnyh-laboratorij-na-ukraine_510135.

Дата получения рукописи: 27.04.2022

Дата окончания рецензирования: 10.05.2022

Дата принятия к публикации: 13.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.17

Тезисы конференции

Российско-иранское сотрудничество: исторический аспект

В. Э. Палий¹

Научный руководитель – к.и.н., доцент Е.Л. Щукина
¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Палий В. Э. (2022). Российско-иранское сотрудничество: исторический аспект. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 98–100. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.17>

История отношений и сотрудничества между Россией и Ираном уходит в глубь веков. Сегодня, на фоне нестабильной и даже опасной военно-политической ситуации в мире и обострившейся политэкономической обстановки вокруг России, особое значение приобрело развитие геополитического сотрудничества между двумя странами. Не будет ошибкой сказать, что взаимодействие между Россией и Ираном уже за последнее десятилетие с двустороннего уровня перешло на региональный и даже внерегиональный уровень. Такой вывод легко можно сделать, если проследить насколько активно обе страны принимали совместное участие: в многолетнем разрешении сирийского кризиса; в урегулировании Нагорно-Карабахского кризиса, в которых официальные Москва и Тегеран не только призывали, но и подталкивали руководство противоборствующих сторон к прекращению огня и мирному решению конфликта; в купировании трансграничных атак боевиков с территории Афганистана и вынашивании планов по его постконфликтному восстановлению. Кроме того, Россия и Иран, что крайне важно сегодня, на главных международных площадках, вместе с Китаем и рядом других стран, имеют общую позицию в том, что кризис вокруг Украины вызван исключительно провокациями со стороны НАТО. Учтёшь к этому ещё: иные геополитические особенности между двумя странами; потенциал развития в экономической сфере, например, помощь России в строительстве трансиранского канала и семимильное увеличение товарооборота между странами; развитие связей в культурной и военной сферах; усилия, приложенные Россией к процессу разрешения иранского ядерного вопроса после выхода из сделки США, и попытки последних лет смягчить международное давление, оказываемое на Иран. Всё это представляет собой благоприятную почву для дальнейшего серьезного развития российско-иранского сотрудничества в различных областях, а потому целью исследования является составление прогноза возможного варианта этого развития, через анализ исторического взаимодействия России и Ирана.

В этой связи важно отметить, что российско-иранские отношения с момента их возникновения и вплоть до распада СССР пережили четыре больших этапа становления [1, С. 68].

Первый этап проходит с VIII века до конца XVIII века. Он включается в себя: упоминания о торговых связях между Россией и Персией вплоть до XIII века, когда началось монгольское нашествие, и все контакты прервались; начало официальных дипломатических отношений в 1521 году, ради союза против набирающей мощь Османской Империи; мелкие стычки на Северном Кавказе середины XVII века и уже активное военное противостояние в эпоху Петра Первого, когда Астрахань была превращена в огромную военную базу против Персии, что позволило начать войну 1722-1723 годов, приведшую к завоеванию территорий на Кавказе и в северной Персии [2].

Второй этап российско-иранских отношений ведет отсчет с конца XVIII века и продолжается вплоть до Великой Октябрьской революции 1917 года в России [2]. На этом этапе в борьбу за влияние над Персией активно вступили англичане, вытеснившие ранее из региона португальцев и голландцев и фактически уже подчинившие себе южные прибрежные территории Персии, ради контроля над Персидским заливом. И в то же время господство России на севере Персии, ставшее к концу XIX века абсолютным, не могло не привести к столкновению интересов двух империй. В 1813 году началась «Большая игра» между Россией и Великобританией за власть над Южной и Центральной Азией [2]. С того момента последняя начала подталкивать ослабленное и обанкротившееся персидское руководство к войнам с Россией. Которые, правда, ничем хорошим для шахской власти не закончились: абсолютно невыгодный Гулистанский договор, а за ним Туркменчайский договор окончательно закрепили за Россией территории современных Армении и Азербайджана.

Третий этап включает в себя период с 1917 года по 1985 [1]. Руководство молодого Советского государства в самом начале взяло для себя курс на построение доверительных отношений с Персией, а потому в 1921 году был заключен российско-персидский Договор о дружбе, по которому большевики вывели войска из севера страны и отказались от собственности, принадлежавшей Царской России. Но такой подход не оправдал себя, и Персия впала в ещё большую зависимость от Великобритании, ища у неё поддержки из-за страха перед распространением коммунистических идей. В период Второй мировой войны, а именно в 1941 году, состоялась британо-советская операция «Согласие», по которой две страны фактически оккупировали территорию Ирана. Эта операция пусть и игнорировала нейтральный статус страны, но в то же время его гарантировала вплоть до конца мировой войны. Операция также позволила советскому руководству поддерживать коммунистические партии на севере страны, в частности «Народную партию Ирана». Однако начало уже холодной войны лишило СССР всякого влияния в Иране, ибо тот попал под полный контроль США и официально вошел в антикоммунистический блок. Однако Исламская революция 1979 года полностью изменила статус Ирана и его внешнеполитическую доктрину, заключавшуюся теперь в лозунге «Ни Восток, ни Запад». Новое руководство страны решило для себя отказаться от блокового мышления, сконцентрироваться на защите собственного суверенитета и заняться распространением своего влияния. Последние закрепились в официальной доктрине «Экспорта исламской революции», что как раз сначала настроило СССР, поспешившего первым признать Исламскую республику Иран, а после уже заставило его присоединиться к общей политике сдерживания молодого государства.

Четвертый этап российско-иранских отношений начинается 1985 года и завершается в 1991 году, когда распался СССР. В целом этот этап можно характеризовать как «временное сотрудничество» [1]. Всё объяснялось тяжелой социально-экономической ситуацией в СССР, приведшей к «перестройке», и в Иране, из-за последствия ирано-иракской войны. К 1987 году двум странам практически уже удалось преодолеть разногласия, кои были вызваны вводом войск в Афганистан. В январе 1989 г. Аятолла Хомейни даже написал письмо Горбачеву, в котором четко призывал к восстановлению «былого сотрудничества» между странами [2]. Это позволяет утверждать, что последние годы существования СССР можно рассматривать как время налаживания двусторонних отношений, когда оба государства подвергли их концептуальной переоценке, отказавшись от соперничества в пользу сотрудничества, выгодного для того времени.

Именно в таком виде российско-иранские отношения вступают в свой современный этап, который длится с 1991 года, с момента образования Российской Федерации, по настоящее время. Эти отношения, прежде чем достичь уровня 2022 года, прошли крайний сложный путь, включавший в себя как периоды подъема, так и спада. С одной

стороны, Россия, благодаря активной продаже оружия, предоставлению ряда технологий и согласию на строительство АЭС «Бушер» в Иране, стремилась так наладить отношения с последним, но с другой — не уделяла должного внимания пересмотру морских границ на Каспии; поддерживала слишком тесные контакты с США; оставалась, по сути, безразлична к гражданской войне в Таджикистане; вызывая всем этим «раздражение» в Тегеране [3, С. 24]. А уже в 2006 году многие эксперты говорили о «конце» самих двусторонних отношений, поскольку Россия, вопреки своим же обещаниям, присоединилась к западным санкциям против иранской ядерной программы, проголосовав за них в Совете Безопасности ООН.

Но в реальности руководство обеих стран прекрасно понимало, что иного варианта развития событий тогда просто не было. Ни Тегеран, ни Москва не собирались допускать полного охлаждения отношений, а потому, мало это афишируя в СМИ, сконцентрировались на развитии экономического сотрудничества и продолжении перевооружения армии Ирана [3]. 2015 год стал переломным для российско-иранских отношений, поскольку было достигнуто соглашение по ядерной программе Ирана. Россия уже без всяких дипломатических рисков для себя могла открыто заявить о сближении двух стран, кое де-факто произошло в момент начала операции ВКС РФ в Сирии на стороне официального Дамаска [3]. И даже дальнейшие действия США при администрации Трампа по вопросу «Ядерной сделки» существенно не повлияли на близость двух стран.

Обобщая все выше сказанное, можно сделать вывод о том, что Россия и Иран прошли крайне сложный путь построения доверительных отношений, которые при всем желании нельзя сегодня назвать «временным сотрудничеством», кое было с Советским Союзом в его последние годы. Этого не позволит изменяющийся миропорядок, в котором России, Ирану, а также Китаю и, возможно, Индии все-таки предстоит стать стратегическими партнерами. Все страны в этом ряду так или иначе уже ощутили на себе разрушительные последствия западного влияния, а потому консолидация внешнеполитических позиций, ещё большее углубление экономических, культурных, научных и военных связей произойдет неизбежно. Однако какую внешнюю форму примет это объединение - вопрос открытый.

Литература

1. Аштари С. Эволюция отношений Ирана с СССР // Гуманитарный журнал. 1997. № 21.
2. Черноус В.В. Иранский мир и Юг России: прошлое и современные перспективы. Ростов-на-Дону, 2004.
3. Дружиловский С.Б. Российско-американо-иранский треугольник // Иран и Россия. Москва, 2014.

Дата получения рукописи: 08.05.2022

Дата окончания рецензирования: 27.05.2022

Дата принятия к публикации: 30.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.18

Тезисы конференции

Роль Российской Федерации в современных экономических отношениях

Д.А. Петровский¹

Научный руководитель – преподаватель Н.З. Губнелова

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Петровский Д.А. (2022). Роль Российской Федерации в современных экономических отношениях. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 101–103. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.18>

Конец XX – начало XXI в. характеризуется трансформацией международных экономических отношений. Быстрые темпы глобализации экономических отношений, регионализация, возникновение Транснациональных компаний и укрепление их позиций как субъектов международных экономических отношений. Международное разделение труда, появление и развитие цифровых технологий и появление особых экономических зон в мире способствовали укреплению позиций в международной экономической системе Китая, Индии, Бразилии, что повлекло за собой перераспределения экономического и политического влияния.

Сложившиеся экономические отношения не могли обойти стороной Российскую Федерацию. Экономическая политика современной России была переориентирована на сотрудничество и взаимодействие. Российская Федерация начала активно принимать меры для установления экономических и политических связей с иностранными государствами. Данные шаги свидетельствовали о безвозвратном процессе глобализации, который пронизывал основные сферы жизни (культурную, политическую, экономическую, социальную и т.д.).

Трансформация современных экономических отношений сподвигла участников реформировать экономическую систему - интегрировать в мировую экономику. Главным образом процесс интеграции актуален для экономической системы Российской Федерации. Исходя из этого, возникает необходимость оценки и анализа роли России в современных экономических отношениях [1].

Прежде всего возникает потребность в анализе международных процессов - движение материальных и интеллектуальных ресурсов, торговля, разделение труда и производство. Статистический и сравнительный анализы ранее перечисленных процессов позволят оценить роль Российской Федерации, выявить проблемы и перспективы развития в системе современных международных экономических отношениях.

Международные экономические отношения (МЭО) – экономические отношения между государствами, региональными группировками, транснациональными корпорациями и другими субъектами мирового хозяйства. Они включают валютно-финансовые, торговые, производственные, трудовые и другие отношения.

Для определения роли России следует выделить и проанализировать следующие формы МЭО:

- международная специализация производства и научно-технических работ;
- обмен научно-техническими результатами;
- международная кооперация производства;
- международная торговля;
- информационные, валютно-финансовые и кредитные связи между странами

- движение капитала и рабочей силы;
- деятельность международных экономических организаций, хозяйственное сотрудничество в решении глобальных проблем.

Количество материальных и нематериальных ресурсов страны, позволяющие обеспечить рост социального благополучия, экономическое развитие и научно-технический прогресс и т.д. определяют место России в современных международных экономических отношениях. Стоит обратить особое внимание при анализе экономических возможностей на потенциал. Помимо привычных полезных ископаемых, инвестиционных возможностей, территорий и производственных мощностей, стоит учитывать интернет-пространство, интеллектуальный капитал, научно-техническую материальную базу и многое другое [2].

Международную специализацию определяют природные ресурсы и месторасположение России. Площадь ее территории 17,1 млн. кв. км. (1 место в мире), в т.ч. 16,4 млн. кв. км. - суша. Однако 2/3 территории занимают зоны с малоприспособленными для жизни условиями. Большая площадь Российской Федерации позволяет активно заниматься сельским хозяйством, но следует учесть, что зона для благоприятного выращивания сельскохозяйственной продукции составляет лишь 35% от всей территории страны, то есть порядка 5,5 млн кв. км. Россия по этому показателю занимает 5 место, уступая Бразилии, США, Австралии и Китаю. Основную долю агроэкспорта занимают зерновые культуры; Россия с 2017 года занимает 2 место среди экспортеров, что свидетельствует о проведении действенных экономических реформ.

Международная кооперация и торговля развиты непосредственно в специализированных отраслях страны. Помимо вышеуказанных, Россия преуспела в продаже оружия - по данным «Рособоронэкспорта» экспорт оружия на протяжении 10 последних лет составляет выше 10 млрд\$, в разные годы по разным обстоятельствам доход от экспорта оружия менялся. Также по данным федерального агентства по туризму, туристическая сфера составляет конкуренцию экспорту оружия, доходы которой коррелируются примерно на уровне продаж оружия [3].

Международную специализацию России определяют большие запасы минеральных ресурсов. Российская Федерация занимает в международных рейтинговых агентствах первые строки по запасам и экспорту нефти, угля, природного газа, железных руд и др.

Международные валютно-финансовые и кредитные отношения – это отношения, связанные с обслуживанием хозяйственных связей между странами, в том числе процессов передвижения товаров и услуг, платежно-расчетного оборота, а также с функционированием мировых денег. По мере развития международных хозяйственных связей увеличиваются потоки товаров, услуг и особенно капиталов и кредитов, следовательно, требуется бесперебойное валютно-финансовое обслуживание этих потоков. [4]

Россия полностью интегрирована в международные валютно-финансовые и кредитные отношения, является участником многих международных финансовых организаций, таких как Банк международных расчетов, Международная финансовая корпорация (МФК), МФ, Группы Всемирного банка (в том числе МБРР, Европейского банка реконструкции и развития (ЕБРР)) и многих других.

В настоящее время активно прорабатывается сотрудничество России с другими странами в финансово-кредитной сфере на многих направлениях, что требует адаптации национального законодательства к международным стандартам, необходимости понимания и практического применения общепринятого цивилизованного кодекса поведения на мировых валютных и кредитных рынках.

Научно-технический прогресс – это процесс непрерывного развития науки, техники, технологии, совершенствования предметов труда, форм и методов организации

производства и труда. Он выступает также как важнейшее средство решения социально-экономических задач, таких, как улучшение условий труда, повышение его содержательности, охрана окружающей среды, а, в конечном счете, –повышение благосостояния народа.

В настоящее время финансирование НИОКР составляет всего лишь чуть больше 1% ВВП, а инновационная активность имеет негативную динамику. Все это позволяет сделать вывод о том, что выход России в число лидеров глобального научно-технического развития требует ускоренного осуществления государственной стратегии поддержки НИОКР и инноваций [5].

На основании проведенного исследования следует сделать вывод о роли России в современных экономических отношениях. Российская Федерация на протяжении своей новейшей истории (1992-2022 гг.) занимала 1-е места по ряду ключевых экономических показателей (экспорт полезных ископаемых, оружия, продукции сельского хозяйства и т.д.) и по уровню ВВП долгие годы входила в топ-10 стран. Однако к 2021 году Россия попала лишь на 11-е место. Также наблюдается зависимость иностранных государств от российских энергоносителей, что свидетельствует о наличии важной роли в международных экономических отношениях. Важным недостатком является отставание России в высокотехнологичном секторе экономике, а также зависимость от импорта товаров лёгкой промышленности. В результате сложившейся ситуации Россия отстает от развитых стран по экономическому благосостоянию, но и опережает страны, находящиеся в стадии перехода, то есть развивающиеся [6].

Литература

1. Вавилова Е.В. Экономическая география и регионалистика: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2004. 148 с.
2. Мировая экономика и международные экономические отношения / под редакцией проф. А.С. Булатова и проф. Н.Н. Ливенцева. М.: Магистр, 2008.
3. Гринькевич А.В. Анализ международного разделения труда и положение России в нём // Молодой учёный. 2017. № 26. С. 110-114.
4. Вечканов Г.С., Вечканова Г.Р. Экономическая теория: учебное пособие. М., 2008.
5. Витязь П.А. Технонаука - локомотив прогресса / беседовала И. Емельянович // Наука и инновации. 2019. N 8. -С. 47-50.
6. Рейтинг стран мира по объему ВВП в 2021 году: где Россия? Режим доступа: <https://top-rf.ru/places/161-reiting-stran-mira-po-vvp.html>.

Дата получения рукописи: 29.04.2022

Дата окончания рецензирования: 19.05.2022

Дата принятия к публикации: 21.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.19

Тезисы конференции

Влияние туризма на социальную интеграцию региональной молодежи

К.Э. Рожабова¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск

Для цитирования

Рожабова К.Э. (2022). Влияние туризма на социальную интеграцию региональной молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 104–105. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.19>

Молодежный туризм привлекает значительное внимание исследователей, особенно, в последнее время, когда развитию внутреннего туризма в России стали придавать большое значение. Молодежь как самый активный потребитель туристских услуг естественным образом попадает в фокус научного дискурса. Ученые пишут о молодежном туризме, его потенциале, ресурсах, проблемах и перспективах развития [1,2], а также о многом другом в свете влияния информационного общества [3] и актуализации проблем культурной интеграции [4].

Совершенно очевидно, что туризм обладает высоким интегративным потенциалом, способен сплотить молодежь, но эта проблематика еще не получила своего глубокого освещения при том, что для региональной молодежи вопросы ее интеграции имеют высокую социальную актуальность.

Итак, мы исходим из того, что туризм выполняет особую функцию в молодежной среде – интегративную, так как туристическая деятельность помогает найти новых друзей, выстроить новые коммуникативные связи, закрепить уже имеющиеся, обменять культурным опытом, приобрести новый. Именно так формируются и закрепляются контуры межэтнического общения, культура которого в современном полиэтничном пространстве после распада СССР находится в кризисном состоянии.

В эпоху информационных технологий, когда значительная часть коммуникаций осуществляется в виртуальном пространстве, туристские практики привлекли к себе еще большее внимание. При этом, виртуальное пространство, с одной стороны, дало им новую форму, новые возможности для развития с помощью использования интернет-технологий и в плане рекламы туристических услуг, и с точки зрения размещения туристской продукции на просторах Сети для тех, кто не в состоянии воспользоваться туристскими услугами.

Но самое главное – информационное общество четко демонстрирует преимущества и недостатки мира виртуального по сравнению с реальным, и познание последнего в полной мере, со всеми его красотами, историческими реалиями, познавательными и эстетическими ресурсами возможно с помощью туризма. Более того, интегративные ресурсы туризма «включаются» на полную мощь именно в режиме реальной практики, в пространстве реального общения.

Следует заметить, что современная российская молодежь характеризуется значительным запросом на туристские практики. Однако этот запрос по ряду причин не реализуется. И в каждом отдельно взятом регионе складывается своя ситуация, производная от потребностей региональной молодежи в тех или иных видах туризма и предлагаемого спектра туристских услуг [4].

Кроме того, в каждом регионе складывается своя специфическая среда (природная, социокультурная, экономическая), которая и определяет туристские возможности региона, тенденции и перспективы его развития в этом направлении.

Так, если говорить о Юге России, то, безусловно, его следует характеризовать, как регион, имеющий самые благоприятные условия для развития огромного количества видов туризма, которые способны удовлетворить представителей разного возраста.

Богатая история многочисленных этносов, невероятная по своему разнообразию, красоте, суровости природа. Это определило типологический характер туристских практик, наиболее распространенных на Юге России среди молодежи. Она в большей степени предпочитает активные виды туризма, связанные с экстремальными видами спорта, путешествиями, во время которых удовлетворяются и познавательные, и коммуникационные, и спортивные потребности молодых жителей региона [5].

Особенно распространены среди региональной молодежи горные виды туризма, которые реализуются на протяжении всего года, но самым активным образом летом и зимой. Самым активным образом развивается горнолыжный спорт, чему способствует строительство горнолыжных курортов на территории Юга России.

Высокий интерес молодежь Юга России проявляет к пляжному туризму [6, С. 100], чему способствует курортно-рекреационная специфика Краснодарского края и не так давно присоединенного Крыма. Оба этих региона характеризуются разнообразием курортно-рекреационных условий, позволяющих развивать самые разнообразные виды туризма – от пляжного до экстремального.

Присоединение Крыма к российскому государству в качестве субрегиона Юга России также предполагает решение вопроса его интеграции в региональное пространство, и в этом смысле молодежный туризм может сыграть весьма значимую роль. Будучи самым «фестивальным» регионом страны, Крым собирает огромное количество молодежи, участвующей в различного рода фестивальных мероприятиях из различных регионов страны, что позволяет более эффективно решать вопросы интеграции молодежи не только южнороссийского региона, но и других регионов страны.

Таким образом, отмечая положительный вектор в развитии молодежного туризма с точки зрения сформировавшегося запроса на туристские практики и проявляемую молодежью активность в этом направлении, есть необходимость в выявлении и преодолении барьеров на пути реализации туристских потребностей молодежи в различных регионах России.

Литература

1. Актуальные проблемы развития туризма : Материалы международной научно-практической конференции, 12-13 марта 2018 г./ под ред. С.В. Дусенко, Н.Л. Авиловой; РГУФКСМиТ. М., 2018. 516 с.
2. Молодежный туризм в России: ресурсы, тенденции, перспективы: Сборник статей по материалам 4-й международной студенческой научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 26 апреля 2019 г. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 283 с.
3. Черевичко Т.В., Темякова Т.В. Цифровизация туризма: формы проявления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, Вып. 1. С. 59-64.
4. Раитина М.Ю., Илюхина Г.И., Покровская Е.М., Сулова Т.И., Ходкевич М.М. Молодежный туризм как способ культурной интеграции: региональный аспект (на примере г. Томска) // Сервис Plus. 2019. Т.13. №2. С. 3-13.
5. Юдина Т.А., Балаян М.Н. Молодежный туризм как фактор развития международного туризма на территории Краснодарского края // Теория и практика общественного развития. 2015. № 5. С. 18-22.
6. Сидорова Д.В., Филобок А.А., Пономарёва Н.В., Волкова Т.А. Современные тенденции и проблемы развития молодежного туризма в России на примере Краснодарского края // Юг России: экология, развитие. 2017. Т.12, №3. С.98-105. DOI: 10.18470/1992-1098-2017-3-98-105.

Дата получения рукописи: 02.05.2022

Дата окончания рецензирования: 29.05.2022

Дата принятия к публикации: 04.06.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.20

Тезисы конференции

Функции и социализационный потенциал экологического туризма

Л.И. Саидова¹

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск

Для цитирования

Саидова Л.И. (2022). Функции и социализационный потенциал экологического туризма. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 106–108. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.20>

Современная социальность стремительно меняется под влиянием процессов глобализации, цифровизации, информатизации. В ее пространстве формируется множество рисков, угрожающих молодежи как социальной группе, еще находящейся в стадии становления, взросления, обретения своей субъектности. Наибольшие риски в обществе информационного типа связаны с рисками здоровью молодежи, которая чрезвычайно зависима от цифровых технологий и сетевого пространства Интернет. Надо понимать, что современная молодежь по факту уже другая. Она социализировалась в иных условиях. Цифровые технологии и цифровой мир для нее – данность, настоящая реальность, тот мир, без которого она уже и не представляет социальность. Это ее мир, естественным образом ставший пространством социализации.

Но надо также понимать, что в этом мире есть свои риски, а чрезмерная погруженность в этот мир увеличивает эти риски, превращая их в угрозы самочувствию молодежи, ее развитию, как личности - целостной, владеющей навыками коммуникации не только в виртуальном, но и реальном пространстве, физически развитой и способной оценить красоту реальной природы, реального общения.

Следовательно, встают актуальные вопросы создания таких условий, при которых молодое поколение, экранное, цифровое, рожденное в эпоху господства Интернета, сможет развиваться без рисков для духовного и физического здоровья. Необходимо показать социализационную альтернативу молодежи. Ту, которая будет также важна для молодежи, как и техногенная, порожденная цифровыми технологиями.

Значительные перспективы исследователи видят в развитии молодежного туризма, социализационный потенциал которого не вызывает сомнений, поскольку в рамках туристской деятельности молодежь осваивает разнообразные нормы и роли, вступает в коммуникации, приобщается к культурным ценностям, формирует собственное отношение к миру, находит себя в нем, друзей [1].

Кроме того, занятия туризмом имеют явный оздоровительный эффект, позволяют сохранить и преумножить физическое и духовное самочувствие, выступают в роли механизма профилактики девиантного поведения в молодежной среде.

Мы хотели бы остановить внимание на одном из видов туризма, начинающего приобретать популярность в современном мире и среди российской молодежи в том числе – на экологическом туризме [2]. Экологический туризм обладает очень мощным социализационным потенциалом, выполняет большое количество функций (среди важнейших из них: рекреационная, просветительская, экономическая и природоохранная [3]), будучи явлением многогранным. В силу последнего, сложно привести какое-то определение экологического туризма в полной уверенности, что оно достаточно емко

отражает сущность данного явления. А интерпретаций экологического туризма в науке сложилось немало. Однако в большинстве случаев под этим видом туризма понимают целевые поездки в рекреационно-привлекательные места, отличающиеся относительно нетронутой (дикой) природой, а также сохранностью традиционной культуры местного населения [4].

Функциональная природа экологического туризма характеризуется двойственностью. С одной стороны, с его помощью решаются чисто экологические задачи по сохранению природы, культуры народов, восстановлению природного ландшафта, который под воздействием человека разрушается. С другой же стороны, экологический туризм решает важные социальные задачи и проблемы, среди которых следует отметить такую, как социализация молодежи, формирование у нее экологических установок, ценной и экологической культуры в целом.

Без высокой экологической культуры, без бережного, душевного отношения к природе, к родному краю, к окружающей природной среде в целом, без формирования осознанной тесной связи человека с природой, взаимообусловленности природного и социального сохранения экологически чистой среды для последующих поколений невозможно.

Таким образом, экологический туризм позволяет воспитать молодежь с высокой экологической культурой, успешно преодолеть или нивелировать негативные явления, риски, производные от цифровой среды социализации молодежи [5], а также, в перспективе, сохранить для будущих поколений этот мир приемлемым для здоровой жизни.

В совокупности функций экологический туризм можно рассматривать как механизм или способ гармонизации жизненного мира молодежи, в котором будет соблюден баланс искусственной (виртуальной, цифровой) среды обитания и естественной (природной) среды.

Эта магистральная функциональная составляющая экологического туризма уже натолкнула исследователей на идею об экологизации туризма во всем его многообразии видов, типов с тем, чтобы принципы гуманного отношения к природе были универсальными для всех туристских практик [6]. В условиях роста туристской активности во всем мире и, соответственно, разрушительных воздействий на природу, эта идея представляется более, чем здравой – по сути, единственно верной, так как растет количество угроз окружающей среде, охранять которую и призван экотуризм.

Получается, что сам экотуризм, с одной стороны, провоцирует риски разрушения экосреды, а с другой – призван их предотвратить. На фоне этой противоречивой тенденции в развитии экологического туризма сам процесс экологической социализации нуждается в дополнительном осмыслении, в понимании того, как необходимо строить экологическую политику в области туризма и социализации молодых поколений.

Применительно к России следует заметить, что экологический туризм находится на стадии институционализации, имея все шансы и перспективы для своего дальнейшего развития. Однако для этого необходимо приложить много усилий правового, кадрового, социализационного и иного характера. Параллельно следует помнить о принципе экологизации туризма в целом, закладывая в основы туристской деятельности принципы гуманного отношения к природе.

Литература

1. Степановский Е.П., Скляр А.В. Социализация в туристском пространстве // Научный вестник ЮИМ. 2015. № 4. С. 48-52.

2. Афанасьев О.Е., Афанасьева А.В. Концепт «экологического туризма» в мировой и российской практике: компаративный анализ и кейсы // Современные проблемы сервиса и туризма. 2017. № 4. с. 7-26. DOI: 10.22412/1995-0411-2017-11-4-7-25.

3. Шестакова Е.С., Рудык А.Н., Бутова Т.Г. Функции экологического туризма // Сервис в России и за рубежом. 2016. Т. 10. № 2(63). С. 239-252. DOI 10.12737/19737.

4. Чибилёва В.П., Филимонова И.Ю. Значение экологического туризма в формировании экологической культуры студентов и школьников // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т.17. №5. С.57-62.

5. Быстракова Н.С. Цифровое поколение в проекции жизненного самоопределения. Режим доступа: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/26299/1/nito_2018_1_23.pdf

6. Галимова Г.В., Панченко О.Л. Экологическая политика как фактор развития туризма: анализ потребительских предпочтений // Казанский вестник молодых ученых 2019. Том 3. № 2. С. 193-200.

Дата получения рукописи: 30.04.2022

Дата окончания рецензирования: 24.05.2022

Дата принятия к публикации: 27.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.21

Тезисы конференции

Проблемы трудовой миграции в современной России

Р. А. Симачев¹

Научный руководитель – к.ф.н., доцент И.Н. Богданова

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Симачев Р. А. (2022). Проблемы трудовой миграции в современной России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 109–111. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.21>

В двадцатом веке человечество взяло курс на глобализацию, в двадцать первом эта тенденция всё еще продолжается. Одним из столпов глобализации является трудовая миграция. Большой актуальностью до сих пор пользуются вопросы, связанные с положительными и негативными аспектами этого процесса. В данной работе рассматриваются проблемы мировой миграции, в частности – в России (опорным регионом выбран Юг РФ).

Стоит начать с того, что в своей сущности «миграция» – это любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью перемены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учёбы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих. Понятие миграции включает в себя два подпонятия – эмиграция («выезд») и иммиграция («въезд»).

В ходе работы была установлена цель: выявить и проанализировать динамику, особенности и основные проблемы, связанные с процессами трудовой миграции в современной России. Для её достижения был решен ряд задач. Во-первых, рассмотрены основные причины, виды и проблемы современных миграционных процессов. Во-вторых, проанализированы особенности, аспекты законодательного регулирования и динамика трудовой миграции в современном российском обществе. В-третьих, представлена экспертная оценка миграционной обстановки на Юге России.

В качестве эмпирической базы исследования использован вторичный анализ социологических данных, Комплексный характер изучению такого явления, как миграция, обеспечивает статистический метод.

Миграция, как и ее аспекты, интересовала представителей различных научных сфер: экономистов, правоведов, политологов, культурологов, этнографов и 4 социологов. В своих работах этот процесс затрагивают: Денисова Г.С. [1], статьи которой посвящены миграционной ситуации на Юге России в призме демографии и социологии, Буданова Л.Ю. [2], проделавшая исторический и типологический анализ процессов миграции, Рыбаковский О.Л. [3], разобравший явление миграции с экономической точки зрения, Рязанцев С.Л. [4], затронувший правовой аспект Российской действительности в отношении труда иностранных граждан, Трюканова Е.Б. [5], которая начала одной из первых в России нулевых проводить серьезный статистический анализ миграционных потоков в Россию из других стран, Фокина Е.А. [6], выдвинувшая тезисы об основных экономических проблемах вызываемых миграцией рабочих в другую страну, Жулева

М.С [7], подошедшая к вопросу о проблемах миграции с позиции культурологии, и многие другие.

Миграция в представлениях ученых, которые впервые занялись ее теоретизацией в 20-м веке, почти всегда обуславливается экономическими причинами: поисками «места под солнцем», стремлением устроиться получше на новой локации. Отсюда вытекает устойчивое утверждение: «амый популярный вид миграции – трудовая».

Российская Федерация совсем недавно вовлеклась в миграционный обмен – после распада СССР. В Россию приезжали и до сих пор приезжают жители менее экономически развитых соседних стран. Национальный состав прибывающих иностранных рабочих в Россию за последние двадцать лет значительно изменился: в начале двухтысячных первенство по количеству трудовых мигрантов удерживала Украина, но со временем, на фоне обострения политических отношений между ней и Россией, миграция из этой страны сошла на нет, однако ее место быстро заняли Таджикистан, Узбекистан и Азербайджан.

Пик по количеству трудовых мигрантов, прибывающих в РФ, был достигнут в 90-е годы прошлого века, в нулевых и десятых 21-го века этот показатель «вышел на плато». И в самые первые годы развертывания этого процесса на территории нашей страны обострился ключевой проблемный фактор – несовершенство паспортного контроля и правовой базы в сфере труда иностранных рабочих. Подавляющее количество иностранных граждан работало «по-серому». Стоит особо подчеркнуть следующие факторы, усугубляющие проблему нелегальной миграции - уязвимость границ государства; готовность мигрантов работать в плохих условиях с низкими заработными платами; заточенность некоторых секторов экономики под труд мигрантов (сельское хозяйство, строительство, работа на фермах, шахтах, производствах и т.д.) Необходимо отметить также тесную связь нелегальной миграции и преступности: мигранты часто бывают задействованы в наркоторговле, секс-индустрии и прочих нелегальных видах деятельности. Нелегальная миграция порождает новые преступления – развивается бизнес по переправке мигрантов, растёт уровень коррупции.

Законодотворцы взяли курс на исправление этой ситуации. Были обновлены или приняты следующие документы, законы и положения: ТК РФ ст. 50.1, ФЗ №115, ФЗ №109, «Постановления правительства об установлении допустимой доли иностранных работников», ТК РФ ст. 327.2 и 327.3, постановление Правительства РФ от 07.10.2021 № 1706. На данный момент сектор трудовой миграции в РФ остается всё еще очень разобщенным и бюрократизированным, но есть и положительные результаты: у легальных трудовых мигрантов столько же трудовых прав и свобод, сколько и у граждан РФ, кроме того, была оптимизирована налоговая нагрузка. Все эти меры привели к тому, что уже ко второй половине десятых количество легально устроившихся на работу мигрантов возросло примерно в 9 раз по сравнению с девяностыми.

Юг России, как отдельный регион, рассмотренный в работе, остро нуждается в трудовых мигрантах, т. к. из-за демографических проблем и массового отъезда молодежи из региона образуется большое количество свободных ниш на рынке труда. Но регион сталкивается с проблемой межэтнических конфликтов между мигрантами и коренным населением, т. к. местное население слабо информировано об экономической и демографической обстановке в регионе и считает политику по привлечению мигрантов мало необходимой.

Юг РФ не готов к принятию большого количества мигрантов, среди экспертов высказываются опасения, что усиление миграционных потоков негативно повлияет на социальную инфраструктуру и доступность медицины в регионах.

Литература

1. Денисова Г.С. Миграционная ситуация в регионах Юга России в 2019 г. В оценках экспертов // Гуманитарий Юга России. 2019. №6. С. 277–288.
2. Буданова Л.Ю. Исторические аспекты и проблемы миграции // Научные сообщения. 2017. № 2. С. 34–39.
3. Рыбаковский О.Л., Судоплатова В.С., Таюнова О.А. Вопросы оценки миграционного потенциала // Научное обозрение. 2015. № 3. С. 169–173.
4. Рязанцев, С. В. Современная миграционная политика России: проблемы и подходы к совершенствованию // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 117–126.
5. Тюрюканова Е.М. Миграционная ситуация в России // Отечественные записки. 2004. №4(19) 18–27.
6. Фокина Е.А. Проблема миграции трудовых ресурсов // Экономические науки. 2013. №12. С. 12–15.
7. Жулева М.С. Проблема реализации принципа толерантности в современном обществе // Межэтнические столкновения в поликультурной студенческой среде и пути их разрешения. 2013. №2. С. 13–14.

Дата получения рукописи: 26.04.2022

Дата окончания рецензирования: 13.05.2022

Дата принятия к публикации: 18.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Caucasian Science Bridge, 2022, Т. 5, №1
ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПУТЬ В НАУКУ»
doi: 10.18522/2658-5820.2022.1.22

Тезисы конференции

Этноконфессиональный фактор в социальной консолидации региональных сообществ на Юге России

В.В. Узунов¹

¹ Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

Для цитирования

Узунов В.В. (2022). Этноконфессиональный фактор в социальной консолидации региональных сообществ на Юге России. *Caucasian Science Bridge*, 5 (1), С. 112–114. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.1.22>

Хорошо известно, что этноконфессиональный фактор играет значительную роль в социокультурной динамике общества, в конструировании социальных отношений, особенно, в полиэтничных регионах. Важнейшим, в свете сказанного, он является и для такого сложного в этноконфессиональном плане региона, как Юг России. Его влияние проявляется, в том числе, и в процесс социальной консолидации в пространстве данного региона. По сути, два ключевых фактора вот уже более 25 лет оказывают доминантное влияние на развитие Юга России – этнический и конфессиональный.

Как справедливо указывает М.М. Мчедлова, религия снова активно возвращается в публичное пространство, определяя уже не столько частную жизнь людей, сколько формы социальных отношений и процессов, причем, как конструктивные, так и деструктивные [1]. Последние ярко проявляют себя в виде религиозного экстремизма, который наиболее развитые формы принимает в регионах, традиционно исповедующих ислам. Выражением высокой динамики влияния религиозного экстремизма на развитие этих регионов, сконцентрированных в региональном пространстве Юга России, является активное вовлечение молодежи в деструктивные исламистские структуры [2, С. 20].

Таким образом, сфера межрелигиозного взаимодействия на Юге России выступает ключевой в системе детерминант социокультурной интегрированности и развития общественно-политических, культурных и социальных процессов, а религиозность в данном регионе зачастую выступает в образе регионального патриотизма [3, С. 234]. Особенно это характерно для республик Северного Кавказа, что неудивительно, если учесть, что религия (в данном случае, ислам) традиционно выполняет здесь роль главной нормативной структуры общественного порядка.

Кстати, как отмечают исследователи, эта ситуация характерна не только для регионов, население которых в подавляющем большинстве исповедует ислам. Такая же ситуация складывается и в Ростовской области, и в Краснодарском крае, и в Ставрополье. Здесь также православное христианство становится идеологическим ресурсом в формировании духовно-нормативного пространства региона, патриотическом воспитании молодых жителей [3, С. 234].

Наиболее выраженными и востребованными религиозные интенции становятся в политическом пространстве современного мира и Юга России в том числе, а через политическую сферу они проникают еще глубже в ткань социальных отношений и определяют модели и стили социального поведения, вновь порождая дискурс относительно перспектив дальнейшего развития человечества [1].

Надо заметить, что интерес к консолидационному ресурсу религии значительно возрастает именно тогда, когда в обществе разрушены иные консолидационные силы. Об этом пишут исследователи, раскрывая особенности процесса консолидации, формирующегося по религиозному признаку [4, С. 27]. С.В. Рыжова указывает также на то, что религия в современной Религия и ее регионах выступает в качестве активного элемента этнического самосознания, т.е. этнической идентичности, особенно усиливая свое влияние в условиях межэтнической напряженности, когда религия становится фактором объединения с людьми своей национальности: такая ситуация, как свидетельствуют многолетние исследования Центра этнической социологии ФНИСЦ РАН, сложилась в российских регионах на современном этапе, и от 20% до 60% респондентов в разных регионах страны выбирают религию как то, что больше всего объединяет их с представителями своей национальности [5, С. 81].

Рост этнического самосознания и уровня религиозности российского населения в постсоветский период следует рассматривать как взаимообусловленные процессы, импульс которым придало разрушение советской политики атеизма и нациестроительства, снятие идеологических ограничений в области религиозных практик, повышение роли этнического фактора в жизни общества и связанные с этим процессы этнократии и этнонационализма [6, С. 58].

В полиэтничных регионах, как мы уже указывали, роль религиозного фактора особенно заметна, в том числе и в регионах с явно выраженными этноцентристскими тенденциями. Ю.Д. Джабраилов, анализируя сложившуюся ситуацию в Дагестане, пишет о влиянии ислама на этноконтактные процессы в данной республике, которая, в целом, характеризуется достаточно высокой степенью чувства общности населяющих ее этносов, однако, в отдельных районах сильны позиции этноцентризма, что актуализирует и интерес к религии, и ее роли в консолидации мусульман. Опрошенные в Дагестане эксперты оценили сплоченность мусульман республики на среднем и выше среднего уровне, а фактором деконсолидации мусульман Дагестана, по мнению Ю.Д. Джабраилова, выступают, зачастую, проблемы социально-экономического характера, а также фактор полиэтничности республики и, в большей степени, – использование этого фактора общественно-политическими силами в собственных интересах [7, С. 103]. Хорошо известно, что в Дагестане остро стоит земельный вопрос, который всегда выступал фактором напряжения в межэтнических отношениях различных народов республики, а решается он далеко не всегда эффективно и справедливо, что связано с нарушением баланса этнического представительства в республиканских органах власти и использовании «этнического родства» в распределении финансовых ресурсов, субсидий, дотаций, грантовых средств муниципалитетам и даже религиозным организациям [7, С. 104].

Таким образом, активизация политической борьбы между этнокланами, нерешённость социально-экономических проблем порождают в Дагестане деконсолидационные процессы и межэтнические конфликты, в разрешении которых ислам приносит значительную пользу, но, безусловно, решить весь спектр проблем только на основе религиозного фактора невозможно, особенно, если учесть, что в каждом конкретном случае, в конкретном районе республики, в пространстве тех или иных этноконтактных групп возникают свои специфические проблемы, накладывающиеся на проблемы внешнего характера (например, проблемы противодействия религиозному экстремизму извне) [8].

Исследования, проведенные на Северном Кавказе, констатируют, что среди самых конфликтогенных факторов, влияющих на социально-политическую и межэтническую ситуацию в данном регионе, выделяются именно факторы религиозности, и их влияние не будет уменьшаться с учетом неблагоприятной социально-экономической ситуации [9; 10; 11].

Вместе с тем, пространство межрелигиозного взаимодействия важно тем, что в нем формируется ценность доверия как нормативно определенная религиозной системой мировоззрения, а доверие, в свою очередь, выступает важнейшим фактором консолидационных процессов в обществе. Оно, можно сказать, структурирует всю систему связей и отношений, определяет их прочность и основательность, перспективы развития. Совершенно очевидно, что фактор доверия – ключевой в эффективной реализации любого проекта, ориентированного на повышение уровня консолидированности регионального социума, так как доверие выступает неотъемлемым элементом социального капитала, отражая готовность социума к сотрудничеству и конструктивному взаимодействию [12, С. 37].

Литература

1. Мчедлова М.М. Социальная консолидация российского общества: роль религиозного фактора. Режим доступа: <http://www.oboznik.ru/?p=46119>
2. Круглова А.Ю. Деструктивные исламистские и тюркско-исламистские сетевые структуры на Юге России: формирование, взаимодействие, деятельность и методы противодействия. Автореферат дис. ... канд. соц. наук. Ростов-на-Дону, 2019.
3. Институциональные практики в межэтническом и межрелигиозном взаимодействии на Юге России: междисциплинарный анализ и оценка потенциала использования в укреплении общероссийской идентичности: монография / Ю.Г. Волков, А.В. Лубский [и др.]; отв. ред. Ю.Г. Волков, Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018.
4. Силантьева М.В. Религия как фактор социальной консолидации современного российского общества // Точки. PUNCTA. 2011. №1-2(10).
5. Рыжова С.В. Религиозность и вопросы межэтнических отношений в России // Власть. 2018. № 9.
6. Бедрик А.В., Бинеева Н.К., Дьяченко А.Н. Этноконфессиональная идентичность населения юга России: дихотомия национального и религиозного компонентов // Гуманитарий Юга России. 2018. № 6.
7. Джабраилов Ю.Д. Ислам и этничность в Дагестане: особенности взаимовлияния (на основе экспертного опроса) // Власть. 2017. №11.
8. Национальная самобытность в преемственности поколений в условиях глобализации. 2016. Махачкала. 140 с.
9. Авксентьев В.А, Гриценко Г.Д. Этнополитическая ситуация на Северном Кавказе: экспертная оценка // Социологические исследования. 2016. № 1. С. 92-99.
10. Регионоведение. Юг России: краткий тематический словарь. (2004) под общ. ред. Ю. Г. Волкова, А. В. Попова. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ.
11. Dyatlov A.V., Kumykov A.M., Lubsky A.V., Serikov A.V., Posukhova O.Yu. National security: paradigmatic fundamentals of research practices // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. Т. 6. № 5 S4. С. 266-271.
12. Мукомель В.И., Рыжова С.Е. Доверие и недоверия в межнациональных отношениях // Социологические исследования. 2017. № 1.

Дата получения рукописи: 29.04.2022

Дата окончания рецензирования: 19.05.2022

Дата принятия к публикации: 26.05.2022

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «**Caucasian Science Bridge**» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала

«Caucasian Science Bridge»

(редакция от 25.06.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Репозитории ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения - обычно находится в разделе "Документы" Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
(*Anna V. Ivanova*) *Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.*

Научная степень, звание, должность,

Е-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи - 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному "слепому" принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста, либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей и, вместе с тем, выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных науко-

метрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю АРА (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом АРА)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отра-

жение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019), или, при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы, и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов, при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторов шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (a, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать пол-

ностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания, интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi, его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателя оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / a, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL

Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL

Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА**КНИГИ**

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.

Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.

Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская дис-

сертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфа-

витном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространённой в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX - beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарем определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: "автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор".

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.
6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.

9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: "рекомендуется", "рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков" или "не рекомендуется".

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.